

The book cover features a romantic illustration of a man and a woman in a garden. The man, with dark hair and a beard, is wearing a dark brown coat and is leaning in to kiss the woman on the cheek. The woman has blonde hair and is wearing a green dress. They are standing in a garden with purple flowers and a stone wall in the background. The entire scene is framed by a decorative black wrought-iron border. At the top, the author's name 'Светлана Савицкая' is written in a small, stylized font. The title 'ДЖИЛМАН ХАНТЕР' is prominently displayed in large, blue, stylized letters. At the bottom, the subtitle 'Трешные игры обаятельного мена' is written in a flowing, purple script.

Светлана Савицкая

ДЖИЛМАН ХАНТЕР

Трешные игры
обаятельного мена

Красавец повеса Дрейк, лорд Боскасл, считал любовь глупой поэтической выдумкой и находил удовлетворение в объятиях бесчисленных актрис и куртизанок. Однако встреча со скромной Элоизой Гудвин, разыскивающей сбежавшую воспитанницу, изменила все. В жизнь Дрейка впервые ворвалась страсть — безумная, всепоглощающая, неодолимая. Эта женщина должна принадлежать ему, и только ему — причем не на краткий миг, а навеки! Лорд Боскасл готов помочь девушке в ее поисках, однако потребует за свою помощь высокую цену — не только тело, но и душу Элоизы...

Джиллиан Хантер

Грешные игры джентльмена

Жаклин со всей моей любовью

Лондон, 1815 год

До назначенной встречи с самой чувственной женщиной Европы оставалось меньше двух часов, но это время лорду Дрейку Боскаслу предстояло промучиться на вечере. Зато если все пойдет так, как он предполагает, ему удастся сделать знаменитую английскую куртизанку Марибеллу Сент-Айвз своей очередной любовницей. Боскаслу хотелось верить, что все дурацкие переговоры, потребовавшиеся для того, чтобы он смог назначить свидание, себя оправдают, и она не обманет его ожиданий, иначе он почувствует себя полным идиотом! Целый месяц он переписывался с Марибеллой и потратил на подарки для нее небольшое состояние, чтобы доказать свою искренность. Марибелла в долгу не осталась: ее личные агенты провели настоящее расследование, чтобы изучить его характер. Последний слух, дошедший до ушей Дрейка, касался его кухарки — ее расспрашивали о том, что он обычно ест на обед.

При воспоминании об этом в синих глазах лорда оттенка индиго мелькнула ироническая усмешка. Любой, кто захотел бы покопаться в его прошлом, обнаружил бы там целое хранилище историй скандалов и неблагоразумных поступков. Впрочем, похоже, мисс Сент-Айвз не смутила репутация Боскасла. Судя по всему, он вполне отвечал ее требованиям к предполагаемому покровителю. Лорд Боскасл предложил Марибелле встретиться нынешним вечером в частных апартаментах салона Одри Уотсон на Брутон-стрит. Разумеется, это был никакой не салон — за этим словом пряталось другое: хозяйка заведения Одри содержала бордель, правда, элитарный.

Слуга Боскасла уже собрал ему необходимые вещи и смену свежего белья, не потрудившись даже поинтересоваться, вернется ли его хозяин к завтраку. Сам Дрейк надеялся, что дома он появится не раньше чем через неделю. В последнее время в его жизни не было никаких удовольствий, даже секса, и Боскаслу стало казаться, что с каждым днем у него все меньше желания ценить радости жизни. Дрейк даже объяснить не мог бы толком, чем вызвана такая неудовлетворенность собой, однако он уже почти решил, что, если и с Марибеллой ничего не получится, он вернется к военной службе.

— Считаешь минуты? — спросил Дрейка его младший брат лорд Девон Боскасл, стоявший позади него.

Дрейк оглянулся и улыбнулся брату в ответ. Небольшая группа дебютанток, глазевших на Девона, в ожидании затаила дыхание: его открытое обаяние, казалось им, не представляло для них такую угрозу, как некоторая неприступность его старшего брата.

— Да уж не минуты, а секунды, — сухо промолвил он.

— Сообщи мне, есть ли у мисс Сент-Айвз сестры, нуждающиеся в покровителе, — понизив голос, проговорил Девон. — Впрочем, я прошу тебя об этом в надежде на то, что к концу вечера ты еще будешь способен что-то понимать.

Покачав головой, Дрейк окинул комнату саркастическим взглядом.

— Да я всю ночь собираюсь разговаривать, — сказал он. — Ты разве не слышал, что она славится своим умом?

— Так ты именно поэтому заинтересовался ею? — усмехнулся Девон. — Для того чтобы вести с ней долгие беседы?

Дрейк похлопал брата по плечу.

— Ступай танцевать с дебютантками, Девон, — посоветовал он. — Им до смерти хочется, чтобы ты их пригласил.

— Но не могу же я танцевать со всеми сразу, — сказал Девон. — Почему бы тебе не помочь мне?

Дрейк отрицательно помотал головой.

— Нет уж, этих невинных пташек я оставлю тебе, — вымолвил он. — К тому же мне необходимо сберечь силы.

В это мгновение к братьям подошел один из их общих знакомых.

— Полагаю, Боскасл, на аукционе нам тебя сегодня не увидеть, — обратился он к Дрейку.

В тоне его чувствовалась зависть.

— Да ты счастливчик, дьявол побери!

Дрейк рассмеялся в ответ, но его смех тут же потонул в зажигательной мелодии — музыканты неожиданно заиграли деревенский танец. Боскасл нерешительно осмотрелся по сторонам в поисках партнерши. Честно говоря, он бы предпочел пуститься в пляс с женой или сестрой какого-нибудь своего приятеля, а не с робкой дебютанткой, которая смотрела бы на него с трепетной надеждой или оглушила бы его после танца глупой болтовней.

Наконец взор Дрейка остановился на молодой, хорошо сложенной темноволосой женщине в простом сиреновом платье, которая стояла, опустив глаза. Она казалась какой-то потерянной — возможно, ей было немного не по себе. Боскасла привлекло в ней какое-то странное, интригующее ощущение паники, окружавшее ее. В общем, для его целей эта женщина вполне подходила — ведь Дрейк хотел провести всего лишь несколько приятных минут в ее обществе.

Он приблизился к ней и, поймав на себе ее вопросительный взгляд, откашлялся. Однако она тут же отвернулась. Неужели решила не замечать его вовсе? Такого он, опытный женский угодник, вынести не мог.

— Потеряли овечку? — тихо спросил Дрейк, едва не касаясь подбородком ее уха.

Ее нежные, цвета слоновой кости плечи напряглись. Боскасл чувствовал: она, разумеется, знает о том, что он стоит рядом с нею, однако почему-то не поворачивается и не смотрит на него.

— В некотором роде, — рассеянно промолвила она.

Другой бы на месте Дрейка понял этот непрозрачный намек и постарался убратся восвояси. Но он вместо этого принялся изучать ее профиль: небольшой, далеко не аристократический нос, упрямый подбородок, сочные чувственные губы. Его взгляд лениво скользнул вниз, к ее налитой груди, видневшейся в вырезе платья.

— Может, будем искать ее вместе, а? — спросил Боскасл, скрывая свои мысли за вежливой улыбкой.

Она наконец слегка повернула голову, чтобы взглянуть на него. На ее овальном лице застыло выражение привычной надменности, которая, однако, исчезла, едва их глаза встретились. Она заморгала. Дрейк смотрел на нее, наслаждаясь собственным чувством приятного удивления. Он успел заметить, как она нервно прикусила верхнюю пухлую губу, прежде чем отступить на полшага назад. Больше ей не удастся игнорировать его. Потому что она увидела в нем угрозу своей женской добродетели.

— Пойдемте танцевать, — сказал Боскасл, осторожно взяв ее под руку. — Поохотимся за вашей овечкой вместе. Уж так вышло, что я очень неплохой охотник.

Незнакомка несколько мгновений опасливо смотрела на его руку, а затем вновь подняла прищуренные глаза к его лицу. По ее пухлым губам пробежало некое подобие улыбки.

— Для волков это обычное дело, — проговорила она.

Дрейк рассмеялся: ее ответ ему понравился, хоть и несколько удивил его. А потом он увлек ее вперед. Женщина с силой попыталась высвободить руку, но бежать ей было некуда: вокруг них не осталось свободного места, гости заполнили каждый уголок. Бальный зал был полон элегантно одетых леди и лордов, задевавших друг друга локтями. От них было столько шума! Боскасл невольно подумал о скотном дворе, в котором кудахчут куры и кричат ослы, что свидетельствовало о его отношении к светскому обществу в целом.

Дрейк едва мог слышать, что его несговорчивая партнерша пыталась сказать ему, перекрикивая шум голосов и звуки музыки, исполняемой оркестром.

— Расскажите мне о нем попозже, — попросил он, обратив внимание на ее страдальческий вид.

Вообще-то Дрейку не хотелось не только разговаривать, но и танцевать. Он просто хотел скоротать время с этой приятной незнакомкой до вечера, до встречи с Марибсллой, с которой он обменялся лишь парой ничего не значащих, но интригующих фраз. Все их отношения строились лишь на слухах да косвенных намеках, что, впрочем, делало их еще более заманчивыми.

— Я говорю не о нем, — с усилием промолвила сопротивляющаяся партнерша Дрейка, когда он привлек ее к себе, чтобы начать танец.

От тепла ее неподатливого тела в Боскасле неожиданно вспыхнуло горячее желание. Что-то в ее стойкости нравилось Дрейку, привлекало его. Она явно была хорошей партнершей по танцам, потому что двигалась легко и непринужденно.

Боскасл наблюдал за ней из-под полуопущенных век, а она следила взором за окружающими. Лицо незнакомки было открыто — тяжелая копна темно-каштановых кудрей спадала ей на спину, подчеркивая сливочный оттенок ее кожи. Никаких украшений, только пара жемчужных сережек. Да и фасон ее сиреневого платья из муслина явно не был рассчитан на то, чтобы привлечь чье-то внимание. Она скорее походила не на знатную даму, а на компаньонку или гувернантку. Кстати, этим можно было бы объяснить, почему она ищет взором заблудшую овечку. Возможно, он поставил ее в неловкое положение, пригласив на танец.

При изменении фигуры танца на нее налетел какой-то мужчина средних лет. Наградив его мрачным взглядом, Дрейк невольно поднял руку, чтобы удержать ее. При этом незнакомка прижалась к нему пышным бюстом, вызвав у Дрейка новый прилив желания. Он позволил своей руке опуститься вниз и прикоснуться к изгибу ее поясицы. Да! Ощущение было потрясающим и таким... многообещающим. Боскаслу нравилось укладывать в свою постель фигуристых дам.

— Прошу прощения, — сказала она, заводя руку за спину, чтобы оттолкнуть его. — Чьи-то пальцы шарят там, где им быть не положено. — На ее приятном овальном лице появилось неодобрительное выражение, отчего Дрейк улыбнулся.

Только сейчас он осознал, что у нее глаза цвета ореха. В зависимости от освещения они кажутся то темно-карими, то зеленоватыми. Глаза умные, но отнюдь не наивные.

— Вам не следует ни о чем просить меня, — отозвался Боскасл.

Неожиданно его мысли двинулись в неположенном направлении.

— Почему бы вам просто не получать удовольствие от происходящего?

Незнакомка посмотрела на него с таким выражением, будто только что проглотила целую вареную луковицу.

— Получать удовольствие от себя? — переспросила она.

Дрейк обхватил ее запястье.

— Вам вообще не позволено получать удовольствие? — спросил он.

— Я потеряла свою подопечную, — с досадой промолвила она.

Тут танец вновь развел их в стороны.

— И я пришла сюда не для того, чтобы получать удовольствие.

— Хотите выйти отсюда и поискать ее? — тихо спросил Дрейк с деланной заботливостью.

В бальном зале было жарко, как в аду, и он был бы не прочь вывести ее на пару минут в темноту, на воздух.

— Выйти из дома? — пробормотала незнакомка, недоуменно приподнимая изогнутые брови. — Да я из нее душу вытрясу, если она вышла из дома.

Боскасл засмеялся. Похоже, он действительно не производит на нее ни малейшего впечатления. Оставалось надеяться на то, что продолжение вечера станет для него более удачным.

— Вы всегда так переживаете, если теряете из виду одну из своих овечек? — поинтересовался он.

— Овечку! Да целая армия гусар не удержала бы эту девчонку, не заставила бы ее встать в строй! — возмущенно проговорила она. — Правда, она с удовольствием позлила бы их, вот что я вам скажу.

— Именно этим вы и занимаетесь? — продолжил расспросы Дрейк, подводя ее к дверям, ведущим в сад.

Хороший он нашел предлог для того, чтобы выйти из душного зала.

— Заставляете вставать в строй непослушных особ?

— Сейчас я нахожусь именно в таком положении. — Незнакомка резко остановилась, пытаясь дотянуться рукой до двери у себя за спиной.

Истинный джентльмен отступил бы назад, чтобы между ними образовалась дистанция. Дрейк себя такими вещами не обременял.

— Может, вы могли бы заставить и меня встать в строй? — предложил он, поддавшись таившемуся в его существе демону, который заставлял его поддразнивать ее. — Не многие решались назвать меня непослушным.

— Уверена, что таких было немало. Однако...

Обхватив женщину за талию, Дрейк распахнул перед нею дверь. Одно мгновение ему даже казалось, что она хоть как-то отреагирует на это.

— ...вы лет на двадцать старше моих наиболее непослушных клиенток, — договорила она вместо этого бесстрастным тоном. — Так что, боюсь, придется вам самому братья за дело. Самодисциплина и все такое...

Боскасл засмеялся, притворившись обиженным.

— На двадцать лет? — переспросил он. — Да я себя настоящим старцем, библейским Мафусаилом внезапно почувствовал!

Двери распахнулись. Влажный ночной воздух остудил жар, исходящий от их тел.

— Честно говоря, — с едва заметной улыбкой промолвила она, вглядываясь в заросли кустарника, — я бы скорее назвала вас Мефистофелем.

— Мефистофелем? — удивился Дрейк, выводя ее из дома.

— Да. — Незнакомка шагнула на террасу, куда уже вышли несколько пар. — Дьяволом, — пояснила она.

— Да я понял, кого вы имеете в виду, — заметил Дрейк.

Он осторожно повел свою спутницу в свободный уголок террасы, освещенный голубоватым лунным светом.

— Правда, я не стал бы клеймить человека такими прозвищами после столь короткого знакомства, как наше. — Если она захочет поближе познакомиться с ним, то, без сомнения, ей придется назвать ему какие-то имена.

— По опыту я знаю, что первое впечатление обычно меня не обманывает. — Через его плечо она внимательно осматривала группы людей, проходивших мимо них.

— Но я не думал, что вообще произвожу на кого-то впечатление, — с добродушной усмешкой проговорил Боскасл.

Он прикоснулся к ее вспыхнувшей щеке затянутой в перчатку рукой. Он требовал — и неожиданно получил — ее полное внимание.

— А вы не могли бы на несколько минут отложить исполнение своего долга?

Незнакомка посмотрела на него своими ореховыми глазами, по выражению которых Дрейк понял, что она, похоже, вовсе не так равнодушна к нему, как старается показать.

— Вы только представляете себе, какие неприятности женщина может навлечь на себя за какие-то считанные мгновения? — Договорив фразу, она тут же покачала головой, словно пожалела о своих словах. — Только поймите меня правильно: я имела в виду свою подопечную.

Дрейк склонил голову к изгибу ее подбородка.

— Могу я хотя бы поцеловать вас, прежде чем вы уйдете? — попросил он, намереваясь удовлетворить свое любопытство, и ничего более.

Не может быть, чтобы ее мягкие губы были столь же восхитительными на вкус, какими казались.

Боскасл не стал ждать ее разрешения. Схватив рукой ее подбородок, он накрыл губы женщины своими губами и впился поцелуем в этот соблазнительный рот. Она судорожно вздохнула и замерла на месте — такая обворожительная! Дрейк мгновенно почувствовал, как закипает кровь в его жилах. Переступив с ноги на ногу, Дрейк прижал ее к своему железному телу. Она лишь едва слышно вдохнула. Господи, когда же в последний раз он испытывал подобный соблазн?

— А вот этого, — прошептала она неуверенным тоном, склоняя голову набок, — вполне достаточно, благодарю вас.

— Да не за что, всегда рад. — Боскасл поднес руку к ее округлому плечу. — Только я бы не сказал, что этого было достаточно.

— Было, — возразила незнакомка.

— Нет, не было, — заспорил Дрейк.

— Этого...

— Нет, не было, — продолжал убеждать он ее вполголоса. — Я сейчас докажу вам, что я прав.

Она медленно подняла к нему лицо. На этот раз женщина приоткрыла рот, позволив его языку проскользнуть в его теплую сладость. Неожиданно она изогнулась, и Дрейк поспешил подхватить ее, успев подумать, что он вот-вот забудет о том, где они находятся.

— Я же говорил вам, — проникновенным тоном прошептал он.

Незнакомка слегка поежилась — она казалась ему удивленной и очень желанной.

— Что говорили? — переспросила она.

Боскасл закрыл глаза, сиюсь взять себя в руки, а затем вновь прижал ее к себе, чтобы еще хоть на мгновение продлить эту сладкую пытку, которую он сам себе устроил. Когда он отпустил незнакомку, ее глаза, к его изумлению, пылали страстью, а грудь бурно вздымалась от учащенного дыхания.

— А теперь, если вы не возражаете, — проговорила она, прижимая руку к сердцу, — я должна вас оставить. Благодарю вас за танец, но, кажется, остаток вечера я буду сильно занята.

— Я тоже. — Дрейк с сожалением посмотрел на ее лицо, залитое лунным светом. Ее влажные пухлые губы так и манили к себе. — Хотя, как подсказывает мой опыт, неожиданные удовольствия приносят нам наибольшее удовлетворение, — проговорил он, наклоняясь, чтобы вновь привлечь ее к себе.

Ее ответный смех поразил его.

— Уверена, что вы довольно часто позволяете себе «неождаанные удовольствия», — вымолвила она.

Дрейк усмехнулся, когда незнакомка приподняла край юбки, чтобы обойти его. Он был рад, что они расстанутся друзьями.

— Не стану отрицать этого, но и не отказываюсь от своих слов, — заметил Боскасл.

— Сомневаюсь, что вы вообще от чего-то отказываетесь, — бросила она в ответ.

Дрейк схватил нежное кружево ее рукава и осторожно потянул женщину к себе.

— Так зачем же нам сейчас отказываться от того, что мы можем себе позволить? — спросил он, довольный тем, что ее тело пронзила дрожь, когда их тела соприкоснулись.

В ответ она посмотрела Боскаслу в глаза таким пронзительным взглядом, словно хотела заглянуть в самое сердце.

— Иногда отрицание положительно воздействует на душу, — заметила женщина.

— Нет, погодите... Хотя бы назовите мне ваше имя, — попросил Боскасл. — Меня зовут Дрейк.

Она медлила. Дрейк опустил руку и прислонился к каменной стене, осознавая, что она вот-вот исчезнет. Так надо хотя бы узнать ее имя. Ему нравилось, что незнакомка себе на уме, нравилась ее чувственность, будившая в мужчине страстное желание. Было ему по нраву и то, что она не ломалась и не кокетничала, как остальные женщины, осмелившиеся флиртовать с ним. Интересно, подумал он, был ли у нее любовник. Побери его дьявол, но он не отказался бы стать ее первым мужчиной!

— У меня нет времени на игры, в которые любят играть мужчины-грешники, — сказала она, перестав улыбаться. — Я слишком много работаю, чтобы поддаваться соблазну.

Похоже, что она именно та, за кого себя выдает, подумал Боскасл. Дрейк смотрел вслед незнакомке, которая быстро вернулась в бальный зал и тут же затерялась в толпе гостей. Сначала он хотел было пойти следом за нею, однако не стоило навлекать на нее неприятности. Впрочем, если бы не его грандиозные планы на эту ночь, он скорее всего все-таки отправился бы за ней. Одному Богу известно, как он устал от шлюх и пресных молодых девиц, которые хихикали или краснели при каждом его слове.

Хотя... Богу известно еще и то, насколько он вообще устал от жизни.

Оказавшись в бальном зале, Элоиза Гудвин остановилась на мгновение, чтобы собраться с мыслями. После ночной прохлады она ощутила приятное тепло. Но при виде множества пар, танцующих в золотистом свете свечей, она вновь почувствовала головокружение. Ох, милое приключение не помогло исправить ситуацию. Ее подопечная исчезла куда-то с кем-то в те несколько мгновений, когда она против всех правил беспечно позволила себе ответить на ухаживания этого ловеласа.

Но уж больно хорош был этот самец, аж дух захватывало, невольно подумала она. Сердце Элоизы вновь учащенно забилося. Едва взглянув в его лживые синие глаза и точеное худощавое лицо, она поняла, что человек с такой улыбкой готов на самые прихотливые развлечения. Разве ему было не наплевать на то, что он танцует с компаньонкой? С оказавшейся в тупике обнищавшей леди, у которой нет времени на любовные игры? Или, может, поэтому он первым делом подошел именно к ней? Она была пухлой голубицей, созревшей для его намерений, среди целого моря прекрасных и грациозных лебедей.

Элоиза печально вздохнула. По крайней мере он был опытным сердцеедом. Элоиза не могла припомнить ни одного мгновения в своей жизни, когда бы ей так хотелось поддаться соблазну. Разумеется, ни один из тех деревенских джентльменов, которые осмеливались ущипнуть ее за мягкое место или урвать у нее поцелуй где-нибудь в буфетной, не обладал даже малой толикой того обаяния и искусства обольщения, как он. Его поцелуй потряс ее до глубины души.

Элоиза с неохотой посмотрела на двери, ведущие на террасу, спрашивая себя о том, вернулся ли он в бальный зал. Да, лицо у него было красивым, но за этой красотой Элоиза разглядела мрачное выражение. Оно манило, как нередко манит темнота, но настораживало. Дьяволу нельзя симпатизировать.

Впрочем, едва ли кто-то посмотрел бы с симпатией на женщину, лихо отплясывающую, в то время как ее наняли для того, чтобы она выступила в роли чьей-то наставницы или компаньонки. Боже упаси оттого, чтобы кто-нибудь из ее будущих клиентов мог заметить столь неподобающее поведение! Хотя, к счастью для Элоизы, едва ли кто-нибудь вспомнит об этом эпизоде.

Женщина в ее положении хочет остаться анонимной. Много лет она нарочно пряталась в тени и теперь не испытывала ни малейшего желания привлекать к себе внимание. Правда, мисс Талию Торнтон она бы с радостью задушила голыми руками — за то, что та ускользнула из бального зала. Для этого понадобилось какое-то мгновение — Элоиза лишь на секунду наклонилась, чтобы поднять веер, который одна полная дама уронила на пол, а когда она выпрямилась, Талия уже исчезла из виду.

Элоиза прикусила губу. Теперь, обдумывая сложившуюся ситуацию, она припомнила, что ее юная подопечная уж слишком сильно рвалась на этот бал, что, без сомнения, означало: без мужчины тут не обошлось. Опыт подсказывал Элоизе, что так всегда бывает, когда случаются неприятности, а именно они составляли суть жизни Талии Торнтон. Вообще-то Элоиза ни за что не согласилась бы работать с такой особой, однако она в некоторой степени получила эту должность в наследство.

Еще два года назад Элоиза была вполне довольна жизнью, находясь в услужении у двоюродной бабушки Талии Юделлы Торнтон. И когда Юделла в прошлое Рождество тихо

отошла в мир иной, Элоиза была готова упаковать свои вещи и искать работу где-нибудь еще.

Однако к ней обратился племянник Юделлы лорд Хорас Торнтон: он уговорил Элоизу стать компаньонкой его незамужней сестры Талии. Лорд пообещал, что ей придется занимать этот пост лишь до тех пор, пока он не выдаст Талию замуж. В результате Элоиза, не без усилия подавив в себе внутреннее сопротивление, приняла предложение лорда.

Талия, не имевшая родителей, которые бы помогли ей вырасти достойной женщиной, зато имевшая брата, промотавшего все свое состояние, была... — честно говоря, для того, чтобы ее описать, добрых слов не найти, — обидчивым, невыносимым существом.

— Вы нашли ее? — раздался за спиной у Элоизы озабоченный женский голос.

Испытывая угрызения совести, Элоиза отвела взор от дверей, ведущих в сад. Настала пора забыть о ловеласе и похищенных им у нее поцелуях. Реальность обернулась для нее безвкусно одетой женщиной лет тридцати, остановившейся подле нее. Мисс Мэри Уэстон была компаньонкой той самой неуклюжей баронессы, которая выронила веер, что положило начало всей цепочке вечерних событий.

— Нет, — ответила Элоиза, чувствуя, что ее вновь охватывает паника. — Ее не было в гардеробной?

Мэри отрицательно помотала головой в ответ.

— Нет, — прошептала она. — И никто ее не видел. Может, стоит поискать в оранжерее, как вы думаете? Или в одной из комнат наверху?

— Понятия не имею, откуда начинать поиски, — промолвила Элоиза, бледнея при мысли о предположении, что ей придется заглядывать в чужие спальни.

А как надо будет себя вести, если она застанет Талию с любовником?

— Не совершит же она такой глупости, — шепотом ответила Мэри на ее незаданный вопрос.

Женщина явно переживала не меньше самой Элоизы.

— Да запросто! — с мрачной уверенностью заверила ее Элоиза.

— Но она же помолвлена...

— С человеком, которого, по заверениям Талии, она любить не может.

Речь шла об одураченном несчастном баронете, который предложил Элоизе щедрое вознаграждение за то, чтобы она присматривала за его «энергичной невестой» до тех пор, пока он не вернется из Амстердама.

Весьма непривлекательный, он, без сомнения, прекрасно понимал, что ни в какое сравнение не идет с теми молодыми светскими щеголями, которые волочились за Талией. Элоиза бы ничуть не удивилась, узнав, что Талия намеренно так ведет себя, чтобы саботировать собственную помолвку.

— А что же ее брат? — спросила Мэри, осматриваясь по сторонам. — Лорд Торнтон ведь привез сюда вас обеих, не так ли?

— Сомневаюсь, что его светлость вообще помнит о существовании сестры, не говоря уж о том, что его может взволновать ее исчезновение, — заметила Элоиза.

Неожиданно ее тревога прошла. В бальный зал из сада украдкой вошла пара — с лиц мужчины и женщины еще не исчезли следы страсти и тех интимных тайн, которыми они только что обменялись. Элоиза сразу поняла, что женщина не была Талией, а высокий джентльмен рядом с нею был тем синеглазым красавцем, который оторвал Элоизу от ее обязанностей.

Мэри слегка подтолкнула ее.

— Вы должны поймать ее до того, как это сделает кто-то другой, — промолвила она.

Напоминание Мэри подействовало на Элоизу — во всяком случае, она вспомнила, что компаньонке баронессы недосуг думать обо всяких повесах.

— Можете мне поверить, я твердо намереваюсь это сделать, — заявила Элоиза.

Поднявшись в расположенный наверху игорный зал, Дрейк ходил, озираясь по сторонам, в поисках брата. Возможно, мальчику повезло больше с одной из тех серых птичек, что стайкой вились вокруг него, чем ему самому с милой, но несговорчивой леди, помешанной на своих обязанностях. Впрочем, ее сдержанность пришлась Дрейку по нраву; больше того, она сумела по-настоящему взволновать его, а это мало кому удавалось.

Боскасл улыбнулся, с удовольствием вспомнив их слишком короткую встречу. При воспоминании о том, как ее тело прильнуло к нему, Дрейк почувствовал приятное волнение, вновь заставившее кровь в его жилах бежать чуть быстрее. Будь у него больше времени, он сумел бы сломить ее сопротивление. Хотя, возможно, это даже хорошо, что она убежала от него. Потому что репутацию любой молодой женщины, которую видели в обществе Дрейка Боскасла, можно считать испорченной.

— Добрый вечер, Боскасл, — услышал он чей-то голос из глубин кресла-качалки. — Неужто это последний раз, когда все мы видим вас живым?

— Если повезет, — ответил Дрейк, даже не останавливаясь, чтобы удовлетворить ленивое любопытство говорившего.

Марибелла Сент-Айвз редко заводила себе любовника тихо, без фанфар, а о ее бурном темпераменте частенько писали даже в газетах. Однако Дрейк предпочитал о своих делах помалкивать, считая, что они касаются его одного.

Боскасл пригляделся к окружающим. За столиком у окна шла горячая игра в экарте. В свете свечей Дрейк узнал двоих игравших. Одним был его кузен-выскочка, сэр Гейбриел Боскасл, смуглый, много переживший солдат, раненный в Испании. Игравший против него человек был лордом Хорасом Торнтоном, вечно неудачливым братом покойных друзей Дрейка.

У Гейбриела был такой невозмутимый и непроницаемый вид, какой могли напустить на себя только Боскаслы. Хорас был бледен, как полотно, и беспрестанно пил. Судя по отчаянному выражению его лица, он проигрывал. Обожавший всевозможные состязания, Гейбриел, похоже, был готов лишить Хораса последнего полпенсовика. Дрейк отвернулся — ему было неприятно смотреть на Торнтон. Он не хотел становиться свидетелем падения человека, к которому не испытывал уважения.

Впрочем, Дрейку вообще не хотелось иметь дела с какими-либо аспектами тревожившей его дилеммы. В последние несколько месяцев он начал понимать, что его недовольство окружающим миром становится все более острым. Боскасл не мог понять, в чем дело, однако, неуверенно предполагал он, все началось в годовщину страшной смерти его младшего брата Брендона. В тот же месяц Дрейк расстался со своей последней любовницей. Он подозревал, что его мрачное настроение послужило одной из причин их расставания. Она обвинила его в том, что он негодяй, которому на нее наплевать. Дрейк не стал отрицать этого.

Тут от размышлений его оторвала угрожающая тишина, неожиданно воцарившаяся в комнате. Не успел он повернуться, чтобы узнать, что случилось, как на весь игорный зал от стоявшего у окна стола разнеслись мужские крики.

Кузен Дрейка встал со стула, чтобы схватить Хораса за концы шейного платка. Сжатые в тонкую линию губы Гейбриела служили верным показателем его ярости. Хораса явно трясло, словно он пытался сдержать слезы. Одного усталого взгляда Дрейку было довольно для того, чтобы оценить ситуацию. Да что за жизнь такая!

— Он жульничал, — проговорил Гейбриел, отвечая на вопросительный взгляд Дрейка. — Только посмотри на края карт! Я требую сатисфакции.

Хорас опустил на стул и подтолкнул по столу в его сторону бокал портвейна.

— Будешь моим секундантом, Дрейк? — спросил он. — Помнится, мой брат помогал тебе при необходимости.

Несколько мгновений Дрейк пребывал в нерешительности: самонадеянность Хораса поразила его. Не говоря уж о том, что не следовало ему совершать такую глупость и играть краплеными картами. Каким же идиотом надо быть, чтобы обманывать Боскасла и надеяться на то, что тот ничего не заметит! И с какой это стати Дрейк должен вмешиваться в грязное дело, выступать на дуэли против собственного кузена? Хотя, честно говоря, Гейбриела Дрейк недолюбливал, к тому же он был абсолютно уверен в том, что кузен отвечает ему взаимностью.

Еще какой-нибудь год назад Дрейк отколотил бы Хораса за то, что тот вовлек его в публичный скандал. В конце концов, Гейбриел — его родственник, родная кровь, пусть даже он и безжалостный тип, которому доставляет удовольствие плохо относиться к Дрейку. Шулерство в карточной игре недопустимо, неприемлемо. И в то же время в Хорасе было что-то столь жалкое, а ведь на его покойного брата, погибшего в сражении, Дрейк действительно всегда мог рассчитывать.

Гейбриел мрачно посмотрел на Дрейка.

— Рад снова видеть тебя, кузен, — промолвил он. — Жаль, что я не присутствовал на свадьбе Хита. Кстати, буду не в обиде, если ты отзовешься на просьбу этого дурачка.

Дрейк не смог сдержать смех.

— Это почему?

— Позавтракаешь со мной, если мы оба выживем? — спросил Гейбриел, делая знак лакею принести ему пальто. — Не часто я бываю в Лондоне.

Дрейк задумался: он еще не знал, каковы будут его планы на следующий день. Вообще-то до сих пор он надеялся на то, что завтра у него будет потрясающий секс, чередующийся с не менее потрясающими беседами с Марибеллой. К тому же он не был уверен, что ему хочется проводить время в компании Гейбриела. Дрейк подозревал, что они слишком похожи, чтобы доверять друг другу.

— Посмотрим, — уклончиво ответил он.

Рот Гейбриела скривился в мрачную улыбку. От Боскаслов он унаследовал тот же синий цвет глаз, что и у Дрейка, только более темного оттенка.

— Что ж, развлекайся этой ночью, — бросил он.

Дрейк сухо кивнул. Ему стало интересно, был ли среди его знакомых хоть один мужчина, который бы не знал о том, что Дрейк Боскасл был выбран на завидную роль покровителя Марибеллы. Оставалось только надеяться, что она заслуживает свою репутацию, а он достоин своей.

Хорас направился к двери, Гейбриел отвернулся. У молодого Хораса был столь несчастный вид и он так явно стыдился собственного поступка, что Дрейк невольно пожалел его.

— Ради Бога, ступай домой, поспи хоть немного, — сказал Дрейк. — К утру тебе нужно отдохнуть.

Хорас с трудом сглотнул.

— Если повезет, к рассвету меня уже не будет, — прошептал он хриплым голосом.

Дрейк с отвращением покачал головой.

— Твой старший брат убил бы тебя за поруганную честь семьи, — проговорил он. — Лишь из почтения к его памяти я с тобой вообще разговариваю.

— Знаю, — самоуничижительным тоном промолвил Хорас. — Надо полагать, я не могу просить тебя еще об одной услуге?

— Не делай этого, — предостерег удивленный Гейбриел Дрейка.

— Я не дам тебе денег, — равнодушно сказал Дрейк. — Уже до нынешнего вечера ты был обременен долгами.

— Да не об этом речь! — Хорас понизил голос. — Я прошу всего лишь о том, чтобы ты проводил домой мою сестру. Ты же помнишь Талию, да?

— Ты говоришь о той маленькой отвратительной девчонке, которая тыкала всем в ноги своей щеткой, когда я в последний раз видел ее? — простонал Дрейк.

Хорас заставил себя слабо улыбнуться.

— Она до сих пор маленькая и отвратительная, — вымолвил он. — Однако скоро Талия выходит замуж, а свою щетку для волос она вот уже несколько лет использует только по прямому назначению.

— У меня другие планы на вечер, Торнтон, — холодно проговорил Дрейк.

Он отлично понимал, что Гейбриел получает немалое удовольствие от их разговора.

— Я прошу лишь о том, чтобы ты проводил ее домой, — устало повторил Хорас. — Мне не хочется встречаться с нею сегодня. Не можешь же ты бросить ее одну. — Оглядев неподвижную фигуру застывшего на месте Дрейка, Хорас задумчиво добавил: — Только тебе надо быть осторожным с этой драконшей. Эта женщина дышит огнем. Я до полусмерти ее боюсь.

Дрейк заметил, как по лицу его кузена пробежала насмешливая улыбка.

— Понятия не имею, о ком ты говоришь, — заметил он. — Кстати, где же сама Талия?

Казалось, Хорас, направившийся к двери, съежился на несколько размеров. Устремленные на него глаза собравшихся в игорном зале были полны презрения. Сегодняшний поступок означал для Хораса конец светской жизни.

— Она на вечере, — пробормотал он. — Танцует, насколько мне известно.

Гейбриел широко улыбнулся, когда Хорас вышел из комнаты.

— Боюсь, Дрейк, утром на встрече окажемся лишь мы с тобой, — сказал он насмешливо.

— Вот и хорошо, — с мрачной улыбкой отозвался Дрейк. — Тогда у меня появится шанс рассчитаться с тобой за все, чем ты меня много лет раздражал.

Прикрыв рот рукой, Дрейк громко покашлял, а потом отошел в тень оранжереи, чтобы дать возможность Талии и сопровождавшему ее мужчине завершить поцелуй. Прошло несколько мгновений, но присутствие постороннего, как оказалось, ничуть не смутило любвеобильную парочку. Наблюдая за ними, Дрейк ощутил явный дискомфорт. И тут же напомнил себе, что скоро его ждут собственные удовольствия.

Боскасл похлопал чрезмерно увлекшегося молодого человека по плечу.

— Ну довольно, — проговорил он. — Хватит.

— Не сейчас, — пробормотал мужчина, отмахиваясь от него.

Дрейк рывком повернул его к себе. Он ничуть не удивился, увидев, что целующимся повесой оказался Перси Чапмен — хвастливый молодой ловелас, под юношеским очарованием которого крылось бессердечное презрение к окружающим.

Перси бросил на него яростный взгляд, который, однако, мгновенно превратился в уважительный, едва он понял, кто помешал ему.

— Боскасл! Это вы? — вымолвил он. — Вы разве не видите, что я сейчас занят?

— Вы уже закончили, — с холодной улыбкой заметил Дрейк.

— Да будет вам! Она же не одна из ваших сестер. — Выпрямившись, Перси вырвал свою руку из руки Талии и многозначительно усмехнулся. — Мне казалось, что уж кто-кто, а вы меня понять сможете.

— Я понял, что у вас здесь больше нет дел, — без тени симпатии проговорил Дрейк. — А теперь уходите. Один. В вашей компании она в бальный зал не вернется, чтобы вас никто вместе не видел.

— Отлично, — хмуро вымолвил Перси. — Как скажете.

Боскасл нетерпеливо повернулся к Талии, стоявшей возле кадок с папоротником. На ее лице застыло обиженное выражение. Ее клетчатая шаль валялась на кафельном полу. Дрейк поднял ее и протянул Талии.

— Возьми, — сказал он.

— Почему я должна слушаться вас?

Дрейк недоуменно приподнял брови.

— Сосчитать до трех? — пригрозил он.

— А вы знаете как? — насмешливо парировала Талия.

Боскасл засмеялся.

— Ты нарываешься на неприятности.

Талия сорвала веточку папоротника и поднесла ее к носу.

— Но я же не просила вас вмешиваться, не так ли?

Элоиза прижала руку к боку, где внезапно появилась острая боль. Куда ей меньше всего хотелось заглядывать, так это в оранжерею. Мимо нее прошел светловолосый человек, крутивший в пальцах свешивавшуюся из кармана цепочку для часов. Перси Чапмен, с презрением пронеслось в голове у Элоизы. Что ж, хорошо хоть, что Талия не с ним. А ведь на прошлом званом вечере Элоиза обратила внимание на то, как они переглядывались.

Войдя в оранжерею, Элоиза сразу же заметила мужчину, стоявшего рядом с Талией возле кадок с папоротником. При виде его точеного силуэта и широкоплечей фигуры Элоиза мгновенно встревожилась и рассердилась. Подумать только! Тот же мерзавец! Ее мерзавец!

Негодяй с красивыми глазами, который бесстыдно целовал ее на террасе. Конечно, он не терял времени и быстро нашел себе новую жертву для совращения. Только посмотрите — он пытается накинуть шаль Талии на плечи! Можно не сомневаться, что сначала именно он снял шаль с ее подопечной.

— Вы?! — воскликнула Элоиза, решительно проходя между двумя фигурами и пышными побегами папоротника. Она выхватила шаль из его рук. — Вот уж сюрприз! Хотя мне следовало догадаться, чем дело кончится.

Повернувшись, он лениво улыбнулся ей.

— А мне следовало предположить, что именно эту непослушную малышку вы искали раньше. — В глазах Боскасла, смотревшего на Элоизу, мелькнула насмешливая улыбка. — Бог мой, да вы же настоящая огнедышащая драконша!

— Прощу прощения, — вмешалась Талия, прищурившись от возмущения. — Кого это вы называли непослушной малышкой?

— Тебя, — даже не удосужившись посмотреть на нее, ответил Дрейк.

— Думаю, вы за это заслуживаете хорошей пощечины. — Талия умоляюще взглянула на Элоизу. — Элоиза, даю вам разрешение ударить его.

— Бей его сама, — предложила Элоиза, все еще не успевшая перевести дыхание после быстрой ходьбы.

Боль в боку беспокоила ее меньше, чем разочарование, которое она испытала, увидев своего смуглого соблазнителя, пытавшегося совратить другую женщину. Причем не просто женщину, а её подопечную, Талию! Интересно, ее подопечная и была частью тех планов, о которых он говорил ей раньше?

Скрестив руки на груди, Дрейк вызывающе посмотрел на Талию.

— А я считаю, что тебя следует отшлепать, раз уж речь зашла о всеобщем наказании, — проговорил он. — Мисс Драконша, отшлепайте вашу подопечную.

— Мне кажется, что именно вас следовало бы призвать к порядку, — задыхаясь, промолвила Элоиза.

— Да я даже не прикоснулся к ней. — Дрейк мрачно посмотрел на Талию: — Думаю, тебе следует прервать молчание и рассказать правду.

Талия упрямо отказывалась проронить хоть слово.

Элоиза смотрела на Дрейка с неприкрытым подозрением. Он — смуглый, вызывающий, невероятно привлекательный — тоже не сводил с нее глаз. И кому же ей верить?

— Правда, — хриплым голосом заговорила Элоиза, — состоит в том, что я застала вас здесь вдвоем, причем мисс Торнтон явно сильно взлохмачена. Может, я ошибаюсь?

Честно говоря, Дрейка оскорбляло одно предположение о том, что он мог попытаться соблазнить такую маленькую птичку, как Талия. Он отлично понимал, что хорошенькая Драконша всего лишь выполняла свою работу, причем весьма неприятную. Можно не сомневаться: она перерабатывает и ей недоплачивают. Дрейк относился к ее работе со всем уважением, на которое был способен в этот момент. Ведь эта женщина настолько талантлива, что может возбудить его.

— Спросите у мисс Торнтон, — посоветовал Боскасл, прислоняясь бедром к стене. — Кстати, пока расспрашиваете ее, заодно поинтересуйтесь у этой воображалы, кто устроил пирушку на ее лице.

Пухлые губы Элоизы невольно приоткрылись.

— Это ведь был не Перси Чапмен? — с ужасом спросила она у своей подопечной,

которая в этот момент нетерпеливо выбивала дробь мыском туфельки, всем своим видом показывая, что не понимает, о чем идет речь. — Я так расстроена, — продолжала Элоиза. — Помните, о чем мы с вами говорили перед выходом из дома?

Талия вызывающе посмотрела на нее.

— Вы просили меня не танцевать с Перси Чапменом, — ответила она. — И я не танцевала с ним. — Она лукаво посмотрела на Боскасла: — Разве я танцевала?

— Трудно сказать, — ответил он, стряхивая с рукава веточку папоротника. — С того места, где я стоял, казалось, что вы двигаетесь вместе.

Драконша побледнела и закрыла глаза. Дрейк взмолился про себя, чтобы она не упала на него. Он уже опаздывал на свое свидание, и будет дьявольски неудобно просить лакея позаботиться о ней. И все же, решил Боскасл, не помешает слегка встряхнуть ее. Ласково, разумеется. Но, едва прикоснувшись к ней, Дрейк пожалел о внезапном импульсе. У нее были такие мягкие плечи, от прикосновения к которым по телу Дрейка пробежало приятное тепло. Еще целуя ее на террасе, Дрейк понял, что ему захочется вновь держать эту женщину в своих объятиях. Хотя вовсе не это было у него на уме еще несколько мгновений назад.

— Мисс Драконша, — встревоженно спросил он, — с вами все в порядке?

— А с вами было бы все в порядке при подобных обстоятельствах? — прошептала она, открывая глаза, чтобы посмотреть на него. — Они ведь были одеты, правда?

— Когда я к ним подошел, были, — спокойно промолвил он в ответ. — Но я понятия не имею о том, что они делали до этого.

— Ничего себе утешили. — Она неожиданно посмотрела на его руки, затянутые в перчатки. — А почему вы держите меня за плечи?

— Я опасался, что вы упадете в обморок.

— С чего бы это? — недоуменно спросила она.

Дрейк почувствовал себя полным дураком, что встревожился из-за нее.

— Потому что вы побледнели и закрыли глаза, а именно так ведут себя женщины перед тем, как лишиться чувств, — сказал он.

— Лишишься тут чувств, если тебе доверят удерживать мисс Торнтон от беды в течение трех недель до ее свадьбы, — понизив голос, промолвила Элоиза.

— Кто вам это доверил? — спросил Дрейк, отводя Элоизу в сторону от Талии, чтобы потолковать наедине. — Ее брат?

— Жених. — Элоиза помедлила. — Вообще-то я бы не хотела говорить об этом, но он немного боялся того, что она в последний момент откажется выходить замуж и свяжется с каким-нибудь распутником. — Она выразительно помолчала. — Кстати, в Лондоне в нынешний сезон их великое множество.

Дрейк посмотрел мимо нее на молодую женщину в желтом шелковом платье, которая, если он не ошибался (а он редко ошибался в таких случаях, так как имел немалый опыт общения с подобными особами), пробовала себя в распутстве. К тому же профессиональная распутница в это самое мгновение поджидала его. Он наконец отпустил такие приятные для прикосновений плечи компаньонки Талии. Ему было трудно представить себе, что кто-то в здравом уме захочет жениться на Талии, хотя что он о ней знает? К тому же его привлекала ее Драконша.

— Желаю вам успеха в вашем нелегком деле, — сказал он. — Хорошо, что осталось всего три недели.

Холодный огонек, вспыхнувший в ее глазах, сбил его с толку.

— Вам известно, какую беду могут навлечь на себя мужчина и женщина, если они поддадутся неконтролируемому инстинкту? Вы знаете, как много грехов можно совершить за двадцать один день? Хотя, признаться, я не считала, — добавила она.

Дрейк почел за лучшее не отвечать: о низменных инстинктах людей он мог бы написать целую книгу. Но в данный момент куда безопаснее было изображать из себя джентльмена.

Боскасл указал рукой на ступеньки.

— Леди, лорд Торнтон попросил меня проводить вас домой, — сказал он.

Талия смотрела на него со зловещей улыбкой на устах.

— А я знаю, куда вы пойдете этой ночью, — тихо проговорила она. — Все на вечере только и говорили о вашем свидании. — Слово «вашем» она произнесла с ударением.

Дрейк краем глаза посмотрел на Драконшу. Оказывается, у нее чудесное имя — Элоиза. Ее взгляд задержался на его лице, она молча оценивала его. Только сейчас Дрейк понял, что такой привлекательной женщине, как она, должно быть, не раз предлагали согрешить. Да разве он сам не сделал этого же совсем недавно? Интересно, спросил себя Дрейк, что понадобилось бы для того, чтобы уговорить ее?

— Талия, твоего брата этим вечером обвинили в шулерстве, — сказал Боскасл, голосом давая понять, что он осуждает поступок Хораса. — Утром он будет драться на дуэли и попросил меня быть его секундантом.

Талия взглянула на свою компаньонку с таким беспомощным видом, что Дрейку стало стыдно за то, что он рассказал ей о проступке ее брата.

— Он снова сделал это, Элоиза, — прошептала она.

— Мы уже достаточно долго оставались на званом вечере, — спокойно проговорила Элоиза, взяв девушку под руку. — Не забудь про то, что утром ты завтракаешь со своей будущей свекровью. — Обычно, гневаясь на свою подопечную, Элоиза называла ее то на ты, то на вы.

Помолчав, она пробормотала вполголоса:

— Надеюсь, что твоему брату удастся сохранить жизнь на этой дуэли, уж если он не уберег свою честь.

Элоиза освободилась от тяжелой накидки, стоя у окна в спальне Талии, когда черная карета исчезла в тени лондонских улиц. Она была так сильно озабочена тем, чтобы доставить девушку домой в целости и сохранности, что даже не успела выразить благодарность джентльмену, проводившему их. Только сейчас Элоизе пришло в голову, что из-за них он опоздал на свое свидание. Несмотря на те минуты, что они провели вместе на террасе, и поцелуй, которым они обменялись, во время короткой поездки к арендованному дому лорда Торнтон на Хилл-стрит, он дал понять, что с нетерпением ждет минуты, когда сможет избавиться от обременительного общения с ними.

К несчастью, Элоиза отлично понимала его ощущения. У нее впереди три долгих недели этой пытки, призналась она себе. Три мучительных недели, в течение которых она должна уберечь мисс Торнтон от всевозможных соблазнов, чтобы потом передать в надлежащем состоянии в руки ее предполагаемого и ничего не подозревающего жениха. Элоиза горячо надеялась на то, что ее «златокудрый ангелочек» не лишится девственности, прежде чем окажется рядом с по уши влюбленным в нее торговцем средних лет сэром Томасом Хитоном, который понятия не имел, какого дьявола в женском обличье ему подсовывают.

Одного взгляда на Талию, брошенного через толпу в зале собраний, баронету оказалось достаточно, чтобы предложить ей руку и сердце. Через посредничество ее брата, конечно. Талия вовсю высмеивала его жадный интерес к ней со своими друзьями, пока не узнала, что ее обожатель сколотил кругленькое состояние на торговле специями. Элоиза была твердо уверена, что этот человек заслуживает большего, но Талия буквально ослепила его. Впрочем, все это Элоизу не касается.

Ведь в любом случае никого мнение компаньонки не интересует и никто не оценил бы его, будь оно высказано. А ей еще надо думать о собственном будущем, которое пока что кажется весьма неясным. Элоиза уже подыскала себе новое место — в частной академии, которую Эмма Боскасл, виконтесса Лайонс, открыла здесь, в Лондоне, после закрытия ее маленькой, но популярной школы в Шотландии. Предварительное интервью с леди Лайонс состоялось несколько недель назад и прошло хорошо. Элоизу пригласили прийти еще раз на чашку чая и заверили ее в том, что она одна из серьезных претенденток на место.

Ей удавалось удерживать мисс Торнтон и спасти ее от последствий ее же собственного легкомыслия. По крайней мере до сих пор. Однако эти попытки истощили эмоциональные силы Элоизы. Она жила в состоянии постоянного страха, что Талия умудрится до своей свадьбы наделать непоправимых ошибок.

К сожалению, она слишком хорошо понимала, какие западни могут встретиться на пути молодой девушки к браку, если она ступила на скользкую дорожку. Причем пробралась туда по собственной воле сквозь тернии. Впрочем, Элоиза была готова привести Талию к алтарю в наручниках, если понадобится. Это требовало немалых усилий, но именно поэтому Элоиза могла чувствовать, что заслуживает тех денег, которые пообещал ей баронет, выходного пособия, если хотите. И это несмотря на то, что сэр Томас уже намекал ей, что не отказался бы от ее услуг, когда у них с Талией появится наследник.

Господи, какая неприятная перспектива! Да Элоиза скорее предпочла бы драить полы в элитной академии леди Лайонс, чем бегать за обезумевшими детками по загородному дому, отбиваясь от домогательств любвеобильных соседей мужского пола, которые считают, что

гувернантка — добыча легкая.

Тихий шорох у нее за спиной оторвал Элоизу от тревожных размышлений. Она отошла от окна и огляделась по сторонам. Талия волочила по комнате к зеркальному шкафу небольшой сундук. Элоиза несколько мгновений молча смотрела на нее.

— Что это вы делаете? — наконец спросила она.

Талия остановилась, но даже не взглянула на нее. Будь Элоиза не так глубоко погружена в свои размышления, она бы непременно почувствовала неладное. Но ее интуиция ослабла. Было уже так поздно, а лорд Торнтон все еще не вернулся. А ведь утром дуэль, да еще и завтрак в обществе матери баронета. Элоизе было необходимо хорошенько отдохнуть за ночь, чтобы достойно встретить все завтрашние неприятности.

— Что вы делаете? — громче повторила она.

Ее голос обрел резковатое звучание. Интересно, подумала Элоиза, что сказал бы баронет, если бы она привязала его нареченную к столбику кровати и оставила там до дня свадьбы?

— Ищу что-нибудь подходящее для завтрашнего завтрака, — ответила Талия.

Элоиза увидела, как Талия бросила на кровать платье из серебристой ткани.

— Надеюсь, вы не собираетесь надевать его? Оно же больше походит на носовой платок, чем на платье, — заметила Элоиза. — Юбка до того прозрачная, что сквозь нее можно разглядывать ваши ноги.

— В таком случае не стоит туда смотреть, — буркнула Талия, поднимая на нее обиженный взгляд. — Вы можете идти спать, Элоиза. Я и сама в состоянии выбрать себе одежду.

Элоиза направилась к двери. Часы на туалетном столике показывали начало первого ночи. Осталось всего двадцать дней. Эта мысль показалась Элоизе столь привлекательной, что она даже не задержалась для того, чтобы подумать, чем вызвана активность Талии в столь поздний час. И, укладываясь в постель, ничего не заподозрила.

От размышлений о привлекательном незнакомце, который оставил на ее губах след своих поцелуев, ее отвлек зловещий стук, раздавшийся из сада. Элоиза выскользнула из кровати и бросилась открывать окно.

Когда она с ужасом увидела прислоненную к стене дома лестницу, ее сердце затрепетало от страха. Боже правый, этой девчонке удалось сбежать прямо у нее из-под носа! Пока Элоиза грезилась о поцелуях ловеласа, ее подопечная скрылась!

А вместе с ее бегством растаяла и надежда получить вознаграждение от ни о чем не подозревающего баронета! Не говоря уж о том, что теперь ее репутация компаньонки, которой можно доверять, запятнана.

Элоиза пробежала к двери и, спустившись вниз, без стука ворвалась в кабинет лорда Торнтон. Лорда не было.

Опустошенные ящики из его бюро валялись на полу. Дверь гардероба оказалась распахнутой. Элоизе пришло в голову, что он незаметно пробрался в дом, чтобы забрать оттуда все необходимое, и трусливо сбежал. Элоиза подняла с пола один из его дуэльных пистолетов.

— Я убью его! — что было сил крикнула она. — Я убью его, и меня повесят за этот сумасшедший поступок.

Сжав побелевшие губы, Элоиза бросилась вниз по лестнице к маленькой комнатке, в которой жил Фредди — единственный слуга, которого мог позволить себе лорд Торнтон.

Фредди большими глотками пил свою вечернюю кружку пива.

— Успокойтесь, мисс Гудвин, — проговорил он, узнав Элоизу. — Что горит? Где? Боже мой, неужели я вижу в ваших руках пистолет?

— Она убежала! — в панике крикнула Элоиза, прежде чем бросить пистолет на стол. — Они оба сбежали. Лорд Торнтон скрылся, чтобы избежать дуэли, а его сестра в конце концов исполнила свою угрозу убежать. Во всяком случае, я думаю, что она именно так поступила.

— Боже мой! — Фредди поставил свою кружку на стол рядом с пистолетом. — Вместе с ней сбежали ваши денежки.

Блубелл, всегда веселая кухарка, сунула в дверь взъерошенную голову.

— Эй, вы оба, потише тут, — проговорила она. — Вы же весь дом перебудите.

— Весь дом отсюда смылся, — потеранным тоном промолвила Элоиза.

Кухарка с тревогой посмотрела на нее.

— В чем дело? — спросила она, проскальзывая в дверь. — Куда же все они делись, мисс? — Она нахмурилась.

— Одному Богу известно. — Элоиза без сил опустилась на твердый дубовый стул. — Мне надо подумать. Эта бестолковая девчонка не могла убежать далеко.

— Бестолковая девчонка? — эхом отозвалась Блубелл — ее заинтересовало словечко, которым компаньонка наградила их неосмотрительную хозяйку.

Без сомнения, они обе придерживались одного мнения о Талии, но обычно сдержанная компаньонка никогда не позволяла себе подобных высказываний прежде. — Так с кем же она убежала, мисс?

— С негодяем по имени Перси Чапмен, — ответила Элоиза. — Я не знаю, где он живет и что делать. — Она с силой всадила кулак в стену. — Как она могла так со мной поступить?

— Лорд Торнтон должен вернуться и во всем разобраться, — с надеждой промолвила Блубелл. — Не мог же он уйти, бросив все, чем владеет.

— Все, что он проиграл, вы, верно, хотите сказать, — с горечью поправила ее Элоиза. Ее сердце тревожно заныло. — Прощлым вечером он проиграл все, исключая лишь собственный шейный платок, к тому же его уличили в шулерстве. Он просадил все деньги, которые ему дал баронет.

— Его обвинили в шулерстве, но, обманывая, он еще и проигрался? — с отвращением спросил Фредди.

Элоиза прищурилась:

— Это невероятно, не так ли? Он...

Внезапно все трое обратили внимание на спокойный, но настойчивый стук в переднюю дверь. Дом, в котором они жили, был скромн, слуг в нем держали немного, причем все они получали весьма скудное жалованье. Ни у кого из слуг не было другой работы. Поэтому все они рассчитывали на помощь Элоизы. Если она получит место в элитной академии леди Лайонс, то у нее наверняка заведутся связи с богатыми домами и она поможет им всем найти теплые места — вот какая была у них надежда.

Но если мисс Торнтон убежала и лишилась чести по собственной воле, то придется всем им бродить по улицам в поисках работы. Скандал темным пятном ляжет на их репутацию. Кому захочется иметь дело с людьми, которые работали у шулера, пусть и уличенного в обмане?

— Кого это принесло в такой неурочный час? — проворчала Блубелл, не сдвинувшись с места.

Фредди вопросительно посмотрел на Элоизу.

— Возможно, это кредиторы, — предположил он. — Его светлость неделями не подпускал их к дому. Как нам поступить?

Элоиза встала со стула, от страха ее спина напряглась, как натянутая тетива.

— Вдруг что-нибудь случилось с лордом Торнтоном или его сестрой? — сказала она. — Мы не должны бояться.

— Но какой смысл рисковать своими шеями, хотел бы я знать? — произнес Фредди, пожимая плечами.

Элоиза обошла Фредди и Блубелл, отказываясь поддаваться страху. Если это Талия вернулась, она всю душу из нее вытрясет. Как ей, Элоизе, объяснить баронету причину ее бегства или поведение брата Талии, лорда Торнтон? И, что гораздо важнее для нее и для слуг, как им теперь выжить? У Элоизы в Лондоне нет друзей, которые могли бы прийти им на помощь. Родные отказались от нее почти шесть лет назад — после того, как она сама оказалась героиней собственного тайного скандала.

Ее тайного скандала.

Именно так Элоиза стала называть собственную трагическую историю, которая и довела ее до нынешнего положения. Она очень редко позволяла себе думать о прерванной помолвке и последовавшем за ней временном душевном расстройстве. Беспечная девушка девятнадцати лет, не имевшая опыта, не уверенная в себе, она была потрясена до глубины души, узнав, что ее кавалер изменял ей с другой молодой женщиной из соседней деревни, с которой он тоже умудрился обручиться. Родители ждали от Элоизы, что она с печальной улыбкой примет сообщение о том, что жених обманул ее, и примирится с участью старой девы. Все надеялись на то, что юная дочь судьбы будет просто молча страдать, обнаружив, что Ральф Хокинс держал ее за дурочку. Но другая женщина, по имени Милдред Хаммерсмит, обнаружившая предательство и сообщившая о нем Элоизе, повела себя как настоящая тигрица. Рядом с ней Элоиза была покорной овечкой.

Они обе, как библейские ангелы мщения, обрушили свой гнев на изменника, прежде чем покинуть потрясенную этой историей деревню. Правда, они не стали убивать Ральфа, ему удалось убежать и спасти свою несчастную жизнь. Однако по настоянию Милдред женщины рассказали в церкви онемевшим от изумления прихожанам о его предательстве. Элоиза в жизни не испытывала такого стыда, но Милдред публичное обсуждение ее позора не испугало. С помощью своих двоюродных братьев она раздела Ральфа догола и на распутье дорог впрягла его в собачью повозку, чтобы все смогли увидеть позорное зрелище. И, словно этого было недостаточно, Милдред привела Элоизу в коттедж Ральфа и подожгла его кровать.

На следующий день обе женщины-скандалистки уехали из деревни на разных почтовых каретах. Больше с тех пор они не виделись.

— Ради Бога, Элоиза, прошу тебя, — сказала ей Милдред на прощание, — не переживай ты из-за Ральфа. Этот человек не заслуживает ничего хорошего, забудь о нем. — Милдред вынула из своей сумочки скомканный носовой платочек. — Ты ведь не чувствуешь себя совсем несчастной, правда?

— Нет. — Наморщив нос, Элоиза отвела взор от Милдред и посмотрела вдаль, на почерневшую от гари трубу принадлежавшего Ральфу коттеджа.

Ей то и дело приходило в голову, что если бы она все-таки вышла за него замуж, то им пришлось бы каждую ночь спать на этой сожженной кровати.

— А ты, Милдред? — спросила зачем-то Элоиза, которой вовсе не был интересен ответ на этот вопрос. — Ты себя чувствуешь несчастной?

— Обо мне не беспокойся. — Милдред отбросила назад копну своих черных, как сажа, волос.

Даже в этот момент она казалась зрелой и красивой, и Элоиза испытывала перед ней легкое благоговение. Неудивительно, что Ральф увлекся этой женщиной.

— В любом случае у меня не было желания оставаться навечно в этом мутном болоте. Да, может, я и дочь трактирщика, но предательства и измены я не потерплю, и ты, Элоиза, должна пообещать мне, что тоже никогда не примиришься с этим. Найди себе такого человека, который по-настоящему полюбит тебя и будет тебе верен.

Первые несколько месяцев после отъезда из Тичбери Элоиза еще изредка писала письма своим родным. Они никогда не отвечали на ее послания, и с течением времени ей все меньше хотелось вновь оказаться рядом с ними.

В конце концов Элоиза пришла к выводу, что уж лучше она будет работать остаток жизни, чем вновь столкнется со сплетнями, которые, несомненно, вспыхнут с новой силой, если она вернется. К тому же, как видно, никто по ней не скучал. Словно для своей семьи она перестала существовать.

Элоиза зарабатывала на жизнь, став гувернанткой, и ей приходилось очень много трудиться, чтобы обеспечить себе хорошую репутацию. О Ральфе она думала редко, а вот о Милдред Хаммерсмит временами с нежностью вспоминала, думала, что с ней случилось.

Как бы там ни было, тайный скандал Элоизы остался в прошлом. Однако если ей не удастся благополучно преодолеть нынешний кризис, она вновь окажется в том же положении, в каком была шесть лет назад.

Элоиза торопливо шла к передней двери, но ее на несколько шагов обогнал дворецкий Хестон, у которого вечно хрустели колени.

— Я сам отворю, мисс, — сердито проговорил он. — Возможно, нам принесли плохие новости.

Плохие новости... Можно было ожидать многих плохих новостей, подумалось Элоизе. Например, лорд Торнтон совершил самоубийство. Талия разбилась в карете Перси. Кредиторы пришли в дом, чтобы забрать у Торнтонов все ценное, хотя большая часть ценных вещей давно была продана, чтобы уплатить долги.

Не дойдя до двери, Элоиза остановилась, затаив от напряжения дыхание, а Хестон осторожно отпер дверь. В лунном свете Элоиза увидела стройную мужскую фигуру. От неожиданности ее сердце дрогнуло. Элоиза не могла различить черт, но было в облике человека что-то знакомое, притягательное.

С облегчением вздохнув, Элоиза бросилась вперед, чтобы растормошить оцепеневшего дворецкого.

— Где ваши манеры, Хестон? — сказала Элоиза. — Пригласите джентльмена войти.

— Но это незнакомый человек, а час совсем поздний... — нерешительности пробормотал Хестон.

Элоиза едва сдерживала себя, чтобы не сорвать дверь с петель. Это он, с блаженством подумала она. Слава Богу! Самоуверенный и красивый негодяй, друг лорда Торнтона, который поцеловал ее и привез домой. Она узнала его жесткие темные волосы, его внушительную фигуру в отлично сшитом пальто, которое напомнило Элоизе о том, что в этот ночной час на улице, должно быть, уже холодно, потому что совсем недавно он был

лишь в вечернем костюме... Отогнав от себя нелепые мысли. Элоиза, нахмурившись, взглянула на удивленного дворецкого.

— Да не будьте таким дурнем, Хестон, — резким тоном промолвила она. — Он бы не пришел сюда в столь поздний час, если бы не срочное дело. Немедленно впустите его в дом.

Дрейк поздоровался с группой знакомых, стоявших в вестибюле изысканного салона Одри Уотсон. Дрейк был частым гостем в этом доме, а этой привилегии в Лондоне удостаивались лишь немногие представители высшего света. Одри ввела очень строгие правила доступа в свой салон, а потом к ним добавилась еще и непомерная цена за предоставляемые удовольствия.

Многие годы Одри питала особую слабость к членам семьи Боскаслов, равно как и ко всем тем мужчинам и женщинам из высшего света, которые обладали либо внушительным состоянием, либо остроумием, либо красотой. Дрейк Боскасл имел и то, и другое, и третье, как, впрочем, и большая часть его родственников. И все же для Одри не было тайны в том, что в последнее время Дрейк ощущал все большее разочарование жизнью и подумывал уйти в армию. Ходили слухи о том, что он собирается в Индию. И сама Одри, и наиболее страстные поклонники Дрейка то и дело говорили о том, как их огорчит потеря одного из любимцев салона.

Дрейк взял с поднесенного лакеем подноса бокал с бургундским вином. Отличное вино, изысканная еда, интересные беседы, сексуальные удовольствия — все это можно было получить в этом частном заведении. Но, как ни странно, сейчас Дрейку стало не до всего этого — он хотел лишь того, чтобы ноющая внутри боль затихла или вовсе исчезла. Прежде он умел с ней справляться. А вот этой ночью он, к собственному удивлению, не знал, что могло бы успокоить его. Может, женщина, встречи с которой он ждал с таким вожделением?

К нему подошла Одри — ее роскошные русые волосы были элегантно уложены на затылке. Посмотрев на своего гостя с нескрываемым удовольствием, она забрала из его сильных рук бокал.

— Дрейк, — заговорила Одри, в голосе которой одновременно слышалось отчаяние и восхищение, — я уже начала опасаться, что ты передумал. Ты ужасно опоздал!

— Возникли некоторые проблемы. — Его синие глаза осматривали тем временем помещение. — Она обиделась, ее чувства оскорблены?

— Она обижена, — ответила Одри. — Такие женщины, как она, не приучены ждать. Так что опоздание тебе на пользу не пойдет.

Его крепко сжатые губы растянулись в озорную усмешку.

— Стало быть, мне придется как-нибудь оправдываться перед нею, не так ли?

— Счастливая Марибелла, — прошептала Одри. Она положила пальчики на его руку. — Ты уже подумал о том, как это сделаешь? Ей трудно угодить.

Глаза Дрейка сверкнули дьявольским огнем.

— Мне тоже, — заметил он.

— Она стоит очень дорого.

— Что ж, в таком случае я смогу ей кое-что предложить. — Дрейк приосанился. — Где она?

— В маленькой комнатке возле венецианской гостиной, которую ты попросил оставить за собой, — ответила Одри. — Вид из окна ей не важен.

Это ничуть не удивило Боскасла.

— Леди, которая просит то, что ей нужно... — задумчиво проговорил он. И, помолчав, добавил: — Я постараюсь сделать все, что можно.

Одри оглядела его с сардонической усмешкой.

— Тебе нужно немного — просто дышать и быть самим собою, — сказала она. — Я знаю многих женщин, которые были бы готовы заплатить тебе за право провести с тобой время.

Дрейк наклонился, чтобы по-дружески погладить губами ее щеку. Одри была ему настоящим другом — одним из лучших друзей.

— Ну, это, разумеется, преувеличение, — улыбнулся он. — В последнее время со мной было нелегко. Но, надеюсь, я смогу умиловить ее и привести в доброе расположение духа.

Крепко обняв Дрейка Одри подтолкнула его в сторону увешанного гобеленами холла.

— Она на тебя даже не взглянет, если ты заставишь ее ждать еще хоть немного, — предупредила она. — Ступай, дорогой. На кону стоит небольшое состояние, и весь свет с нетерпением ждет, как же будут разворачиваться события.

Боскасл рассмеялся.

— А мне ужасно любопытно, чем это кончится для меня самого, — сказал он.

Однако не только горячее любопытство — куда более сложная гамма чувств обуревала Дрейка, пока он шел по коридору к закрытой двери, за которой его ждала судьба или по крайней мере сексуальное пиршество. Правда, он никак не мог понять, почему за последние два часа его нетерпение как-то поутихло. Уж к сексу-то он никогда не терял интереса.

Дрейк распахнул дверь.

Марибелла сидела к нему спиной на покрытой алым шелковым покрывалом кровати-канопе; ее распущенные рыжие с бронзовым отливом волосы и обнаженные белые плечи сразу привлекли внимание Дрейка. Она оказалась удивительно тоненькой и куда более хрупкой, чем представлял себе Боскасл, однако в дымчато-серых глазах, которые она, обернувшись, подняла на него, несомненно, крылась неистовая сексуальная энергия. Марибелла внимательно оглядела Дрейка, а затем на ее губах появилась заученная улыбка.

— Я уже было решила, что вы передумали, — вымолвила она.

У нее был низкий и такой сексуальный голос, что большинство мужчин, должно быть, увлекались ею, едва услышав его. Дрейк сразу ощутил ее физическую привлекательность, но вот в отношении остального он был разочарован. Марибелла, бесспорно, красива, да, у нее потрясающего цвета глаза, и волосы, и удивительные, точеные черты лица. Но еще она холодна как лед и держится очень отстраненно, несмотря на слухи о ее переменчивом, вспыльчивом нраве. Последняя любовница Дрейка, пожалуй, забросала бы его подушками или даже ножами за опоздание.

Впрочем, он тоже был сдержан и холоден. Во всяком случае, несколько человек считали его таким.

— Прощу прощения за опоздание, — извинился Боскасл. — Я задержался не по своей воле и не хотел бы показаться неучтивым.

Марибелла медленно поднялась; платье цвета слоновой кости облегалo все манящие изгибы ее стройной фигуры.

— Если только к этому не имеет отношения женщина, — проговорила она.

Вообще-то к его опозданию имели отношение целых две женщины, но Дрейк не собирался говорить об этом Марибелле. Ему и так пришлось преодолеть немало препятствий, чтобы устроить эту встречу. Да друзья его на смех поднимут, если выяснится, что он потерял то, к чему так долго стремился, из-за собственной готовности помочь даже

не леди, а ее компаньонке. Мисс Элоизе Гудвин, проговорил про себя Дрейк, живо представив ее себе.

Он едва не усмехнулся, вспомнив, какая досада появилась на лице Элоизы, когда та подумала, что застала его со своей клиенткой. Потом, когда она поняла, что ошиблась, досада сменилась смущением. Хорошенькая Драконша испепелила бы его взглядом, если бы увидела сейчас. Впрочем, она вряд ли представляет себе, что на свете существуют заведения, подобные этому. Хотя, возможно, он опять недооценивает ее. Элоиза держалась с ним довольно резко, так что, возможно, она все знает.

А еще от нее пахло мылом. Не каким-нибудь французским, с изысканным ароматом, а простым старомодным мылом, которое смывало все смертные грехи. Хотя на грешницу Элоиза не была похожа.

А вот он был. Дрейк сомневался в том, что все мыло в мире сможет отмыть его душу дочиста. Он беспутствовал и убивал в дьявольской войне. Он допивался до беспамятства столько раз, что и не вспомнить. Он пил от горя, когда потерял обоих родителей и младшего брата, которого обожала вся семья. Он пил от радости, когда его братья оставили распутный образ жизни ради брака.

Нежное прикосновение женских пальчиков к рубашке на его груди оторвало Дрейка от размышлений. Глубоко вздохнув, он взял ее за запястье.

— Вы что-то ищете?

Марибелла улыбнулась, но в ее глазах стояло холодное выражение, которое многие мужчины скорее всего и не заметили бы.

— Я подумала, что смогу помочь вам почувствовать себя комфортнее, — сказала она.

— Нет, сначала мы поговорим о вас.

Дрейк заметил, как в ее взоре вспыхнул огонек нерешительности.

— За всю жизнь у меня было три любовника, с которыми я подолгу состояла в связи. Если вы слышали о моих любовных похождениях что-то еще, то это неправда. Что еще вы хотели бы знать?

Марибелла опустилась на подушки с золотыми кисточками. Верхняя часть ее груди поднималась над низким вырезом, и Дрейк заметил, что соски у нее подкрашены красным. Еще в недавние времена одно лишь созерцание такой женщины заставило бы его гореть желанием. Этой же ночью, к удивлению Боскасла, его попытки возбудиться не приводили к желаемому результату. Если Марибелле предстоит стать его любовницей, то она должна понять, что он предпочитает недосказанность, загадку.

Дрейк едва сдержал улыбку. Он читал, что Марибелла устраивала пышные вечера на своей вилле в Неаполе, причем позволяла свиньям и курам свободно расхаживать по бальному залу. Впрочем, нельзя было начинать знакомство с разговора об этих вечерах, поэтому Боскасл просто сказал:

— Я слышал, что вы недавно вернулись с континента. Это правда?

Он заметил, что ее губы чуть-чуть сжались. Дрейк пришел к выводу, что в Марибелле было много такого, о чем ему не сообщили.

— А я читала, что вы опасный человек, Дрейк Боскасл, — промолвила она. — Это правда?

Дрейк улыбнулся.

— Это уж вам решать, — заметил он.

Элоиза спрятала свое разочарование за осторожным взглядом, когда поздний гость вошел в дом. Удивительно похожий на другого джентльмена, постарше его, он был красив по-своему, с копной взъерошенных темных волос и смуглым задумчивым лицом. Но Элоиза никогда в жизни его не видела. Она инстинктивно отступила на шаг назад.

Святые небеса, она только что пустила в дом незнакомца посреди ночи! Что означало, что Хестон, древний оракул, был прав. Этот человек мог принести только дурные новости. Элоиза приготовилась принять удар. Но не мог же он прийти сюда, чтобы ограбить их, раздумывала она, если уж был другом незнакомой ей прежде семьи.

— Я — мисс Гудвин, работаю в этом доме, — представилась она настороженно. — Что-нибудь случилось? Нашли мисс Торнтон?

Черные брови незнакомца взлетели вверх. Он осторожно переспросил:

— А что, она потерялась?

От досады на себя Элоиза была готова откусить себе язык.

— Я хотела спросить, нашли ли ее веер, — поспешно солгала она. — Она где-то обронила его на вечере.

— Понятно, — после короткой паузы кивнул незнакомец.

Он сразу понял, что она лжет, подумала Элоиза, но из вежливости сделал вид, что верит в ее обман.

— Вы пришли, чтобы повидаться с лордом Торнтоном? — спросила она.

Он оценивающе оглядел коридор. Элоиза и Фредди обменялись недоумевающими взглядами. На судебного пристава он не похож, но кто может сказать это с уверенностью в сложившейся ситуации?

— Не знаю, упоминал ли Торнтон мое имя. Меня зовут сэр Гейбриел, — представился незнакомец, поймав на себе удивленный взгляд Элоизы. — Ваш наниматель должен драться со мной на дуэли нынешним утром.

Элоиза презрительно вздернула подбородок. Стало быть, это еще один игрок, дуэлянт...

— Его нет дома, — проговорила она, скрывая свое отвращение к нему. — И я не уверена, что он вернется.

— А-а... — протянул незнакомец, оглядывая Элоизу с вежливым любопытством. — Какая жалость! А я-то хотел дать ему шанс публично извиниться передо мной за шулерство. Может, мне подождать?

Прислонившись спиной к стене, Элоиза ни с того ни с сего подумала, что обоим уже совсем старые и местами отрываются, поэтому их надо заменить. Впрочем, едва ли она сама или даже ее наниматель в будущем останутся здесь и проследят за тем, чтобы это сделали.

— Он ушел, — помотав головой, сказала Элоиза. — И я не знаю, когда он вернется и куда ушел.

— Отчаяние может довести мужчину до нехорошего, — как-то неловко заметил он.

Женщину тоже, подумалось Элоизе. Ни один перспективный наниматель не будет в восторге от ее биографии, если узнает, что она работала на должника и шулера, да к тому же потеряла его сестру, за которую несла ответственность. Сколько достойных компаньонов, интересно, теряло своих подопечных? И никого не заинтересует, что Талия была легкомысленной девчонкой и прямо-таки рвалась испортить себе репутацию. Элоизу будут

проклинать. По крайней мере такие факты ее биографию не украсят. Не сможет же она представить рекомендацию нанимателя, который исчез!

Элоиза посмотрела мимо сэра Гейбриела на освещенную газовыми фонарями улицу. Всего лишь двадцать дней.

— Я погибла, если она в ближайшее время не вернется домой, — задумчиво проговорила она. — Ее жених будет в ярости, а его мать... Боже мой, что я скажу завтра утром его матери?

Сэр Гейбриел изумленно посмотрел на нее.

— Вы опять говорите о мисс Торнтон? — спросил он.

Взглянув на него, Элоиза нахмурилась. Это невежливо, но дольше она не могла притворяться равнодушной.

— Да, — едва не крикнула она ночному гостю. — Она убежала — как и ее брат. Она должна через несколько недель выйти замуж, но Вчера на балу она повстречалась с одним мужчиной...

— Перси Чапменом? — перебил ее Гейбриел.

Элоиза обреченно кивнула. К чему ей сейчас жалеть себя? Вот если она попадет в тюрьму, тогда сможет предаваться жалости к себе целыми днями напролет.

— Да, полагаю она сейчас именно с этим человеком, — промолвила она.

Казалось, Гейбриел едва сдерживает усмешку. Он довольно привлекательный мужчина, подумалось Элоизе, хотя она уже и пришла к выводу, что он тоже порядочный повеса. С Перси его могло сблизать одно: он тоже играл в азартные игры и дрался на дуэлях. И судя по тому, как сэр Гейбриел на нее смотрел, он тоже был опытным ловеласом и соблазнял женщин.

— Я не знаю, что делать, — сказала она, тряхнув головой. — Возможно, джентльмен, который привез домой мисс Торнтон и меня, понятия не имел о том, где найти его светлость. Но я тоже не знаю, где он может быть. Имя этого джентльмена Дрейк...

Сэр Гейбриел недоверчиво посмотрел на нее.

— Дрейк? — переспросил он. — Так вы же толкуете о моем кузене! Конечно! Хорас попросил Дрейка помочь ему. Я сам тому свидетель.

— А у вашего кузена есть фамилия?

От его громкого смеха с каким-то зловещим звучанием по спине Элоизы побежали мурашки, у нее появилось неприятное предчувствие беды.

— Разумеется, есть, и я вам ее назову, — ответил он. — Его фамилия Боскасл. Моя тоже, но так уж вышло, что он поднялся на несколько ступеней выше по фамильной лестнице, чем я. Лорд Дрейк Боскасл... — медленно проговорил сэр Гейбриел, в глазах которого мелькнуло ироническое выражение. — Покойный брат Хораса был близок со стариной Дрейком.

Элоизу охватил ужас. Выходит, еще один бриллиант выпал из ее короны в бесконечной череде неудач? Лорд Дрейк Боскасл, один из печально известных братьев виконтессы. Она оскорбляла и нападала на единственного человека в Лондоне, на которого ей было необходимо произвести хорошее впечатление.

А что, если лорд Дрейк рассказал леди Лайонс о событиях прошедшего вечера за семейным ужином? Интересно, обсуждаются ли в этой семье попытки оболыщания? И почему она ему позволила сделать такую попытку?

— Я слышала о вашей семье, — едва слышным голосом промолвила она.

— Есть такие, кто о ней не слышал? — холодно спросил он.

Элоиза кивнула, в голове у нее зашумело. Интересно, брат Дрейка Боскасла тоже, часто впутывался в скандалы? Или они все испорченны? Дрейк Боскасл. Дрейк, Дрейк, Дрейк.. Кстати, интересно, какой же он по счету брат? Старший, имя которого Элоиза постоянно забывала, женился в прошлом году после какого-то скандала, связанного со свадьбой. Или это был четвертый брат? Один из братьев умер, так, кажется? Элоиза судорожно рылась в уголках своей памяти, пытаясь припомнить все подробности о семье Боскаслов, которые она когда-либо могла слышать.

Выходило, что все Боскаслы мужского пола были признанными ловеласами, известными в высшем обществе и в полусвете. Об одном из них дурная слава поползла всего несколько месяцев назад.

В одной из бульварных газет появилась карикатура на кого-то из братьев Боскаслов. На карикатуре были изображены обнаженные детали его естества. Элоиза застала Талию и ее подруг потешающимися над этим постыдным рисунком и приказала им выбросить его. Теперь она жалела, что не разглядела карикатуру подробнее. Впрочем, разумеется, она и не вздумала бы искать сходство между изображенным на рисунке человеком и тем мужчиной, с которым целовалась сегодня на балу.

— Полагаю, Дрейк мог бы знать, где находится лорд Торнтон, — задумчиво промолвил сэр Гейбриел.

— А вы можете хотя бы предположить, где сейчас можно разыскать вашего кузена? — спросила Элоиза, кусая верхнюю губу.

Взгляд Гейбриела остановился на ее губах. Если бы Элоиза не думала сейчас только о том, как бы упросить Гейбриела помочь ей, она бы услышала свой тихий внутренний голос, который советовал ей не доверять Гейбриелу.

— Он сейчас на закрытом вечере в одном доме на Брутон-стрит, — медленно проговорил Гейбриел. — Вообще-то я собирался вернуться туда, так что я мог бы передать ему ваши опасения. Кстати, для того чтобы сберечь время, вы могли бы... В общем, я полагаю, что вы могли бы поехать туда со мной.

— Сэр, вы не слишком много себе позволяете? — угрожающе произнес Фредди, с тревогой посмотрев на Элоизу. — Вы так не считаете, мисс Гудвин?

— Прощу тебя, Фредди, следи за своей речью, — отозвалась Элоиза.

Она поняла, что этим вечером переступила все границы дозволенного. Недопустимо, даже опасно выходить из дома посреди ночи, да еще в сопровождении незнакомого мужчины. Но если она не привезет домой Талию или на худой конец ее брата, тогда репутация ей уже вообще не понадобится. Больше всего она боялась, что девушке причинят серьезный вред, и она, Элоиза, окажется в этом виновата.

Элоиза надела накидку и перчатки, принесенные ей Хестоном. Экономка, миссис Барнс, и двое других слуг, разбуженные громкими голосами, прятались в тени холла, с тревогой глядя на Элоизу. Она кивнула им с видом солдата, отправляющегося на поле брани.

— Будьте очень осторожны, мисс, — озабоченно качая головой, промолвила миссис Барнс. — Подумать только, все эти тревоги из-за какой-то испорченной девчонки!

Как правило, полковник сэр Гейбриел Боскасл о своей совести не слишком задумывался. Если он грешил, то обычно с женщиной, не возражавшей против этого, а когда он играл, то всегда выбирал себе противника, равного себе. Да, может, он и не один из этих необузданных и столь популярных в Лондоне Боскаслов. Но в его жилах, как и в жилах всех членов дьявольской семейки, течет горячая кровь, и он внес свою лепту в череду греховных обольщений, которыми так славились мужчины этого семейства.

Как-то так получилось, что год за годом он и Дрейк то и дело оказывались соперниками, увиваясь за желанной дамой. Но лишь прошлым вечером Гейбриелу пришло в голову, что их сталкивают не столько различия, сколько схожесть. Их соперничество было вполне терпимым, даже отчасти озорным. Хотя следует признать, что, к неудовольствию Гейбриела, Дрейку всегда удавалось обойти его на финишной прямой.

А ведь с настоящим мастером состязаться очень трудно, особенно если он так предан делу развлечений, как Гейбриел. По иронии судьбы после этого утра они больше никогда не встретятся на площадке для дуэли, потому что сделают вид, что их честь не задета. Бог свидетель, ни он, ни Дрейк не захотят стрелять друг в друга. А вот в Хораса он был бы не прочь выстрелить и сильно подозревал, что и Дрейк испытывает такое же желание.

А еще, возможно, Дрейк, унесенный потоком страсти к своей новой любовнице, и вовсе забыл о предстоящей дуэли. Гейбриел видел Марибеллу Сент-Айвз лишь однажды, когда она ехала в карете, и был абсолютно сражен ее красотой. Однако ему не удалось преодолеть строй телохранителей, окружавших ее, чтобы представиться.

— Не могу выразить словами, как я тронута тем, что вы выразили желание помочь мне, — услышал Гейбриел голос мисс Гудвин, которая уселась на сиденье экипажа напротив него. — И надеюсь на ваше благоразумие, — с тревогой добавила она.

— Я никому не скажу ни слова, — заверил ее Гейбриел.

Он действительно не хотел никому ничего рассказывать, и чем больше Гейбриел смотрел на Элоизу, освещенную скудным лунным светом, тем более хорошенькой она ему казалась. Особенно ему нравились ее блестящие темно-каштановые кудри, рассыпавшиеся по плечам. Гейбриел чувствовал, что под ее скромным нарядом прячется роскошная фигура. Наверняка его кузен это тоже заметил. Мимо внимания Гейбриела не прошел легкий румянец, окрасивший ее щеки, когда они заговорили о Дрейке. Дьявол побери, да он и сам был бы не прочь иметь такую компаньонку! Или любовницу вроде Марибеллы Сент-Айвз, женщины, которая сделала изучение искусства любви своим призванием.

— Брутон-стрит, — промолвила мисс Гудвин, взглядываясь сквозь стекло в ночную тьму. — Надеюсь, мы едем в приличный район Лондона, — добавила она.

Гейбриел выглянул в окно. Возможно, район, куда они направляются, и можно назвать приличным. Но вот дом, служивший целью их поездки? Несколько часов назад ему удалось попасть в салон Одри Уотсон, но никого не пускали в святилища на верхнем этаже без специального приглашения. В этом заведении можно было вкушать массу всевозможных земных удовольствий, о которых его визави и понятия не имела. Юный лакей, стоявший на запятках его экипажа, которого мисс Гудвин на всякий случай прихватила с собой, без сомнения, умер бы от восторга, если бы познал хоть одно из удовольствий, которые предоставляли в салоне Одри.

Кучер остановил экипаж в конце улицы, следом за другой каретой. Гейбриел услышал, что мисс Гудвин с облегчением вздохнула.

— Это тот самый дом? — спросила она, оценивающим взором окидывая элегантный кирпичный фасад дома.

Сэр Гейбриел выпрямился.

— Да, — ответил он.

— Что ж, выглядит замечательно, — заметила Элоиза. — Вполне респектабельно.

Гейбриел с трудом сдержал усмешку.

— Действительно, — кивнул он.

— Вы даже не представляете, какое я испытываю облегчение, — Элоиза, сложив руки на коленях. — А ведь мне в голову приходило всякое...

Гейбриел внимательно посмотрел на нее. Кузен его за это убьет.

— В самом деле? — поинтересовался он.

— Лондон бывает таким разным, порой даже неприличным, — сказала Элоиза, медленно поворачивая к нему голову.

Несколько неприятных мгновений Гейбриелу казалось, что она знает о том, что и он не раз бывал в подобных местах.

— Что ж, хорошо. Я приведу моего кузена, и вы сможете сообщить ему о своих тревогах.

Крепко сжатые пухлые губы Элоизы скривились в тревожную линию.

— Надеюсь, он не очень огорчится из-за того, что его побеспокоят, — вымолвила она.

Гейбриел сдержал зловещую усмешку. Не огорчится? Да Дрейк придет в ярость! К тому же у Гейбриела появится возможность взглянуть на Марибеллу поближе... Месть и секс. Что может быть слаще?

— Совершенно верно, — кивнул он. — Что ж, я иду к миссис Уотсон.

— Миссис Уотсон, — нахмурившись, повторила Элоиза. — Где я могла слышать это имя раньше?

Гейбриел наклонился к дверце кареты. Его лакей и Фредди уже спрыгнули на землю, и оба с благоговением смотрели на дом Одри.

— Возможно, вы могли видеть его в газетах, — неопределенно ответил он.

— В газетах? — переспросила она. — Миссис Уотсон из высшего света?

Сэр Гейбриел спустился на землю и одернул пальто. Пожалуй, он не скажет ей, что ее герой, лорд Дрейк, сейчас скорее всего предается утехам страсти в одном из самых дорогих лондонских борделей.

Пусть мисс Гудвин об этом поведает его кузен. В конце концов, Гейбриел тоже принадлежит к роду Боскаслов, и для него настала пора сравнять счет.

Встав с кровати, Дрейк подошел к окну, чтобы налить вина из лакированного шкафчика, стоявшего за тяжелыми портьерами. Марибелла, игравшая на арфе, сидела на табурете в углу комнаты. Ее длинные огненно-рыжие локоны рассыпались по спине, как у кельтской колдуньи. Она помассировала Дрейку плечи легкими, но эротичными прикосновениями, утверждая, что ему необходимо расслабиться. Не стоило отрицать ее способность довести мужчину до экстаза, возбудить все его чувства, однако не хватало в ней чего-то важного.

Может, дело в нем? Или в ней? Была ли она слишком опытна, или это он расплачивался за долгий опыт общения со шлюхами? Но он вовсе не жаждал такой расплаты. Он был далеко не против греха, больше того, грешить ему даже нравилось. Ко всему прочему Дрейк немало сожалел о трех своих братьях, участь которых казалась ему хуже смерти: они

полюбили.

Они потеряли даже ту небольшую свободу, которую может иметь человек в жизни.

Марибелла взяла на арфе фальшивую ноту, громко выругалась и встала с табурета. Чтобы сдержать смех, Дрейк раздвинул портьеры и стал смотреть на улицу. Марибелла плавно подошла к нему и сунула свои проворные пальчики Дрейку за пояс.

— Так почему ты все-таки опоздал? — хриплым шепотом спросила она. — Я не люблю, когда любовник заставляет меня ждать.

— Ничего личного, дорогая, — невозмутимо проговорил Боскасл. — Я оказывал услугу одному своему приятелю.

Как ни странно, мелькнуло в голове у Дрейка, говорил он вовсе не о Хорасе Торнтоне или его дерзкой сестрице. Речь шла о ее компаньонке, попавшей в неприятное положение, при мысли о которой Дрейк тут же вспомнил, каким податливым было ее тело, прижавшееся к нему. И он опять почти почувствовал на себе взгляд ореховых глаз, устремленный на него. Дрейк неожиданно вновь ощутил то же возбуждение, которое охватило его, когда он целовал Элоизу. Ее образ так прочно запечатлелся в его памяти, что сейчас у него появилось ощущение, будто она находится рядом с ним...

Дрейк заморгал. Помотал головой. Под окном стояла карета, в окне которой он увидел лицо женщины, выглядывающей наружу из-за кожаной шторки. Нет, это невозможно... Не может быть! Это иллюзия, игра воображения! Либо это последствие действия сушеного галлюциногенного грибочка, который кто-то подмешал в его вино. Но... Дрейк прищурился.

Он был готов поклясться, что сидевшая в экипаже женщина — это мисс Элоиза Гудвин. Но этого не может быть, потому что порядочные и воспитанные женщины и близко не подходят к заведениям, подобным этому. Если только...

"Господи, до чего нелепое предположение! — если только она не ведет тайную жизнь куртизанки."

Может, она увеличивает свой жалкий доход, будучи одной из девушек Одри? Дрейк знал, что такие вещи случаются, но по странному совпадению он познакомился с нею, когда она играла роль добропорядочной компаньонки. Так неужели она ведет двойную жизнь и два ее обличка так отличаются одно от другого?

Пальчики Марибеллы пробежали по его грудной клетке в сторону плеч, скользнули на его руку.

— Почему у меня такое ощущение, будто не я владею твоим вниманием? — спросила она шепотом.

Дрейк снова покачал головой.

— Потому что я... — Он не договорил: в коридоре послышались голоса, за которыми последовал настойчивый стук в дверь. — Я прислушиваюсь, что там такое. — Дрейк убрал, руку Марибеллы со своей руки. — Я же приказал не беспокоить меня, если только не случится что-то непредвиденное.

Улыбнувшись Марибелле, Дрейк направился к двери. Она вернулась на свое канапе и наполовину прикрылась шалью. Она была невероятно привлекательной и так и манила к себе — иными словами, добросовестно играла роль изнеженной куртизанки.

Дрейк с ледяным выражением лица рывком распахнул дверь.

— Господи, что случилось?

Перед ним стоял его двоюродный брат Гейбриел. На его суровом, побронзовевшем от солнца лице расплзалась кислая улыбка. Позади Гейбриела стояли Одри Уотсон, владелица

этого заведения, и два мрачных телохранителя Марибеллы. Они уже разминали руки и явно были готовы вытолкать Гейбриела взащей по единственному щелчку пальцев их нанимательницы.

— Какого дьявола ты здесь, Гейбриел? — раздраженно спросил Дрейк.

Одри вышла вперед.

— Он рвался к тебе, настаивая на том, что вам необходимо срочно увидеться по семейному делу, — сказала она.

— Едва ли, — промолвил Дрейк, глядя на кузена.

Он заметил, что Гейбриел так и тянет шею, чтобы украдкой заглянуть в комнату. Прислонившись боком к косяку двери, Дрейк заслонил Марибеллу от Гейбриела.

— Я пришел не вовремя? — с невинным видом спросил Гейбриел.

Лицо Дрейка опасно помрачнело.

— Ты хочешь, чтобы я поколотил тебя? — рявкнул он. — Насколько я помню, это будет не в первый раз.

— Да, но теперь я стал взрослее, — с улыбкой промолвил Гейбриел. — Я и в самом деле считаю, что тебе следует позволить мне...

Его перебила Одри:

— Я не позволю ссориться в моем доме — это правило касается и принца-регента, и Боскаслов. Надо полагать, вы захотите драться на дуэли, а это оскорбит мое достоинство.

— Мы и без того примем участие в дуэли, — недовольно проворчал Гейбриел. — Думаю, после этой сцены мне придется убить его.

Одри через его плечо посмотрела на Дрейка.

— Надеюсь, — шепотом спросила она, — это не из-за Марибеллы?

— Нет, — покачал головой Дрейк. — Из-за мужчины.

— А... — хотела было еще что-то спросить Одри.

Ее перебил Гейбриел: он поднял руки вверх, словно показывая, что сдается.

— Объясняю, почему я здесь, — заговорил он так тихо, что лишь Дрейк мог слышать его. — Я отправился в дом Торнтон, чтобы узнать, не захочет ли тот публично извиниться передо мной, чтобы мне не пришлось убивать его утром. Там-то я узнал, что Торнтон исчез — равно как и его сестрица.

— И какого дьявола мне знать это? — холодно осведомился Дрейк. — Я-то, по-твоему, что должен сделать?

— Компаньонка Талии устроила настоящую истерику и упросила меня разыскать тебя, — ответил Гейбриел.

— Ты привез молодую женщину, компаньонку леди, в бордель? — вполголоса спросил он у Гейбриела.

Тот мельком взглянул на него.

— Я привез ее к тебе, — промолвил он в ответ.

— Ты мерзавец, Гейбриел, — сказал Дрейк.

— Я — один из Боскаслов, — пробормотал Гейбриел, пятясь назад под напором Дрейка, который решительно двинулся на него. — Нет, ты подожди. Как должен был поступить джентльмен? Я ее пожалел! Она была готова вот-вот расплакаться...

— Какой же ты чувствительный и тонкий, — язвительно вымолвил Дрейк.

— Ну, раз уж ты помогал ей прежде, она подумала, что ты и на этот раз не откажешь в помощи, — как ни в чем не бывало сказал Гейбриел. — К тому же я решил, что ты захочешь

увековечить миф о своей святости.

— Я сейчас увековечу тебя, кузен ты мне или нет! — прорычал Дрейк.

Он видел, что Марибелла подошла к двери и, обхватив себя своими тонкими белыми руками, с ледяным возмущением смотрела на него.

— Дорогая, — обратился к ней Дрейк, беспомощно пожимая плечами, — это не моя вина. Я быстро вернусь и все объясню.

— Не стоит беспокоиться, — процедила она сквозь зубы.

После этого Марибелла с таким грохотом захлопнула дверь, что Гейбриел вздрогнул от неожиданности, а по длинным коридорам здания пробежало эхо.

Элоизе понадобилось несколько минут, чтобы понять, какого сорта заведение кроется за вполне пристойным фасадом здания. Подозрение закралось в ее голову еще в тот момент, когда сэр Гейбриел поднялся по ступенькам и довольно долго объяснял что-то двум ливрейным лакеям, стоявшим в дверях. Она успела разглядеть зеркальные ниши, освещенные свечами, а потом неожиданно поняла, почему имя миссис Уотсон и название улицы — Брутон-стрит — показались ей знакомыми. Оцепенев от ужаса, Элоиза осознала, что встречала и имя, и название улицы в газетах, причем далеко не на поэтической или музыкальной полосе.

Тихо охнув, она вышла из экипажа и затрясла за плечо Фредди, впавшего в мечтательный транс.

— Это... Это?.. — пролепетала она.

— Бордель, — с тоской вполголоса произнес Фредди. — Один из самых лучших в Лондоне.

— Могу себе представить, что за нравы там царят, — заметила Элоиза.

— Да я бы зуб отдал за то, чтобы работать там.

— Боже мой, Фредди! — в отчаянии простонала Элоиза.

— Да, честно. — Фредди пригладил непослушную светло-рыжую прядь, которая частенько напоминала Элоизе швабру. — Что-то сэр Гейбриел там слишком долго задерживается. Может, мне сходить и проверить, не забыл ли он про вас?

Элоиза схватила его за рукав.

— Даже не вздумай заходить в этот дом! — произнесла она непрерываемым тоном. — Мы приехали сюда по единственной причине — чтобы разыскать лорда Торнтона и его сестру.

Фредди испуганно посмотрел на нее.

— Я ни разу не видел вас такой расстроенной, мисс, — промолвил он. — Эта ночь доконала вас.

Увидев, что Фредди молча полез на запятки, Элоиза снова заняла свое место в экипаже и стала смотреть в окно.

...Она узнала его, как только его стройная высокая фигура появилась в дверях борделя. Он стремительно приближался к ней большими шагами. Его лицо было скрыто в тени. Элоиза была настолько поглощена ожиданием его волшебного появления, что сразу и не заметила, что на нем нет сюртука. И на шее — его чудесного накрахмаленного платка. Он был в одной рубашке и жилете.

Он приближался к карете с искаженным от ярости лицом падшего ангела. Чем ближе он подходил, тем явственнее можно было различить раздраженное выражение на его суровом, точеном лице. Элоиза, не сводящая с него глаз, с изумлением отметила про себя, что его отлично сшитый белый жилет и белая рубашка под ним небрежно расстегнуты.

— Да он полуодет, — ошеломленно проговорила она, обращаясь к Фредди. — Боже мой, что же он там делал?

— Возможно, он там боксировал, мисс, — откашлявшись, промолвил Фредди. — Этот вид спорта весьма популярен у таких щеголей.

— Ах да, конечно, боксировал... Ночной бордель самое подходящее для этого место, —

сардоническим тоном проговорила Элоиза.

Она не слышала, что ответил ей Фредди, если он вообще что-то ответил. Все ее внимание было приковано к человеку с мрачным лицом, который рывком отворил дверь кареты, чтобы обратиться к ней.

Он был в ярости, хотя, когда глаза их встретились, он явно попытался обуздать свой гнев и суровое выражение его лица несколько смягчилось.

— Я должна извиниться, — смущенно проговорила она. — Я бы не приехала сюда, если бы ситуация не оказалась столь неприятной.

Затаив дыхание, она смотрела на Дрейка.

— Мисс Гудвин.

Голова у нее пошла кругом, когда она услышала этот приятный бархатистый голос. Вообще-то фамилия ее была вовсе не Гудвин, но она хотела начать жизнь в Лондоне с нуля, стараясь забыть о своем неприятном прошлом. Элоиза покачала головой:

— Я бы ни за что не потревожила вас, если бы знала...

— Так в чем же дело? — нетерпеливо спросил лорд Дрейк, обводя ее мрачным взглядом.

Она опустила глаза, пока он забирался в карету и усаживался напротив нее. Ну кто бы мог подумать, что она обратится за помощью к человеку, который только что вышел из борделя, даже не удосужившись одеться как следует и привести себя в порядок?!

Элоиза уставилась на его мощную голую шею. И как только этот приличный джентльмен мог появиться на людях в незастегнутых рубашке и жилете? Ну конечно, он вышел из дома, в котором приличия вместе с одеждой оставляют у дверей.

Неожиданно лорд Дрейк наклонился к ней, его колени коснулись ее ног. Сердце Элоизы бешено заколотилось, когда он снова спросил нетерпеливым тоном:

— Так в чем все-таки дело?

Она смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова из-за застрявшего в горле комка. От близости его лица, его синих глаз она ощутила легкое головокружение.

— У вас расстегнута одежда, — наконец хрипло прошептала Элоиза.

Его широкие брови поползли вверх.

— Вы что же, проделали весь этот долгий путь ночью, чтобы сказать мне об этом?

Она откинулась на подушки.

— Да нет, конечно, — сказала Элоиза. — И откуда мне было знать, как вы одеты.

— А вы понимаете, какого рода заведение находится на этой улице, мисс Гудвин? — спросил Дрейк, и, к его чести, в его голосе не было насмешки.

Элоиза с трудом сглотнула.

— Да, — едва слышно прошептала она.

Его усталый взгляд с новым интересом пробежал по ее лицу. Когда Дрейк заговорил, в его голосе вновь зазвучали те нотки, от которых по ее спине побежали мурашки — как тогда, на балу.

— И вы все же решились приехать сюда? — спросил Дрейк.

Он наклонился к Элоизе и, не услышав ответа на свой вопрос, пересел на сиденье рядом с ней.

— Может, вы ищете себе другое место работы? — продолжил он расспросы. — Верно я понимаю, что место компаньонки испорченной молодой леди вам не по душе?

— Только не такое место, на которое вы намекаете, можете не сомневаться, — промолвила Элоиза.

— Однако в бордель вы приехали, — заметил Дрейк.

От огня, пляшущего в глубине его синих глаз, Элоизу бросило в жар. Каким-то образом Дрейк об этом догадался. Понимающе улыбнувшись, он привлек ее к себе и поцеловал.

Сначала она попыталась оттолкнуть его руку, но затем почувствовала, как ее собственная рука поднимается к его плечу. Его губы нежно погладили ее рот, и она поддалась: приоткрыв губы, Элоиза ответила на поцелуй. Боскасл прижал ее к своей теплой мощной груди.

И перед ее закрытыми глазами замелькали какие-то тени и огни. Она почувствовала, как рука Дрейка скользнула ей под накидку и погладила нежное место под ее грудью.

— Возможно, в один прекрасный день, — прошептал он, касаясь губами ее приоткрытых губ, — мы встретимся в более подходящем месте и в более подходящее время, и тогда я смогу пристойным — а может, и непристойным — образом соблазнить вас.

— Вы и так уже соблазнили меня, — тихо проговорила Элоиза.

Засмеявшись, Дрейк пересел на противоположное сиденье.

— Какого дьявола вы сюда приехали, могу я полюбопытствовать? — спросил он. — И чего вы хотите от меня?

Внезапно Элоизе захотелось придушить его. Захотелось распахнуть дверцу кареты и сказать всем безмозглым лондонским леди и лордам, чтобы они катились к дьяволу. Но благоразумие вкупе с чувством отчаяния взяло верх.

— Лорд Торнтон убежал из дома, — срывающимся голосом произнесла она.

— Это меня не удивляет, — пожал плечами Боскасл.

— Его сестра тоже сбежала, — быстро проговорила Элоиза. Она торопилась, опасаясь, что Дрейк может отказаться помочь ей. — Боюсь, Талия сбежала с тем самым негодяем, с которым она была на балу. Видите ли, ее жизнь будет испорчена, если я не найду ее. А когда об этом узнает ее жених, то он не простит мне.

Дрейк молча изучал ее — она видела блеск в его глазах.

— Простите меня, — вымолвила Элоиза, чтобы хоть чем-то заполнить затянувшуюся паузу. — Вы мне уже помогали, и я не знала, к кому обратиться на этот раз. Я бы не хотела, чтобы кто-то из них пострадал, несмотря на их недостойное поведение. Я бы никогда не обратилась к вам за помощью, если бы... — «Если бы вы не танцевали со мной прошлым вечером», — пронеслось у Элоизы в голове. — Если бы вы не были другом лорда Торнтона, — договорила она.

Элоиза отвернулась к окну кареты, ее щеки пылали.

— Мисс Гудвин. — наградил ее потрясающей, соблазнительной улыбкой, когда она задумчиво повернулась к нему.

В животе у Элоизы появилось какое-то странное чувство. Его улыбка обещала продолжение едва начавшегося приключения. Сколько раз сама Элоиза предупреждала Талию, советовала своей подопечной держаться подальше от красивых мужчин, не поддаваться их обаянию!

— Просто я подумала, что вы можете знать, где искать лорда Торнтона, хотя, возможно, мне не следовало приезжать сюда...

Улыбка мелькнула в уголках его твердого, мужественного рта.

— Это верно, не следовало, — кивнул Дрейк. — Но раз уж вы здесь, то я чувствую себя обязанным помочь вам.

Элоиза с трудом скрыла охватившее ее облегчение.

— Ох, лорд Дрейк, благодарю вас, благодарю! Боже мой, ведь еще совсем недавно я даже не знала вашего имени, — пролепетала она.

Впрочем, она не знала и того, что Дрейк — один из Боскаслов.

А это напомнило ей, что Дрейк похож на свою респектабельную сестру так же, как лев походит на овечку. Можно было даже не сомневаться: леди Лайонс будет шокирована, узнав, что Элоиза вытащила ее брата из борделя для того, чтобы он помог ей в поисках ее пропавшей подопечной.

Удивленный голос Дрейка оторвал Элоизу от тревожных раздумий.

— Может, вы хотите еще что-нибудь узнать обо мне? А то вдруг в будущем вас еще что-то смутит.

Ее глаза встретились с его ироничным взглядом. Элоиза даже представить себе не могла, что окажется в столь неудобной для себя ситуации.

— Думаю, в сложившейся ситуации мне известно достаточно, — проговорила она с тихим вздохом. — Слово «бордель» весьма красноречиво.

Дрейк Боскасл вдруг с удивлением подумал, что его не слишком огорчает то, что Элоиза испортила ему долгожданную ночь. А ведь его ждала знаменитая мисс Сент-Айвз — женщина, от одного взгляда которой мужчины падали на колени. И не стоило даже обвинять Марибеллу за то, что она захлопнула за ним дверь.

Боскасл внимательно смотрел на сидевшую напротив него Элоизу. Густые пряди ее длинных волос рассыпались по ее плечам темным шатром, и это навевало ему мысли о сексе. Он не знал, что делать с Элоизой. На вид она очень чувствительна, а внутри ее наверняка тлеет такой огонь, о котором даже она сама не подозревает. Он был бы не прочь побыть с нею наедине, чтобы удовлетворить свое любопытство. В раздумье он почесал подбородок.

Господи, да он, должно быть, дошел до предела, если находит какую-то там компаньонку леди более соблазнительной, чем профессиональная куртизанка, которая, вероятно, еще его ждет! Или нет. Если Марибелла когда-либо еще захочет разговаривать с ним, ему придется щедро вознаградить ее за это.

Дрейк наклонился к дверце кареты. Он только что увидел, что его кузен Гейбриел выходит из дома Одри, а это означало, что мерзавец так и не добился желанной встречи с Марибеллой. Что ж, он этого заслуживал.

— Прошу прощения, мисс Гудвин, — промолвил Дрейк, обращаясь к Элоизе, — у меня осталось еще одно неотложное дельце личного характера. С вашего позволения...

Элоиза судорожно вздохнула. У Боскасла появилось странное ощущение, что она неверно истолковала его намек.

Гейбриел остановился у кареты, и Дрейк в тот же миг вышел из нее навстречу ему.

— Не стоит тревожиться, Дрейк, — покачав головой, промолвил Гейбриел. — Твоя птичка только что выскользнула из задней двери дома в сопровождении своих телохранителей.

Дрейк тихо выругался. Гейбриел усмехнулся.

— Кстати, она попросила меня кое-что передать тебе, — сказал он. — Ни один мужчина не может бросить ее из-за другой женщины. Ни один.

Элоиза высунула голову в окошко кареты и с сожалением посмотрела на Дрейка.

— Так у вас есть еще одна женщина? — удивленно спросила она. — То есть две за одну ночь?

Гейбриел откашлялся.

— Другая женщина — это вы, мисс Гудвин, — сказал он.

Элоиза открыла рот, но так и не смогла вымолвить ни слова. Во всяком случае, в течение нескольких секунд, после которых она хрипло проговорила:

— Ваша личная жизнь меня не касается, лорд Дрейк. Мне неприятно быть излишне настойчивой, но я в отчаянии, мне необходимо разыскать мисс Торнтон.

— Я же дал согласие помочь вам, разве не так? — Дрейк посмотрел на Элоизу с самой кислой улыбкой, на какую был способен. — Я бы не хотел, чтобы мои слова прозвучали грубо, но все же я должен спросить вас: а вам не приходило в голову, что Талия не хочет, чтобы ее нашли? — Ответ на этот вопрос Дрейку был не нужен, просто он хотел, чтобы повисшая вокруг него тьма рассеялась.

Дрейк прогнал вспыхнувшее было в нем чувство вины, которое возникло, когда он увидел, что Элоиза опустила глаза на колени — его цинизм явно поразил ее. Он мог бы сказать Элоизе, что добропорядочная жизнь вовсе не так важна, как ей кажется. Его мать была милейшей, самой лучшей женщиной на свете. А как она страдала, умирая от тяжелой, изнуряющей болезни! Его брат Брендон был молод и отважен, но попал на войне в засаду и был жестоко убит.

Мисс Гудвин обманывалась, убедив себя в том, что он джентльмен, и это несмотря на их жаркое свидание в саду. Так что лучше повернуться лицом к правде раньше, чем слишком поздно, потому что он находил ее слишком уж привлекательной, а это не сулило Элоизе ничего хорошего.

— Я готов помочь, — повторил Дрейк Боскасл. — И я попытаюсь разыскать вашу пропавшую подопечную, но я настаиваю, чтобы вы вернулись домой и ждали от меня весточки.

Элоиза медленно подняла голову. Когда их глаза встретились, Дрейк ощутил, что его сковывает чувство неловкости. Господи, похоже, он растерял за войну весь свой здравый смысл! Он будет полным идиотом, если станет помогать ей, не ожидая ничего взамен. Но что может дать ему эта женщина, простая компаньонка? Прячущиеся в его существе демоны зашевелились. Дрейк отлично знал, что он мог бы получить от нее.

— Благодарю вас, — просто сказала Элоиза, явно испытывавшая большое облегчение.

Гейбриел оттолкнулся от кареты.

— Ты куда? — спросил он. — Составить тебе компанию?

Дрейк недовольно нахмурился. Он понимал, почему Гейбриел привез сюда Элоизу Гудвин — она стала предлогом для его встречи с Марибеллой. Позднее Дрейк сможет без затей выстрелить негодяю в ногу ниже колена в знак того, что оценил низость его выходки.

Дрейк отвел взгляд от лица Элоизы.

— Перси часто заходит к одному нашему общему другу, который живет поблизости, — вымолвил он. — Так что, возможно, я там и застаю его. Кстати, компания мне не нужна. Во всяком случае, твоя.

— Вам бы лучше надеть сюртук, — раздался из глубины кареты голос мисс Гудвин.

Дрейк покосился на молодого лакея, который стоял на тротуаре и жадно ловил каждое сказанное слово.

— Будь так добр, отвези ее домой, — попросил он. — Добропорядочной женщине не пристало находиться в таком месте.

Дрейк успел отойти на несколько шагов от кареты, как вдруг до него донесся голос Элоизы, звучавший слегка пренебрежительно:

— Добропорядочному джентльмену тоже.

Дрейк ускорил шаг. Гордиться было нечем, но факты оставались фактами: в доме Одри он провел не меньше ночей, чем в собственном жилище. Однако он ни перед кем не должен отчитываться в своих поступках. И даже если бы кто-то из самых близких его друзей осмелился высказать об этом свое мнение, он бы не удостоил его ответом. Искушение поддаться уговорам прячущегося в нем грешника было велико.

«Возьми и спроси ее, что она из себя представляет, — нашептывал ему «грешник». — Поинтересуйся, оставила ли она для тебя местечко между своих пышных беленьких грудок или, еще лучше, в своей постели. Спроси, спроси ее!»

Дрейк поднял смуглое худощавое лицо к небу и только сейчас осознал, что пошел дождь. Он решил не возвращаться в дом Одри, чтобы взять там сюртук. Было не так уж холодно. К тому же Дрейк не был уверен в том, что почувствует холод.

— Покайся, грешник! — прокричал ему из-за угла какой-то человек в драном сером плаще. — Покайся или отправляйся прямиком в ад!

Боскасл наградил его язвительной улыбкой.

— Каяться уже слишком поздно, друг мой, — промолвил он.

Остаток ночи Элоиза провела в беспокойной полудреме, вздрагивая от каждого шороха. Каждые четверть часа она вскакивала, чтобы узнать, не вернулась ли Талия, не появился ли дома ее сбежавший брат.

Незадолго до рассвета она наконец поднялась и, ополоснувшись холодной водой с простым мылом, оделась в темное. Мисс Гудвин даже представить себе не могла, как объяснит матери сэра Томаса исчезновение Талии. Заварив чашку крепкого чая с шалфеем, Элоиза отнесла ее в пустую комнату девушки. Несмотря на вызванное поведением Талии раздражение, Элоиза привыкла заботиться и беспокоиться о ней.

Если Талия вернется домой после своего стремительного бегства, она уже никогда не будет прежней. Ее репутация будет скомпрометирована, а невинность... Возможно, невинность и вовсе будет потеряна. Элоиза и лорд Торнтон не смогли защитить ее. И не важно, что Талия навредила себе сама. Элоиза взяла на себя ответственность за девушку и не справилась с нею.

Поставив чашку на туалетный столик, Элоиза подошла к высокому зеркальному шкафу из ореха, в котором Талия хранила коллекцию старых писем и вырезок из скандальных газет. В руках у Элоизы оказалась целая стопка ободранных листков со сплетнями. Она отнесла их вниз, в гостиную, и принялась осторожно просматривать.

Имя лорда Дрейка упоминалось несколько раз, когда речь шла о давних скандалах.

Прошел час. Съежившись от напряжения, Элоиза продолжала читать вырезки, как вдруг в дверь настойчиво постучали. Вздвогнув, она выпрямилась, кровь забурилась в жилах ее онемевших конечностей.

Дуэль окончилась?

Талия вернулась или, что гораздо хуже, ее обнаружили в каком-нибудь проулке?

Элоиза поднялась, все еще сжимая в оцепеневших руках несколько листков. Подойдя к двери, она замешкалась, не зная, стоит ли отпирать ее.

Кто мог прийти с визитом в столь ранний час, если даже кухарка еще не встала?

Слегка приоткрыв дверь, Элоиза сразу поняла, что сутулая фигура в поношенном серовато-коричневом плаще принадлежала не лорду Дрейку и даже не его кузену. Лицо гостя было обращено к тонушей в утреннем полумраке улице, но уже судя по его вороватым манерам, можно было догадаться, что новости он принес плохие.

Дуэль в парке. Элоиза обхватила себя руками, во рту у нее вмиг пересохло. В этот момент ранний гость, повернувшись к ней, улыбнулся.

Элоиза узнала его и... содрогнулась от ужаса. Она хотела было захлопнуть перед ним дверь, но Ральф, ожидавший такой реакции, остановил ее, сунув между косяком и дверью мысок старого ботинка. Элоиза надавила на дверь, но Ральф не выдернул ногу.

— Привет, Элли, — сказал он, взглянув сначала на ее побелевшее потрясенное лицо, а затем в пустынный коридор у нее за спиной. — Как хорошо вновь тебя увидеть! Скучала по мне?

Элоиза попятилась назад.

— Убирайся отсюда немедленно, или я попрошу его светлость выкинуть тебя, из дома, — пригрозила она. — Или... позову констебля...

— Да замолчи ты, глупышка! — остановил ее Ральф. — Нам обоим известно, что его

светлости нет дома. — Он протиснулся в коридор — Ральф был до того худ, что ему хватило и узкой щели, — и захлопнул за собой дверь. — К тому же у тебя была хлопотная ночь. Ну и дела, Элли! Прекрасный бал, потом ночной гость, джентльмен, между прочим, затем бордель. А ведь прежде ты была такой застенчивой.

Позади них в пустом коридоре раздались чьи-то шаги. Оглянувшись, Элоиза увидела Фредди. Фредди остановился, его заспанные глаза на бледном веснушчатом лице вмиг прояснились.

— Что здесь происходит? — с подозрением спросил он. — Что-то случилось, мисс Гудвин?

Элоиза глубоко вздохнула, подавляя в себе желание все рассказать ему. Фредди был приятным молодым человеком с добрым сердцем, несмотря на то, что служил лакеем, а отец у него был пьяницей. Ему удалось справиться с влиянием среды, в которой он вырос, и Элоизе не хотелось нагружать его собственными проблемами.

— Все в порядке, — отозвалась Элоиза, надеясь, что Фредди не заметит, как дрожит ее голос. — Занимайся своими делами.

Стоявший передней мужчина демонически расхохотался. От звука его громкого смеха у Элоизы волосы на затылке встали дыбом.

— Оставь нас, парень! — велел он Фредди. — Мы с Элоизой старые друзья. Ей будет хорошо со мной.

Элоиза расправила плечи, моля Бога, чтобы Фредди не заметил ее состояния. Возможно, если ей удастся прикинуться сильной и уверенной в себе, Ральф уйдет.

— Займись своими делами, Фредди, — повторила она. — Все в порядке.

* * *

Как Дрейк и предсказывал, Хорас и не подумал прийти в Гайд-парк рано утром на дуэль. Дрейк сам едва поспел туда вовремя, потому что большую часть ночи ему пришлось рыскать по городу. Толку от этого было мало: Боскаслу удалось выяснить лишь то, что Перси и Талия скорее всего еще не уехали из Лондона — их видели вместе на поздней вечеринке, что Хорас не навещался ни в одно из своих любимых игорных заведений.

Посоветовавшись со знакомыми, Дрейк пришел к выводу, что Хорас решил на время скрыться где-нибудь за городом. Это означало, что негодяй трусливо бросил зависящих от него людей без малейших угрызений совести.

После завтрака ему надо будет поведать новости мисс Гудвин; еще ему необходимо выпить, чтобы разогнать кровь в застывших жилах. Письмо с извинениями, которое он отослал Марибелле несколько часов назад, вернулось нераспечатанным. Теперь он может спокойно убить своего кузена на дуэли и счесть это благодеянием для всего человечества.

Увидев Дрейка, стоявший под деревом Гейбриел усмехнулся. Солнце уже вставало над парком, на влажном от росы газоне в ожидании кровопролития собралась небольшая группа любопытных. Аудитория включала в себя кутил, возвращавшихся домой после бурно проведенной ночи, старьевщика, мужа и жену в дилижансе с сонным ребенком. В стороне стояли два хирурга, державшие наготове сундучки с инструментами.

Заняв позиции, Дрейк с Гейбриелом повернулись друг к другу спиной, разошлись на нужное количество шагов и стали ждать сигнала стрелять.

Не поворачиваясь, Гейбриел спросил:

— Ты еще раз виделся прошлой ночью с Марибеллой?

Дрейк нахмурился.

— Нет! — ответил он.

— А я видел ее во сне, — сказал Гейбриел и рассмеялся.

— Тебе известно, — вновь заговорил Дрейке безжалостной улыбкой, — что я могу не ждать сигнала? Я мог бы сразу прострелить тебе голову и избавиться от дальнейших волнений.

— Все в порядке, кузен! — опять усмехнулся Гейбриел. — Раз уж ты не пристрелил меня сразу, теперь постарайся хотя бы не палить в те места, которыми я пользуюсь регулярно. Особенно в то место, которое мне понадобится, когда я окажусь наедине с мисс Сент-Айвз.

Услышав сигнал, двоюродные братья грациозно развернулись и... выстрелили в воздух. Зрители, громко выразившие свое недовольство тем, что ни один из дуэлянтов не повалился на землю убитым, разошлись в разные стороны — начинался новый день.

— Дьявол! — выругался Дрейк, к которому уже спешил лакей с его перчатками и серым, свинцового оттенка, утренним сюртуком. — Я промахнулся! И твоя голова по-прежнему на месте.

Гейбриел улыбнулся:

— А ты по-прежнему обожаем женщинами. — Он зашагал к своей коляске, стоявшей в небольшой рощице. — По крайней мере одна из них приехала сюда, чтобы убедиться в том, что ты не пострадал.

Дрейк неторопливо застегнул пуговицы на сюртуке.

— Не люблю огорчать леди, — промолвил он. — Как жаль, что нам так и не придется позавтракать вместе. Может, в другой раз?

— Я заберу у тебя Марибеллу, если ты решишь, что она тебе не нужна! — крикнул Гейбриел направившемуся к своему экипажу Дрейку. — А может, и компаньонку заодно. Кстати, не она ли поджидает тебя? Или ты прошлой ночью до того напугал ее, что она теперь и приблизиться к тебе боится?

Разумеется, Дрейк и не подумал, что это Элоиза приехала в парк. Скорее всего она еще не пришла в себя после ночных событий. Дрейк улыбнулся, вспомнив ее. Господи, кто бы мог подумать, что такая женщина могла ему понравиться! Она понятия не имела об искусстве флирта и не умела играть в те рискованные любовные игры, к которым он привык.

Вывод из всего этого можно было сделать один: в нем неожиданно вспыхнуло желание обладать этой женщиной. И еще. Вероятно, он не так уж много знает о страсти, как ему казалось.

Два лакея в париках распахнули перед ним дверцу экипажа. Поднявшись в карету, Дрейк увидел сидевшую там женщину. Ах! Сама прекрасная мисс Сент-Айвз пожаловала к месту дуэли! Дрейк успел заметить, что ее телохранители, стоявшие поодаль и наблюдавшие за ним, поспешили отвернуться и сделать вид, что не обращают на него внимания.

Марибелла была одета в платье из блестящего голубого шелка, а когда она чуть подвинулась, пропуская его в карету, до него донесся аромат розового масла.

— И кто же выиграл дуэль? — холодно осведомилась она, осматривая его с головы до ног — возможно, в поисках ранений.

Дрейк сел напротив Марибеллы.

— Это был чистой воды спектакль, — проговорил он в ответ. — Я думал, что вы не захотите больше видеть меня.

— Не уверена, что захочу, — сказала Марибелла.

Соблазнительная улыбка скривила ее губы. Марибелла — очень привлекательная женщина, Дрейк не стал бы этого отрицать. Даже при свете дня она походила на далекую богиню Луны с ее правильными чертами и ледяной сдержанностью.

На лице Дрейка мелькнула усмешка.

— Тогда чему же я обязан честью этого неожиданного визита? — поинтересовался он.

— Я не уверена, что захочу видеть вас еще раз, — повторила Марибелла. — Но вы можете убедить меня простить вас.

Боскасл рассмеялся.

— Вы очень великодушны, Марибелла, — сказал он.

— Вообще-то нет, — покачала она головой. — Я алчная и эгоистичная.

— Никто не безупречен, дорогая.

Улыбка исчезла с лица Дрейка, когда он почувствовал, что Марибелла пытливо осматривает его, причем вовсе не сексуальным, а оценивающим взглядом. Было в характере мисс Сент-Айвз что-то еще, кроме того, что она была красивой женщиной и дорогой куртизанкой.

Опустив голову, Дрейк закрыл глаза. Неожиданно он подумал о том, что с некоторых пор для него стало важным знать характер женщины и что стоило ему только представить себе сексуальную притягательность Марибеллы, как его мысли мгновенно уносились к другой.

Полное безумие — думать о женщине, которой скорее придет в голову уложить его в постель и подоткнуть одеяло, чем лечь рядом с ним. Но может, он действительно сходит с ума?

Боскасл приоткрыл глаза, с удивлением ощутив на колене легкое прикосновение руки Марибеллы.

— Что, — начала Марибелла, недовольно скривив губы, — вы намерены предпринять для того, чтобы объяснить мне происшедшее?

Он опустил глаза на ее руку. На короткое мгновение ему показалось, что он различил в голосе Марибеллы легкий деревенский акцент. Разве не писали газеты о том, что она выросла в итальянских Альпах? Впрочем, как известно, Марибелла всегда окружала себя таинственностью. У Дрейка хватало такта не откровенничать с ней, пока он не раскопал кое-что о прошлом Марибеллы. И это несмотря на то, что Одри никогда не вводила его в заблуждение, предлагая очередную подружку для развлечений.

Разумеется, Марибелла не шпионка, а Дрейк уже не владеет тайнами, которые представляют ценность для мира политики. В прошлом, когда речь шла о безопасности его страны, он всегда умудрялся уводить разговор в сторону, если продолжать беседу в начавшемся русле становилось невозможным. Дрейк не доверял женщинам, которые лгали ему о себе. Любовнице следует доверять, иначе нельзя. Боскасл не стал бы спать с женщиной, к которой у него нет доверия.

— Что я должен сделать, чтобы искупить свою вину? Чего хотите от меня, Марибелла? — спросил Дрейк. — Денег?

Марибелла убрала руку с его колена. Дрейк, к собственному удивлению, по-прежнему ничего не чувствовал. Правда, он, конечно, устал и...

— Мне необходимо дополнить кое-чем свой гардероб, — проговорила мисс Сент-Айвз, вызываясь глядя на него.

Дрейк рассмеялся. Теперь-то он ступил на знакомую почву — подобная фриivolность в женщинах была ему понятна, он даже был готов оценить ее.

— Что ж, почему бы и нет?

Похоже, Марибелла немного смягчилась.

— Сегодня? — спросила она.

Боскасл махнул рукой. На самом деле он так и не понимал, почему отказывался сыграть свою роль. Может, долгие раздумья и сомнения лишь подогревали его, готовя к горячей сексуальной игре? Не исключено, что сначала так и было, но теперь все иначе. Дрейк подозревал: в душе Марибеллы тоже есть темная сторона — как и в его душе. И он не был уверен в том, что из этого выйдет что-то хорошее.

— Не сегодня, — пробормотал он. — По глупости своей я согласился помочь одному своему другу.

— Этот друг — женщина? — прямо спросила Марибелла.

Боскасл снова засмеялся. Кажется, он заметил в глазах мисс Сент-Айвз легкий намек на ее знаменитый темперамент.

— До чего же вы подозрительны! На самом деле я пытаюсь разыскать человека, из-за которого мне только что пришлось участвовать в этой дуэли-фарсе, которую вы могли видеть.

Если Марибелла и почувствовала, что было в его истории что-то еще, помимо этого простого объяснения, у нее хватило ума не спрашивать об этом.

Элоиза заставила себя смотреть прямо в лицо человека, за которого она едва не вышла замуж. Она чувствовала: показать Ральфу, что она его боится, — значит дать ему преимущество. И все же она едва сдерживала желание взяться за лацканы его ободранного серо-коричневого плаща и тряхнуть этого гадкого грызуна как следует. Как он ее нашел? Она же изменила имя и верила в то, что ей удалось затеряться, если не стать счастливой, в огромной массе представителей нижнего класса, которые населяли Лондон. Впервые за долгие годы Элоиза начала надеяться, что освободилась от своего прошлого.

— Боже мой, Элли, — промолвил Ральф, раскидывая свои костлявые руки по спинке дивана, принадлежавшего лорду Торнтону, — как хорошо вновь увидеть тебя после всех этих лет разлуки!

Элоиза нахмурилась, увидев на ковре грязные следы от его ботинок.

— Не могу сказать, что испытываю, те же чувства, — сказала она.

Ральф усмехнулся.

— Ты все так же остра на язык. И, насколько я вижу, ты вполне удачно устроилась, так что твое острословие свою роль сыграло. В общем, неплохо для деревенской девушки, — промолвил он.

Элоиза заметила, что сквозь портьеры в комнату стал пробиваться серый утренний свет. В эти самые мгновения происходит дуэль между двумя самыми привлекательными мужчинами, каких она встречала в жизни, — между лордом Дрейком Боскасом и его кузенком. Их не сравнить с этим вульгарным и нахальным типом, что незваным ввалился в дом и по-хамски раскинулся на диване.

— Элли, Элли, Элли! — неприятным голосом проговорил Ральф, оглядывая Элоизу с головы до ног. — Как хорошо вновь тебя видеть! Вижу, ты хорошо живешь.

Элоиза продолжала смотреть в сторону окна. Вот слышно, как по улице прогремела деревянная повозка — это торговцы спешат на рынок. В Лондоне начинался обычный, как и все остальные, день, и все же у Элоизы появилась твердая уверенность в том, что с появлением в Лондоне Ральфа в ее жизни произойдут недобрые перемены. Прошлой ночью ей удалось заглянуть в сверкающий мир, о существовании которого она всегда знала, но который оставался для нее недоступным, и она могла лишь со стороны наблюдать за ним, будто смотрела пьесу. Забыв обо всем на свете, она танцевала с человеком, о котором можно только мечтать, хотя теперь она совсем не та робкая и ранимая девушка, какой была шесть лет назад.

— Чего ты хочешь, Ральф? — спокойным тоном спросила она.

В его глазах, устремленных на нее, Элоиза увидела неуверенность.

— Чего ты хочешь? — еще раз спросила Элоиза у бывшего жениха.

— Немногого — всего лишь небольшую сумму наличными время от времени, — ответил Ральф. — Я не стал бы портить тебе жизнь, но времена настали трудные, видишь ли, скоро я вновь стану папашей.

— И сколько же у тебя детей, Ральф?

— Пятеро, — ответил он, вновь заставляя себя улыбнуться. — А ведь это мы с тобой могли бы воспитывать сопляков. Ты когда-нибудь об этом думала? — Ральф неуклюже поднялся, когда Элоиза никак не отреагировала на его слова.

Он должен был понять, что они в доме не одни.

— Кстати, ты что-нибудь слышала о Милдред?

— Нет, Ральф, не слышала. — Элоиза нахмурилась, только сейчас заметив, что она по-прежнему держит в руках вырезки из бульварных газет, найденных в гардеробе Талии. — И о тебе я бы предпочла ничего не знать, — добавила она.

Ральф внимательно оглядел картину, висящую над камином.

— Вот уже неделя, как я слежу за тобой, — заявил он. — Прошлой ночью ты с таким приятным джентльменом встречалась. Но, Элли, Боже мой... — Он покачал головой. — Бордель! Знал бы об этом твой отец! Нет, конечно, я никому не сообщу об этом, не вздумаю написать твоим родным. Это будет нашим маленьким секретом, хорошо?

Нелепо, но Элоиза, к собственному удивлению, как щитом прикрывалась вырезками из бульварных газет, которые содержали описание брата лорда Дрейка Боскасла. До чего же глупо считать заметки о похождениях повесы талисманом, способным защитить от такого типа, как Ральф Хокинс! И все же дело обстояло именно так. Было что-то магическое в поцелуях лорда Дрейка прошлой ночью. Магическое и властное.

— Уходи немедленно, — дрогнувшим голосом промолвила Элоиза.

Ральф хлопнул себя по колену своей замызганной фетровой шляпой.

— Ну хорошо, — кивнул он. — Я приду в другой раз.

Губы Элоизы крепко сжались.

— Нет, не придешь, — уверенно сказала она.

Ральф улыбнулся, показав в улыбке свои остренькие, как у хорька, зубы. И как только он мог когда-то казаться ей приятным и привлекательным?

— Да нет же, я непременно приду, детка, — пообещал он. — И ты заплатишь мне, Элли. Или произойдет то, что тебе не понравится.

Посмотрев на стоявший на столе чайник, Элоиза подумала о том, с каким удовольствием она бы обрушила его на голову Ральфа.

— Что произойдет? — спросила она.

— Произойдет то, что я перестану молчать, вот что. И поведаю твоим прекрасным нанимателям о том, какая ты испорченная и что вы с Милдред со мною сделали. Никто не захочет, чтобы у него служила безумная особа, Элли. Никому в доме не нужны сумасшедшие.

* * *

Как ни странно, после ухода Ральфа Элоиза крепко уснула. События прошлого вечера, потом расстройство, вызванное неожиданным появлением Ральфа Хокинса, который наговорил ей гадостей, — все это сыграло свою роль. Все просто: Элоиза до того измучилась, что переживать больше уже не могла.

Талия может бежать хоть с каминной щеткой. Лорд Торнтон может броситься в Темзу и всплыть на поверхность вместе с другими обломками жизненных кораблекрушений. А она сама может кончить торговлей пирожками на углу улицы или будет кидаться ими в своих бывших нанимателей. К счастью, Элоиза слишком устала, иначе воображение нарисовало бы ей еще немало подобных картин — одна хлеще другой. Но поддаваться отчаянию и впадать в истерику она себе запретила. Оставалось одно — уснуть.

Элоиза спала крепко, без сновидений, прислонившись к столу в гостиной, где все могли

ее увидеть. Она спала обморочным сном человека, замученного жизнью, который понимает, что сил на борьбу почти не осталось...

И был в ее сне самый красивый в Англии мужчина, который встал перед нею на колени, встряхнул ее за плечи и произнес командным тоном:

— Мисс Гудвин, ради Бога, что с вами? Поговорите со мной, вы меня слышите?

— М-м... Что?.. Что?..

— Вы ведь не приняли опиума, а?

— Приняла... что? — сонно пробормотала Элоиза, с трудом приоткрывая глаза.

Через мгновение его лицо обрело четкие очертания. Элоиза резко выпрямилась. Остатки сна мгновенно испарились, у нее перехватило дыхание. Вырезки из газет, лежавшие у нее на коленях, рассыпались по полу. Элоиза попыталась встать и тут же почувствовала, как его сильные руки скользнули ей под мышки, чтобы поддержать ее. И это хорошо, потому что при виде него у нее закружилась голова. Потому что перед ней на коленях стоял лорд Дрейк Боскасл.

— Я... Боже мой... — пролепетала Элоиза, едва не ударив Дрейка головой в живот. — Который час? Вы дрались на дуэли?

Дрейк Боскасл был великолепен — свежесбранный, элегантный, в темно-сером сюртуке и черных брюках. Даже после долгой бессонной ночи он выглядел безупречно, разве что глаза были немного усталыми, хотя это делало его мужественную красоту еще более привлекательной.

Дрейк нахмурился, глядя на Элоизу, вновь упавшую в кресло. Она постепенно приходила в себя. Элоиза молча припоминала недавние события, которые и привели к этой сцене в гостиной. Исчезновение лорда Торнтон и Талии. Ральф в дверях, словно хищник, учуявший запах беды.

— Прошу прощения, мне очень стыдно, — пролепетала Элоиза. — Я не могла предположить, что вы придете. Хотите чашку чая? Или... Боже мой... Дуэль позади?

— Да, позади, ни капли крови не пролито, — ответил он, явно испытывая облегчение.

— А лорд Торнтон там был? — задумчиво спросила Элоиза.

— Нет, — качая головой, ответил Боскасл.

— Так вы дрались с кузеном, и больше никого не было?

— Я бы не назвал это дракой или дуэлью, если вам угодно, — сказал Дрейк. — Во время бега в мешках я бывал ближе к убийству кузена, чем сегодня на рассвете.

— Бега? Какого бега? О чем это вы? — переспросила Элоиза, решив, что не расслышала его слов.

Боскасл усмехнулся.

— Я говорил о беге в мешках, — пояснил он. — Раз или два в году все Боскаслы собираются за городом на две недели сплошных пыток. Гейбриел всегда пытался обойти меня. И это ему никогда не удавалось.

Элоиза грустно улыбнулась. Она подозревала, что у двух кузенов было куда больше оснований для соперничества, чем говорил Дрейк. Ее семья почти никогда не собиралась вместе для приятных развлечений. У ее отца, постоянно занятого делами судьи, не было времени играть с детьми, а ее мать в редкие свободные минуты подрабатывала швеей, чтобы заработать еще хоть немного денег для семейного бюджета. Даже сейчас, оставив семью, Элоиза испытывала порой чувство вины. А вот когда Дрейк заговорил о своих родных, его голос неожиданно становился теплым. И от этого он еще больше понравился Элоизе.

Она нерешительно замолчала, лихорадочно обдумывая, что говорить дальше. Дрейк решил за нее эту проблему, правда, весьма смутив Элоизу.

— Ну и ну, — пробормотал он, — что это тут у вас?

Элоиза заморгала. Она не понимала, о чем говорит Боскасл, до того мгновения, когда Дрейк наклонился, чтобы подобрать с пола одну из газетных вырезок. Скандальные статьи. Карикатура, на которой лорд Хит Боскасл изображен в виде Аполлона. Элоиза совсем забыла о том, что заснула, сжимая в руках листок с изображением обнаженного брата Дрейка.

Ей оставалось надеяться лишь на то, что Дрейк не узнает, кто изображен на карикатуре.

Он узнал. Одна темная бровь поползла вверх. Крепко сжав губы, Боскасл рассматривал карикатуру, не произнося ни слова. Элоиза не знала, что хуже: то, что Дрейк застал ее державшей в руках карикатуру обнаженного человека, или то, что этим нагим человеком был его брат.

— Боже мой! — воскликнула Элоиза. — Ладно бы я один раз говорила мисс Торнтон, чтобы она не читала таких газет — так нет же, я сотни раз повторяла ей это! А она еще оставила вырезки у себя.

— Кажется, вырезки лежали у вас на коленях, — заметил Боскасл, лукаво улыбаясь. — Ну и дела, мисс Гудвин! О чем это, интересно, вы грезили, когда я разбудил вас?

Элоиза откашлялась. Господи, а что, если он подумает, что она — одна из тех женщин, которые притворяются добропорядочными, а на самом деле обожают тайком рассматривать непристойные картинки?

— Мне было любопытно, — сказала она, выхватывая листок у него из рук.

Дрейк посмотрел ей прямо в глаза, его взор потемнел от изумления.

— Вам было любопытно смотреть на моего голого брата? — спросил он.

— Я просматривала вещи мисс Торнтон, — проговорила Элоиза. — Надеялась найти записку от Перси, которая помогла бы мне узнать, где они могут находиться, — объяснила она.

Вообще-то это не было полной правдой, точнее, в ее словах не было ни капли правды. Но не могла же она признаться лорду Дрейку, что просто хотела найти хоть какие-нибудь сплетни о нем.

Дрейк помолчал.

— Лично я ничего не имею против женщин, которым нравятся эротические картинки, — сказал он после недолгой паузы.

— Но я вовсе не рассматривала картинки!

— К чему стыдиться этого? — пожал плечами Боскасл. — Разве что это карикатура на моего брата... Но ведь вы с ним не знакомы, не так ли? — с интересом спросил он.

— Нет, конечно, нет. — Элоиза поморщилась, когда Дрейк развернул листок и она вновь увидела карикатурное изображение его обнаженного брата. — Но я видела... что его имя время от времени упоминается в газетах, — сердито проговорила она. — Непохоже, что он частый участник скандалов.

Боскасл усмехнулся.

— Но эта карикатура сама по себе может считаться скандальной, — заметил он.

— Ничуть не сомневаюсь в этом, — согласилась Элоиза. — Представляю, как она смутила джентльмена.

— Его смущение практически никак не связано с той чередой неприятностей, которые

начались после появления карикатуры в газете. — Дрейк покачал головой. — Насколько я понял, этот рисунок и не собирались публиковать. До сего дня неизвестно, как он попал в прессу. Не думаю, что его жена когда-либо забудет, какой скандал вызвал ее неблагоприятный поступок.

— Его жена? — изумилась Элоиза. — Так карикатуру нарисовала жена вашего брата?

Дрейк несколько мгновений внимательно смотрел на Элоизу. Как, в самом деле, объяснить все те невероятные, непонятные вещи, которые постоянно случаются с его родными? Дрейк толком и сам не понимал этого, но он ощущал себя частью этого дьявольского механизма и давно привык к этому.

— Боюсь, что так, — ответил он. — Видите ли, мужчины из семейства Боскаслов обычно привлекают неординарных женщин. Женщины в нашей семье склонны к весьма смелым поступкам.

— И что... Все спокойно мирятся с этим? — тихо спросила Элоиза.

Дрейк напомнил себе о необходимости внимательнее следить за собой во время беседы с Элоизой. Если бы только она не была такой хорошенькой! Ее кожа после сна все еще была розоватой, что, естественно, натолкнуло Дрейка на мысль, как было бы приятно прикоснуться к ней. На Элоизе было ее обычное зеленое муслиновое платье, аккуратно застегнутое сзади на все пуговицы, и он помечтал о том, как раздевает ее.

— Да, — кивнул он. — Вообще-то мы многое готовы принять. Члены семейства Боскаслов грешат почти каждый день. — Дрейк откашлялся. — А что вы можете сказать о собственной семье? — спросил он, явно пытаясь перевести разговор на другую тему.

— Ничего особенного, — ответила она, отводя взор в сторону. — Я уже боюсь спрашивать... Вы узнали, куда могла подеваться мисс Торнтон?

Дрейку не хотелось признаваться, что меньше всего в этот момент он думал о Талии. Зато ему стало безумно интересно, откуда Элоиза приехала и где она работала до того, как попала в этот дом. Может, она сирота? Может, у нее просто нет родных, о которых они могли бы потолковать?

— Я пока не знаю, где сейчас Талия, — честно ответил он. — Но, думаю, она все еще в Лондоне. И вам не стоит винить себя за ее поведение.

Элоиза подняла глаза. Исходящее от него тепло превратилось в палящий жар.

— Дело в том, что я не смогу объяснить, куда она пропала, — сказала она. — Мать ее жениха непременно заподозрит неладное. Видите ли, через несколько часов мы с Талией должны приехать к ней на чай.

— Судя по всему, Талия вернется, и все будет в порядке.

Элоиза покачала головой.

— Общество не всегда бывает так благосклонно к ошибкам женщин, как в вашей семье, — заметила она.

— Вы говорите как человек, у которого есть определенный опыт? — осторожно спросил Дрейк.

Элоиза задумалась.

— Опыт некоторый есть, но не такого рода, — призналась она.

Дрейку показалось, что она пытается уйти от ответа.

— Вы говорили, что она скоро должна выйти замуж, — вымолвил он. — Вы собирались работать на Талию после ее замужества?

— Я еще не знаю, что буду делать после того, как моя подопечная выйдет замуж, —

сказала она.

Боскасл кивнул, раздумывая над ее словами. А потом, сам не зная почему, произнес:

— Возможно, есть более простые способы заработать на жизнь.

— Полагаю, это зависит от того, что считать простым и что сложным, — промолвила Элоиза. Помолчав, она спросила: — А вы давно дружите с лордом Торнтоном?

— Не думаю, что я когда-либо считал Хораса своим другом, — ответил Дрейк. — Вот его брата — да.

— Тогда почему же вы ему помогаете?

Подняв руку, Боскасл провел большим пальцем по щеке Элоизы.

— Почему вас это интересует? — задумчиво поинтересовался он.

Элоиза струдом сглотнула, увидев неистовый огонь в его глазах, и выпалила первое, что пришло ей на ум:

— Вначале я спросила вас.

Одно невыносимо долгое мгновение Элоиза опасалась, что Дрейк просто засмеется. Вместо этого он опустил голову и ответил ей поцелуем, унесшим ее в темный водоворот ощущений. Элоиза застыла и закрыла глаза, даже не пытаясь сопротивляться. Какой стыд! Но она даже не пыталась сделать вид, что хочет оттолкнуть его. Едва ее губы приоткрылись, язык Дрейка проник в теплую полость ее рта, отчего по ее телу мгновенно расплзлась сладкая истома.

— Боже мой, Элоиза! — Его горячие губы принялись осыпать мелкими поцелуями ее лицо и шею, а затем спустились вниз, к скромному вырезу, под которым пряталась ее грудь. — С тех пор как мы встретились, я только и думаю о том, как хочу тебя.

Желание овладевало Элоизой, жгло ее живот, дрожью пробегало по ее спине. Ей доводилось слышать подобные признания, но впервые ее тело так отозвалось на них. Этот мужчина опасен не тем, что он берет то, что хочет, а тем, что заставляет ее тоже хотеть этого.

— Это... — С трудом приподняв руку, Элоиза взялась за его запястье.

Она держится за Дрейка или хочет оттолкнуть его? Возможно ли делать и то и другое одновременно? Возможно ли притворяться, что она не понимает, что делает?

— Что?.. — Его пальцы прикоснулись к ее плечу — никто никогда не трогал плечи Элоизы, и от этого ее дрожь стала еще сильнее. — Что «это»? — хриплым шепотом спросил он. — Скажи мне.

— Не знаю.

— И я тоже, — произнес он.

Она ощутила, как его руки умело погладили ее шею и спустились к груди. Кончики пальцев Дрейка касались изнывающих по его ласкам выпуклостей, проступающих сквозь ткань платья. Она бы скорее умерла, чем позволила другому мужчине сделать тоже самое. Но это был не другой мужчина, а Дрейк Боскасл, поэтому Элоиза выгнулась и закрыла глаза, молча моля его не останавливаться. Дрейк потерся подбородком о ее грудь.

— Ты везде такая мягкая? — спросил он. — Я хочу это знать.

Элоиза со стоном качнулась, от звука его голоса ее возбуждение стало еще сильнее. С какой легкостью Дрейк заставил ее желать его! Прошлой ночью, помнила Элоиза, она пыталась не выказывать ему своей симпатии. И сейчас ее больше всего поразила ее собственная реакция, то, что она позволяла ему все эти вольности.

Его губы обхватили ее сосок и принялись сосать его сквозь тонкий муслин. Господи, да

это распутство, но как же приятно! Одному Богу известно, что еще она бы позволила лорду Дрейку сделать с собой, если бы в это время по бульжной мостовой под окнами не прогрохотала карета. От стука колес оба они вернулись в мир реальности. Дрейк отпрянул от Элоизы, глядя на нее с таким выражением, что по ее телу вновь пробежала дрожь.

— Я помогу тебе, — медленно проговорил Боскасл. — Думаю, теперь мы оба понимаем, почему я это сделаю.

Элоиза не могла дольше выносить на себе его испытующий взгляд. Да, возможно, к ней его влекло только лишь вожделение. Но разве вожделение маскируется под нежность, прячется за умелыми прикосновениями мужчины, который предлагает тебе поддержку в тот самый момент, когда кажется, что последняя надежда потеряна? «Конечно, да», — настаивал ее внутренний голос.

Искушение не так соблазнительно, если его не преподнести в соответствующей упаковке.

— Чего ты захочешь взамен? — спросила Элоиза.

— Я же не сказал, что жду чего-то, разве не так? — Дрейк посмотрел ей прямо в глаза.

Она растерялась, ощущение было такое, будто она смотрится в зеркало. Отражение не обманывает, но уж слишком оно настороженное.

— Я не настолько наивна, — промолвила Элоиза.

Дрейк улыбнулся:

— Мне ни на секунду такое и в голову не пришло.

Выйдя из дома Торнтона, Дрейк направился пешком в собственное жилище. Пугало одно: Элоиза вообразила, что будет перед ним в долгу. Но он и сам не мог предвидеть, как будет развиваться ситуация. Он понимал, что его интерес к Элоизе никак не связан с Хорасом Торнтоном. Возможно, ему просто скучно. Мужчина не может постоянно пить, волочиться за женщинами и драться на дуэлях. Или может? Можно загнать себя в могилу и другими, менее изощренными способами. Бог свидетель, он видел немало бессмысленных смертей на поле брани с обеих воюющих сторон. Насколько Дрейк мог сказать, мир не стал лучше после всех принесенных ему жертв.

— Дьявол побери! — раздался позади Дрейка чей-то низкий голос. — И почему это в наше время на улицы выпускают людей вроде вас, чтобы они бродили вот так же, не глядя по сторонам?

Дрейк оглянулся. Честно говоря, он надеялся, что его оскорбил какой-то незнакомец. Если бы дело обстояло именно так, то Дрейк был готов с ним подраться — после этого он наверняка почувствовал бы себя лучше.

Увы, это оказался его младший брат — Девон выскочил из экипажа, в котором ехал с друзьями, чтобы присоединиться к Дрейку. Дрейк с досадой покачал головой, увидев, что Девон едва не налетел на торговца, который продавал гороховые пирожки. Торговец принялся браниться, но успокоился, когда Девон с извинениями улыбнулся ему. В этом был весь Девон. Он мог своей улыбкой и камень очаровать и даже заставить его улыбаться. Те самые выходки, за которые он мальчишкой получал по заслугам, теперь нравились всем. Кто еще, кроме Дева, мог так мастерски изображать разбойников, что после этого молодые аристократы по всей Англии стали подражать его проделкам? А сколько юных леди грезили о том, что Девон будет целовать их всю ночь напролет?

Высшему свету было не важно, что Девону приходилось прятаться до тех пор, пока очередной скандал, связанный с его именем, не затихнет. Впрочем, возможно, это не слишком волновало и самого Девона.

Девон помахал перед лицом брата газетой.

— Ты только посмотри! — крикнул он.

Недовольно заворчав, Дрейк оттолкнул руку Девона с газетой, успев увидеть в ней произведение известного сатирика.

— Если это очередная карикатура на голого Хита, мне неинтересно, — сказал он. — Утром я уже налюбовался на все прелести Аполлона; так что с меня достаточно.

Девон показал в улыбке белоснежные зубы.

— Нет, на сей раз к Хиту это не имеет отношения, — промолвил он. — А вот к тебе имеет.

Дрейк выхватил газету из рук Девона.

— Господи, только бы не голым!

— Да нет, там вообще нет иллюстраций, — успокоил Дрейка младший брат. — Во всяком случае, я не видел. Пожалуйста, подожди завтрашнего выпуска, не начинай заранее истерику.

— А ты хоть раз видел, чтобы у меня была истерика?

Девон на мгновение задумался.

— Да нет, что-то не припомню, — ответил он.

— Тогда почему ты опасаясь этого?

Нахмурившись, Дрейк быстро проглядел газету. Это был невероятно приукрашенный рассказ о страстной ночи, которую он якобы провел в обществе известной куртизанки, и упоминание о дуэли... На дуэли, разумеется, кузены Боскаслы дерутся из-за упоминаемой куртизанки.

— Дьявол побери! — тряхнул головой Дрейк. — Подождем, пока Грейсон это прочитает. С тех пор как наш братец женился, он стал таким моралистом, каких свет не видывал. Я едва узнаю его. Пожалуй, на день рождения я приведу к нему проповедника.

— Так это все-таки правда, а? — спросил Девон, толкая брата в плечо. — Ты ведь договаривался с Марибеллой? Ты дрался на дуэли утром? Кстати, я хотел прийти в Гайд-парк, да только дела личного характера меня задержали. Рад, что тебя не убили.

— Господи, да не дрались мы с Гейбриелом из-за Марибеллы! Разве ты не помнишь, что прошлым вечером произошло на балу? Наш кузен уличил Торнтон в шулерстве. Потом Торнтон исчез. Ты же был там, Дев! — возмущался Дрейк. — Разве что ты накачался сильнее, чем казалось.

— Да вовсе я не напивался, — возразил Девон. — И не такой уж я дурак, каким ты меня считаешь. Просто мне пришло в голову, что после того, что произошло у Одри, вы с Гейбриелом действительно могли поссориться.

Дрейк скомкал газету и выбросил на обочину дорогу.

— А откуда тебе известно, что произошло у Одри? — подозрительно спросил он.

Девон тяжело вздохнул.

— Ну ты же знаешь, как девушки любят сплетничать, — объяснил он.

— Да нет, это ты любишь сплетничать, — раздраженно поправил его Дрейк. — Это так не по-мужски. — Если учесть, что никто и никогда не сомневался в мужественности Девона Боскасла, Дрейк явно перегнул палку. — Кстати, во время твоих ночных прогулок по городу не встречал ли ты Хораса Торнтон?

— Нет, кажется, не встречал.

Дрейк многозначительно посмотрел на младшего брата. Худощавый и угловатый, Девон был на дюйм выше Дрейка.

В юности казалось, что он состоит сплошь из растущих колен, костей и локтей. Но природа была милостива к Девону: с возрастом он превратился в сильного красивого молодого человека. Присущая Девону легкость в общении и его озорная улыбка вечно обманывали тех, кто плохо его знал. Под мальчишеской внешностью пряталась сложная натура, и мало кто догадывался о глубине его чувств и переживаний. Женщины его обожали.

— Куда же мы идем? — спросил Девон, глядя на пышнозадую молоденькую торговку орехами, которая едва не выронила свою корзину, услышав его голос и оглянувшись на него.

— Я направляюсь к своему экипажу, в котором поеду искать мисс Торнтон и ее соблазнителя Перси Чапмена, — ответил Дрейк. — Я полночи ее разыскивал.

— Ты говоришь о Талии? — спросил Девон, наконец отрывая взор от хорошенькой торговки и вновь переводя его на брата.

Дрейк скрестил на груди руки. Одна из труднейших задач на свете — разговаривать с Девон и пытаться при этом завладеть всем его вниманием.

— Ты знаешь, где она? — спросил он.

— Прошлой ночью она была в отеле на Сент-Албанз-стрит. — Девон опять уставился на

торговку с таким выражением лица, что у той, должно быть, сердце затрепетало от волнения. — Думаю, она была с Перси, раз уж ты упомянул его имя в связи с ней.

— Раз уж я упомянул ее имя! — передразнил Дрейк брата. — Почему ты мне сразу об этом не сказал?

Девон снова улыбнулся. Сердиться на такого человека просто невозможно. Он не мог обидеть, не умел лицемерить.

— Я думал, ты захочешь поговорить со мной о Марибелле, — вымолвил Девон. — Мне и в голову не приходило, что тебя интересует Талия Торнтон.

— Боже мой, Девон, ты невозможен! С чего это ты решил, что меня интересует эта дурочка?

— Ну как же? — пожал плечами Девон. — Ты сам только что сказал мне, что полночи разыскивал ее, ты на глазах свидетелей в заведении Одри ночью ушел от Марибеллы. Что еще, по-твоему, могло прийти мне в голову?

Хуже всего, что в выводах Девона был определенный смысл. Как еще Дрейку объяснить Девону свои действия?

— Я разыскиваю Талию не для себя, — тщательно подбирая слова, промолвил старший Боскасл. — Я пытаюсь помочь другу, который ее ищет.

Несколько мгновений Девон молчал. К несчастью, Дрейк знал, что успокаиваться ему рано, уж больно красноречивым было молчание его младшего брата. Несмотря на внешнее легкомыслие, Девон — человек сообразительный. Он ни за что не поверит, что Дрейк был готов принести себя в жертву и столько времени потратить на то, чтобы помочь другу. Должно быть, он уже догадался, что на карту поставлено что-то еще.

— Бог мой! — Девон отступил на шаг назад, ухмыляясь как идиот. — Тут явно замешана женщина. Еще одна женщина! Как же мне это сразу не пришло в голову! Ты делаешь это для женщины, вот что! С ума сойти!

— Не говори ерунды! — сквозь зубы процедил Дрейк.

Девон наградил брата взглядом, в котором можно было увидеть и восторг, и сожаление.

— Я должен с ней познакомиться, — заявил он. — Кто она? Какая она? Должно быть, это женщина выдающаяся, невероятная, потрясающая, если ты предпочел ее Марибелле.

— Да нет у меня никакой женщины! — взорвался Дрейк. — Стал бы я молчать, если бы была!

— Не знаю, Дрейк, — пожал плечами Девон. — Так стал бы?

— А ты как думаешь?

Братья замерли рядом, плечом к плечу, и ни один не проронил больше ни слова. И оба знали, что впервые в жизни Дрейк солгал — не только своему брату, но и самому себе.

Увидев ранним утром в дверях своего дома Ральфа, Элоиза, мягко говоря, была неприятно удивлена. День вообще не задался, и, если не считать так же неожиданно появившегося вслед за Ральфом Дрейка Боскасла, встреча с которым, напротив, обрадовала Элоизу, ничего хорошего больше не произошло. Один за другим явились трое кредиторов, которые потребовали уплаты долгов лорда Торнтона. Помощник портнихи пригрозил взять в залог все платья, которые Хорас заказал для Талии на грядущий сезон. Элоиза поинтересовалась у него, не возьмет ли он вместо платьев панталоны, но тот отказался. Впрочем, это не слишком огорчило Элоизу: и она, и другие слуги этого дома стали экспертами в искусстве придумывания выхода из тупиков, в которые их загоняло безответственное поведение хозяина.

Еще труднее оказалось объяснить матери будущего мужа Талии — довольно милой, кстати, женщине, — куда исчезла ее будущая невестка. Элоизе нравилась леди Хитон, и ей было весьма неловко говорить о том, что Талия не сможет прийти на чай. А ведь, кроме леди Хитон, мисс Торнтон на Пиккадилли поджидали три пожилые тетушки сэра Томаса.

— С нею все в порядке? — спросила леди Хитон, в карих глазах которой вспыхнула тревога.

Элоиза едва сдержала тяжелый вздох. Она просто не могла сказать этой седовласой женщине правду, которая заключалась в том, что Элоиза понятия не имела, где Талия, и даже представить не могла, все ли с ней в порядке.

— Боюсь, ей пришлось уехать по срочному делу, — пробормотала Элоиза. — Сердечный приступ.

— Заболел кто-то из членов семьи? — забеспокоилась леди Хитон.

— Ах нет, близкая подруга. — Скорее, не подруга, а друг подруги, наглый мерзавец.

Вообще-то Элоиза плохо относилась к брани, но бывали в ее жизни мгновения, когда ей хотелось смачно выругаться.

— Господи, какая же она добрая, — пробормотала леди Хитон. — Надеюсь, заболевание не смертельное.

В горле Элоизы тихо заклокотало. Окажись Талия где-нибудь поблизости, этот звук мог бы означать для нее большие неприятности. А уж если бы в обществе прознали о бегстве Талии, то разразился бы такой скандал, что ее доброй репутации вообще пришел бы конец.

И вот Элоизе до конца дня пришлось ждать — изнывая от беспокойства, сжавшись в комок от тревоги. Она ждала, когда ее блудная подопечная вернется домой. Ждала, когда ее бывший негодяй жених вернется и спросит, не готова ли она уплатить ему за молчание.

Но помимо этих тревожных и неприятных ожиданий было еще одно: Элоиза ждала возвращения смуглого, опасно элегантного лорда Дрейка Боскасла, который заставит ее забыть обо всех бедах и уведет с собой в сказочно прекрасный мир греха и соблазна.

«Элоиза, — скажет он, — с тех пор как мы с тобой танцевали на балу, мое сердце принадлежит тебе».

И они будут вместе весело смеяться, вспоминая о том, как Элоиза ошиблась, решив, что Дрейк хочет соблазнить Талию. Он признается, что до прошлой ночи никогда не бывал в борделях и что, как это ни странно, ее верный молодой слуга был прав. Лорд Дрейк оказался в расстегнутой рубашке вовсе не из-за того, что развлекался с распутной девкой в заведении

мисс Уотсон. Просто он боксировал с одним из своих друзей. Вот!

Рассмеявшись над собственной глупостью, Элоиза принялась разбирать почту, раскладывать письма в маленькие стопки, подспудно ожидая стука в переднюю дверь. За этим бесхитростным занятием наступило время ложиться спать. Ночью так никто и не пришел. Не было гостей и на следующий день, несмотря на то что Элоиза опять ждала до вечера, сгорая от тревоги.

Осознав наконец, что ее не спасут и не похитят, во всяком случае в ближайшее время, Элоиза решила принять горячую ванну. Погрузившись в воду, она думала о том, что бы поесть на ужин. Дома никого не было. Прислуга, испросив у нее разрешения, отправилась в театр. Элоиза вполне могла позволить себе выпить вина и полакомиться мягким сыром, не опасаясь, что кто-нибудь увидит ее за этим пиршеством. Она окунулась в воду с головой, чтобы помыть волосы. Долгая ванна всегда помогала ей думать, хотя в сложившейся ситуации, понимала Элоиза, думать о чем-то было бесполезно.

Как все-таки она дошла до такой жизни? Была ли ее вина в том, что она едва не вышла замуж за негодяя? Или в том, что человек, на которого она работает сейчас и возвращения которого ждет, немногим лучше? Или в том, в конце концов, что от долгого пребывания в воде подушечки пальцев на ее ногах и руках сморщились, как изюм?

Выйдя из теплой, расслабляющей воды, Элоиза пошарила рукой в поисках стула, который поставила возле ванны. Стало прохладно. Элоизе хотелось надеть ночную сорочку, с головой накрыться теплым одеялом и проспать до утра. А утром, глядишь, ситуация каким-нибудь непостижимо-волшебным образом изменится в лучшую сторону.

— Где же стул? — пробормотала она.

Скрутив свои густые каштановые волосы в тугий жгут, Элоиза принялась отжимать из них воду.

— Господи, мало того что я потеряла подопечную и, возможно, место, так теперь еще и стула нет! — причитала она. — Скоро я лишусь рассудка. Ох, Элоиза, Элоиза, до чего же ты дошла!

Откинув волосы назад, она направилась по неровному деревянному полу к единственному окну. Когда она раздевалась, на улице было еще светло. Теперь небо обрело красивый темно-лавандовый оттенок, на город опустились сумерки, готовые скрыть людские грехи.

— Я люблю Лондон, — с несвойственным для нее самозабвением прошептала Элоиза. — На земле нет второго такого города. Прошу тебя, Господи, не допусти того, чтобы мне пришлось уехать! Я знаю, что нельзя так сильно любить греховное место.

Рассеянно улыбнувшись, Элоиза тряхнула головой. Вообще-то у нее не было привычки молиться голой, но ее рубашка, корсет и чистые панталоны, которые Элоиза приготовила себе, исчезли куда-то вместе со стулом. Она еще раз изумленно огляделась по сторонам. Странно, но стула, который она вроде поставила рядом с ванной, не было на месте.

Внезапно она ощутила, что по спине у нее побежали мурашки. Медленно повернувшись на босых ногах, Элоиза увидела в углу комнаты темный мужской силуэт. Во рту у нее пересохло.

— Боже мой! — прошептала она. Должно быть, у нее галлюцинации. Должно быть. Потому что если это не так, то реальность просто ужасна.

Элоиза закрыла глаза, стараясь не поддаваться панике. Но когда она подняла веки, лорд Дрейк Боскасл по-прежнему был на том же месте. А она голая. Голая, как обглоданная

собакой кость.

Какой скандал! Приплясывать на босых ногах перед мужчиной без единой одежды! Элоиза подумала, не смутила ли она Дрейка своей наготой до такой степени, что он лишился дара речи. Правда, судя по выражению его лица, смущением это было назвать трудно.

Лицо было непозволительным. Страстным. Совсем не растерянным.

Но, в конце концов, это ее комната, это он проник в ее дом, он застал ее в самый неподходящий момент. Он, а не она! Был ли это лорд Дрейк Боскасл или его призрак, но он явно предпочитал не обращать внимания на общепринятые нормы приличия.

Элоиза судорожно вздохнула.

— Я лишилась дара речи, — кашлянув, проговорила она. — Да какое там — я поражена. Это недопустимо, милорд. Это скандал, ужасный, чудовищный скандал. Только представьте себе, что чувствует человек, за которым наблюдает какой-нибудь «подглядывающий Том». Словно я какая-нибудь леди... какая-нибудь... леди...

— Годива? — услужливо подсказал Дрейк, жадно оглядывая ее с головы до ног.

— Да! Да нет! — Элоиза нахмурилась. — В той истории должна быть лошадь, там есть элемент выбора, потом еще...

— Налоги? — опять подсказал Боскасл, глаза которого подозрительно заблестели.

— Ну да, налоги, — кивнула окончательно сбитая с толку Элоиза. — Там были налоги и... Ох, мне уже слов не хватает, даже не знаю, что сказать.

— Я бы поостерегся встречаться с вами, когда вы расположены поболтать, — промолвил Дрейк с улыбкой.

У него был такой низкий и соблазнительный голос, что ноги Элоизы как жаром обдало.

— Хотя мне тоже нелегко найти подходящие слова для того, чтобы передать, что я чувствую в этот момент.

Элоиза сделала маленький шагок в сторону умывальника.

— Я совершенно растеряна... Я потеряла... — лепетала она.

— Полотенце? — договорил Дрейк, не скрывая улыбки. — И еще нижнее белье? — Лениво поднявшись со стула, он неспешно направился к Элоизе, держа в руках ее вещи.

Элоиза прищурилась. Она не могла заглянуть в шкаф или хотя бы стянуть с кровати полотенце, не повернувшись к нему спиной. Не было у нее возможности и спрятаться за ширму, потому что лорд Дрейк стоял слева от нее и ей пришлось бы пройти мимо него по пути к ширме. Впрочем, не могла же она вечно стоять перед ним голой, прикрываясь руками.

— Бросьте мне полотенце! — крикнула она.

— Прошу прощения? — резко остановившись, проговорил Дрейк. — Вы что-то сказали?

— Полотенце! — простонала она.

— Зачем же так кричать? — укоризненно произнес он.

Дрейк махнул рукой, сделав вид, что показывает Элоизе, где находится полотенце.

— Да вот же оно. И я ни за что вам его не брошу — это можно расценить как грубость с моей стороны.

— А как, интересно, можно расценить тот факт, что вы пробрались в мою комнату, пока я принимаю ванну? — возмутилась Элоиза.

— Да я стучал, — благодушно отозвался Боскасл, — только никто не ответил мне. Я встревожился — вдруг что случилось? Вдруг кто-то вас прогнал отсюда? Торнтон по уши в

долгах. И после этого вы можете обвинять меня в чем-то?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Спорить с ним было бесполезно — пришлось Элоизе нехотя признать правоту Боскасла. Ведь остальные слуги действительно взяли выходной, чтобы пойти в театр. Так что он и в самом деле мог стучать и заподозрить неладное, когда никто не отозвался. В принципе поведение лорда Дрейка можно было назвать даже героическим — никто не отозвался на стук, и он решился войти в дом, а потом... Сидя на стуле в углу комнаты, наблюдать за тем, как она принимает ванну.

Элоиза отступила за умывальник. Дрейк наблюдал за ней, обмотав руку полотенцем.

— Вы можете уйти? Пожалуйста, — попросила Элоиза, пытаясь спрятаться за керамическим кувшином и раковиной.

Казалось, Дрейка ее просьба удивила.

— А я-то думал, что вы хотите, чтобы я подал вам полотенце и белье, — промолвил он с невинным видом.

— Если я чего и хочу, так это одеться, — процедила Элоиза сквозь зубы.

— Но вы же насквозь мокрая, — заметил Боскасл. — Вам необходимо вытереться полотенцем.

— Для того чтобы одеться, я должна остаться одна!

— Я только хотел помочь вам, Элоиза!

— Я могу сделать это...

Элоиза замерла от изумления, когда Дрейк быстро подошел к ней и, как хлыстом, обхватил ее талию полотенцем. Ей оставалось лишь радоваться тому, что сумерки, проникшие в комнату, скрывали многое из того, что она хотела бы спрятать.

— ...сама, — Элоиза, едва не вскрикнув. — Я сама могу одеться, — повторила она.

— Ну конечно, можете, — произнес он с обезоруживающей улыбкой. — Но разве не лучше делать это с чьей-то помощью?

— Это зависит от того, что делают руки, пытающиеся помочь, — низким, холодным голосом промолвила Элоиза.

— Мой лакей всегда помогает мне одеваться.

— Даже сейчас? — Голос Элоизы опять стал выше.

Дрейк кивнул.

— Знаете, я просто беспомощным становлюсь, когда бывает нужно повязать шейный платок, — сказал он.

— Думаю, я могла бы вам в этом помочь, — заявила Элоиза. — Завязала бы вокруг вашей шеи маленький такой тугой-тугой узел и затянула его посильнее...

— Да вы только взгляните на себя, — усмехнулся Боскасл, привлекая ее ближе к себе. — Вы вся дрожите. Так дело не пойдет. Повернитесь, иначе смертельно простудитесь.

— Если я и умру, то не от простуды, — сказала Элоиза.

Она была нагой в его объятиях, она попала в капкан, образованный его стальными бедрами и собственным полотенцем. На мгновение в голове у Элоизы стало как-то подозрительно тепло, а затем кровь пугающе быстро отхлынула оттуда.

— Надеюсь, вы опять не упадете в обморок? — испуганно спросил Дрейк.

— Я и раньше никогда не падала в обморок, — ответила Элоиза, силясь справиться с очередным приступом головокружения.

Дрейк крепче потянул на себя полотенце. На его лице, склоненном к ней, отразилась

серьезная тревога.

— Может, мне стоит отнести вас в постель? — предложил он.

Элоиза подняла взор, ее глаза встретились с его глазами.

— У вас пальцы на ногах вот-вот посинеют от холода. — Его большие ладони, опустившись вниз по ее бокам, накрыли ягодицы Элоизы и слегка приподняли их.

Едва не теряя сознание, она подумала о том, что это место не имеет никакого отношения к пальцам ее ног.

— Ну должен же я хоть чем-то помочь вам, Элоиза, — сказал Боскасл, — пока я здесь.

— Кстати, почему вы здесь? — пробормотала она.

— Давайте сначала вас согреем, а потом уж потолкуем об этом. — И, отпустив один конец полотенца, Дрейк провел им по ее спине, плечам, затем стал сужающимися кругами водить вокруг ее груди, оставляя своему жадному взору лишь розовые ореолы ее сосков, напрягшихся от возбуждения.

Элоиза дрожала, но была не в силах двинуться с места.

— Боже мой, да вы, того и гляди, подхватите воспаление легких! — суровым голосом произнес Дрейк. — Необходимо принять какие-то меры, чтобы согреть вас.

Элоиза издала какой-то странный звук, напоминающий то ли протестующий стон, то ли плач. Впрочем, она и сама не знала, что этот звук означает. Элоиза была уверена только в одном — она не может быть той самой нагой женщиной, отражение которой видит сейчас в зеркале. Полотенце соскользнуло по ее телу на пол. Дрейк снова обхватил ее крепкие ягодицы, а Элоиза неуклюже попыталась оттолкнуть его руки.

— Вы что-то сказали? — спросил он участливо.

— Не знаю, — прошептала Элоиза. — Сказала? — Она была не в силах шевельнуться.

Его сильные пальцы скользили по спине вверх-вниз.

— Я был уверен, что у тебя мягкая кожа, — хрипло прошептал он. — Тебе все еще холодно? Мокро? Ляг со мной в кровать.

Он быстро сбросил с себя сюртук.

Больше всего ей хотелось сказать «да». Хотелось ощущать прикосновения его сильных рук по всему телу. Ямка между ее ног стала странно влажной. Элоиза по-прежнему дрожала, но не от холода. Дрожала, когда его отвердевшее естество, рвущееся из одежды, прикасалось к ее животу; еще сильнее она задрожала, когда Дрейк еще крепче прижал ее к себе, да так, что ей пришлось развести ноги в стороны, чтобы не упасть.

— Я хочу только прикоснуться к тебе, — низким голосом, от которого у Элоизы подогнулись колени, прошептал Дрейк. — Мне хочется прикоснуться к тебе внутри, там, где ты еще мягче и нежнее. И еще более влажная. — Глубоко вздохнув, он посмотрел на Элоизу и приподнял колено к трепещущей плоти между ее ног. — Лишь на мгновение.

Она подняла на него молящий взор. Желание, горевшее в глазах Дрейка, опаляло ее. Она хотела было оттолкнуть его, но силы оставили ее, и Элоиза смогла лишь тихо застонать, когда Боскасл взял ее на руки и отнес в постель.

— Господи, что ты делаешь? — шепотом спросила она.

Он лег и уложил ее рядом с собой.

— Пытаюсь согреть тебя, — ответил он. — Тебе станет так жарко, как не было никогда в жизни.

Застонав, Элоиза попыталась заслониться рукой.

— Что ты сказала?

— Ничего, — сглотнув, ответила она.

— Но ты не сказала «нет», — напомнил Дрейк.

— Я не сказала «да».

Боскасл усмехнулся.

— Так «да» или «нет»? — Его синие глаза полыхнули страстным огнем. — Или «возможно»?

— Я не буду об этом говорить, — тихо промолвила она.

— Отлично. Когда говорят чувства, слова бессмысленны, — промолвил он со знанием дела.

Элоиза немного опустила руку.

— Этого я не говорила.

— Знаю. — Он украдкой улыбнулся. — Мы ведь уже договорились с тобой о том, что в нынешней ситуации слова не нужны.

Элоиза закрыла глаза. Голова Дрейка склонилась к ее груди, его язык осторожно обвел отвердевший бутон соска.

Элоиза содрогнулась всем телом и невольно приподняла бедра. Этот человек мог сделать с нею все, что пожелает. В его воле из нее веревки вить, потому что он не такой, как те мужчины, которые пытались ее соблазнить.

«Она представляет для меня опасность», — подумалось Дрейку, сердце которого неистово билось в предвкушении удовольствия.

— Скажи мне, когда остановиться, — пробормотал он, а затем провел языком от ямки на ее горле к пупку. — Сейчас? — спросил Боскасл.

Элоиза отрицательно покачала головой. Дрейк блаженно вздохнул.

Его палец медленно скользнул к ее самому сокровенному месту и, потеряв чувствительный бугорок, пополз дальше. Элоиза задрожала. Палец проник в ее теплое нутро.

— Остановиться? — повторил Дрейк, награждая ее безжалостной улыбкой.

— Нет, — отозвалась Элоиза, ритмично задвигая бедрами.

— Ты уверена? — Он лег щекой на шелковистый бугорок, продолжая ласкать ее. — Не уверен, что я слышал твой ответ, Элоиза. — К первому пальцу присоединился второй.

Давление стало чуть сильнее, Элоиза двигалась все быстрее, издавая тихие и прерывистые сладострастные стоны.

— Что такое? — спросил Дрейк.

— Не... — прошептала Элоиза. — Господи, что ты со мной сделал?

Ласки Боскасла становились все настойчивее, его пальцы входили все быстрее и глубже в ее влажное скользкое лоно. Наконец ее тело содрогнулось, сотрясаемое неуправляемыми спазмами.

Открыв глаза, Боскасл посмотрел на Элоизу. Ее соски были по-прежнему напряжены, ноги разведены в стороны. Его плоть безжалостно рвалась наружу, требуя разрядки.

Дрейк глубоко вздохнул, чувствуя, как рвется из груди сердце. Сейчас, уже совсем скоро...

Но не для этого же он пришел сюда. Он ведь понятия не имел, что увидит ее в столь соблазнительном виде. Он всего лишь хотел сказать Элоизе о том, что ему известно, где находится Талия. Хотя нет, это было не всей правдой. Он хотел снова увидеть ее. И понимал, что влекло его к ней не только физическое желание. Им овладело какое-то незнакомое и даже угрожающее чувство. Оно трепетало в его теле, как птица с темными крыльями,

выманивающая его из реальности.

Посмотрев на Элоизу, Дрейк понял, что должен немедленно уйти из этого дома и никогда не возвращаться. Ее тихий голос прервал его размышления.

— Пожалуйста, — прошептала она, вырывая из-под его руки простыню. — Прошу тебя, отвернись, чтобы я могла встать с кровати и одеться.

Она встала и метнулась за ширму. Он наблюдал, как изогнулась при этом ее грациозная спина и белые ягодичы. Какая же она желанная, какая у нее нежная мягкая кожа, как хороши изгибы ее налитой фигуры!

— Ты забыла свои вещи, — напомнил ей Дрейк.

— Как будто это еще имеет какое-то значение, — пробормотала она.

— Хочешь, я помогу тебе одеться?

Элоиза не удостоила его ответом, но уже через мгновение она вышла из-за ширмы в розовом шерстяном халате с двумя рядами перламутровых пуговиц.

— Это было бы неплохо, — отозвалась Элоиза, — признаться, то, что ты делал раньше, мне нравилось больше.

Элоиза расправила плечи. Она еще ни разу в жизни не надевала одежду на голое тело, без нижней сорочки, но сейчас был исключительный случай.

— Так почему же ты здесь? — спросила она.

— Я разыскал Талию, — ответил Дрейк.

— Где же она?

Дрейк встал с кровати, подошел к Элоизе и, нахмурившись, принялся расстегивать пуговицы на ее халате. Элоиза напряглась, но не остановила его. Этот человек, безусловно, талантлив, особенно когда нужно действовать руками.

— Они с Перси провели две последние ночи у его друзей в Челси, — тихо произнес он.

— Две ночи... Вместе... Думаешь, они?..

— ...играли в блошки? — Дрейк опустил на Элоизу глаза, когда она резко повернулась к нему.

Синева его глаз лишила ее дыхания.

— Разумеется, играли.

Элоиза тяжело вздохнула:

— Что ж, это означает, что я не справилась со своими обязанностями. Жених обожает Талию, и не думаю, что он поймет ее поступок. Даже я не понимаю.

— Возможно, еще не все потеряно, — сказал Дрейк. — Когда мужчина любит женщину, он...

Элоиза наградила его взглядом, полным надежды и скептицизма.

— Он — что? — спросила она.

Дрейк покачал головой:

— Не знаю! Видишь ли, мне хотелось сказать что-то важное, утешительное, но, похоже, я не лучший советчик в делах любви.

— Нет? — удивилась Элоиза.

Он вновь покачал головой:

— Да я себя-то не понимаю, так что, будь я на месте жениха Талии, я уж тем более ничего бы не понял. — Боскасл помолчал. — Честно говоря, мне трудно даже представить себе, что кто-то может выразить желание взять ее в жены.

Элоиза не стала признаваться Дрейку, что подобные мысли и ей не раз приходили в

голову.

— Он в самом деле любит ее, — сказала она вместо этого.

Боскасл пожал плечами.

— В таком случае нам остается надеяться лишь на то, что никто не скажет ему о ее приключениях до того, как они сыграют свадьбу, — вымолвил он.

— А что потом? — задумчиво спросила Элоиза.

Дрейк усмехнулся:

— А вот это будет уж их личное семейное дело.

Как же хотелось Элоизе так же легкомысленно относиться к этой истории! Но она сознательно заставила себя притвориться, что осуждает Талию.

— Талия внизу или отправилась напрямик в свою комнату? — спросила она у Дрейка.

После непродолжительной паузы он ответил:

— Вообще-то ее здесь нет.

Элоиза недоуменно заморгала.

— Я не был готов к тому, чтобы силой отвезти ее домой, если она вдруг начнет сопротивляться, — промолвил Боскасл. — По сути, она даже никогда меня не видела. В такую ситуацию должен вмешаться ее брат.

Губы Элоизы сжались в тонкую линию.

— Но поскольку его здесь тоже нет, — процедила она сквозь зубы, — придется мне самой доставить Талию домой. Больше никто не может взять на себя эту ответственность.

Дрейк выпрямился, на его лице мелькнуло беспокойства.

— Нет, ты этого не должна делать, — сказал он решительно. — Они с Перси далеко не в тихом семейном кругу развлекаются.

— Мне это и на мгновение в голову не пришло, — пожала плечами Элоиза. — Но кто-то же должен привезти ее домой. На всякий случай я возьму с собой Фредди.

Дрейк фыркнул.

— А кто защитит самого Фредди, если возникнут какие-то сложности? Да он всего-то стоунов^[1] десять весит. А ты даже к дверям подобного заведения подходить не должна. Этим молодым повесам достаточно одного взгляда на тебя, чтобы...

Она посмотрела Боскаслу в глаза:

— Там устраивают оргии?

Вместо ответа Дрейк произнес:

— Ты туда не поедешь. Я сам привезу Талию домой.

— Но ты, кажется, сказал, что не отвечаешь за нее и что это не твое дело, — заметила Элоиза.

Дрейк почувствовал, что темнокрылая птица вновь зашевелилась в нем. Возможно, если не обращать на нее внимания, она успокоится и больше никогда не станет донимать его.

— Это не означает, что я не намерен помогать тебе, — твердо отрезал он.

Смерив его долгим взглядом, Элоиза улыбнулась.

— Уж и не знаю, как к тебе относиться, — вымолвила она.

Дрейк наклонился, чтобы поднять с пола свой сюртук и плащ.

— Давай ради твоего и моего блага решим, что это у меня всего лишь временный заскок, — проговорил он. — Спроси любого, кто хорошо меня знает. Я абсолютно невыносим.

Когда Дрейк взглянул на Элоизу, он заметил озорной огонек, промелькнувший в ее

глазах.

— Правда? — тихо спросила она.

— С того самого дня, как я появился на свет, — сказал Боскасл.

Дрейк был уже на полпути к передней двери, как вдруг он услышал позади себя тихие шаги. Оглянувшись, он увидел сухопарую фигуру с всклоченной головой, которая, вздрогнув, замерла у основания лестницы, ведущей в подвал.

— Боже мой, Фредди, это всего лишь ты, — сказал Боскасл, натягивая перчатки, которые он оставил на столике в коридоре. — А я думал, что ты тоже ушел в театр.

— Я пришел домой после первого акта, — объяснил лакей. — Не хотелось мне, чтобы мисс Гудвин оставалась дома одна. Во всяком случае, после недавних неприятных событий.

Дрейк улыбнулся. Подобной преданностью нельзя было не восхититься, хотя, судя по виду Фредди, он едва ли смог бы защитить от нежеланных посетителей даже входную дверь.

— Тебе пришла в голову отличная идея, — промолвил Боскасл одобрительно.

— Благодарю вас, милорд. — Фредди и не подумал улыбнуться в ответ, его худое лицо оставалось мрачным. — Вы ей поможете?

— Похоже, мне это удастся, — ответил Дрейк, которого немного удивил этот допрос.

— А вы защитите ее от того мужчины?

Дрейк посмотрел Фредди в глаза:

— Что ты имеешь в виду?

Фредди покачал головой, а затем резко опустил глаза.

— Да нет, милорд, все в порядке, — пробормотал он. — Я же понимаю, что не должен совать нос куда не следует, но я не хотел ничего плохого.

Дрейк удивленно приподнял брови, а Фредди явно пришлось сделать усилие, чтобы отворить переднюю дверь. Сумерки уступили место раннему вечеру. Фонари на проезжавших мимо экипажах походили на какие-то волшебные огни, которые силились разогнать тьму. Когда Дрейк пришел в дом, на углу напротив стоял какой-то тип. Теперь его там не было. Возможно, кредитор. Дрейк еще хотел напомнить Элоизе, чтобы она была начеку. Но похоже, увидев, как она, словно морская нимфа, поднимается нагой из воды, он совершенно утерял способность думать о чем бы то ни было.

Странно, но почему-то его предполагаемая любовница Марибелла Сент-Айвз на него подобным образом не влияла. Почему? Господи, он же обещал поехать с ней по магазинам сегодня днем! Или вчера?

— Смотрю, стервятники собираются на пиршество, Фредди, — заметил он, надевая шляпу из черного шелка с высокой тульей. — Разумеется, я говорю в переносном смысле. Хищники всегда чувствуют неминуемую смерть. Можно не сомневаться, что кредиторы Торнтон будут жестоко биться за свою долю. Хотя едва ли в его доме можно найти много стоящего.

— Его уже обобрали до нитки, — проговорил Фредди.

Почему-то голос юноши прозвучал не совсем уверенно.

— Сегодня вечером больше никому не отворяй дверь, — посоветовал ему Дрейк Боскасл.

— Не отворю, милорд, — послушно кивнул Фредди.

Дрейк вышел на улицу, чувствуя, что Фредди так и не сказал ему того, что хотел сказать. Взглянув на окна третьего этажа, Боскасл улыбнулся: он заметил за шторами женский силуэт. Ну кто бы мог подумать, что столь чувствительная женщина, не имевшая опыта интимного общения с мужчинами, без малейших усилий заставляла его кровь кипеть! Или

что он по доброй воле ввяжется в сомнительное дело по спасению молодой девушки, которая, возможно, вовсе не хотела того, чтобы ее спасали?

С реки дул влажный ветер. Плотнее закутавшись в темные плащи, Дрейк и Девон остановились возле двухэтажного кирпичного здания в григорианском стиле, которое высилось на темном берегу Темзы. За полуприкрытыми ставнями мелькали огни, оттуда то и дело доносился веселый смех.

Девон топнул ногой в сапоге по земле.

— Надеюсь, у нас есть веская причина приехать сюда.

— Мы приехали сюда потому, что мы герои, — отозвался Дрейк. — Два доблестных лорда, которые хотят спасти попавшую в беду девуцу. Даже если девушка вляпалась в неприятности по собственной воле.

Девон наградил его мрачным взглядом.

— Я же сказал «веская причина», а не «сказка на ночь», дьявол тебя побери, — заметил он. — Полагаю, эта девушка нашла приют в твоём сердце или где-то рядом с ним.

— Едва ли это так, — скорчив гримасу, вымолвил Дрейк. — Речь идет о Талии Торнтон.

— Боже мой! — воскликнул Девон. — И я себе задницу морозил из-за этой девчонки?

— Дело не только в этом, — сказал Дрейк. — Видишь ли, я выполняю данное мной обещание.

Если объяснение Дрейка и показалось Девону странноватым, у него хватило ума не подать виду.

— Дать тебе маску?

Дрейк с удивлением опустил глаза на одну из двух черных бархатных масок, которую Девон вложил ему в руку.

— Вспомнил, как разбойничал на дорогах? Или ты носишь их с собой на всякий случай? Как хорошо подготовленный любовник носит с собой заранее написанное по-французски письмо?

Девон усмехнулся:

— Можешь потешаться надо мной сколько угодно, братец, но мужчина никогда не может знать заранее, не пригодится ли ему маска. Между прочим, некоторые леди вовсе не против отдаться где-нибудь в темноте незнакомцу в маске.

Дрейк улыбнулся.

— Мне и в голову не приходило, что в делах секса ты стал таким знатоком, — сухо промолвил он.

— Да как же я мог не стать им, если примером для меня служили вы с Греем!

— Ладно, следуй за мной, — сказал Дрейк, со смехом надевая маску.

Темные полы плаща закручивались вокруг его ног, когда он шел к дому.

На деревянной доске, грубо приколоченной к передней двери, они прочли:

ШКОЛА-ПАНСИОН ДЛЯ ЛЕДИ.

БЕСПЛАТНЫЕ УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО.

ВСЕ ВОПРОСЫ ВНУТРИ.

— Значит, уроки французского? — Девон тихо присвистнул. — Мне это нравится.

Дрейк покачал головой.

— Я поднимусь наверх, а ты осмотришься внизу, — сказал он.

Дрейк открыл дверь, но никто не вышел им навстречу. Никто не остановил его на лестнице, не попытался помешать, когда он быстро оглядывал спальню за спальней в поисках Талии. Дрейк обнаружил ее в последней спальне. Талия дремала, неуютно свернувшись клубочком в кресле в своем помятом бальном платье, а Перси громко храпел в углу.

Увидев мужчину в маске, Талия испуганно приподнялась, ее плечи прижались к спинке кресла.

— Уходите, или я своим криком разбужу весь дом, — пригрозила она.

Дрейк пошевелил Перси мыском своего черного кожаного сапога. Из горла Перси вырвался какой-то неосмысленный звук, его глаза выкатились. Дрейк попятился назад.

— Надень туфли, Талия, — тихим, но твердым тоном проговорил он. — Мы едем домой. А если ты хотела кричать, то это надо было делать днем-другим раньше.

Талия выпрямилась, прижимая руки к горлу, в ее глазах засветилась надежда.

— Лорд Дрейк? — прошептала она, узнавая его. — Это ведь вы, не так ли?

— Да. — Дрейк отыскал одну туфельку Талии на полу, а вторую она выудила из-под подушек.

Дрейк с отвращением оглядел бледное, отекавшее лицо Перси.

— Боже мой, какое убожество! Оно все еще живо.

Талия расправила платье.

— Едва ли, — с презрением проговорила она.

— Хочешь, чтобы я выбросил его в окно? Думаю, этим поступком я совершил бы благодеяние для человечества.

С трудом сглотнув, Талия подняла взор на скрытое за маской лицо Дрейка.

— Я не хочу, чтобы из-за меня вы навлекли на себя неприятности, — сказала она. — Я... я бы хотела скорее попасть домой. Пожалуйста.

Боскасл оглядел ее смятое платье, спутанные темные волосы; не укрылись от его внимания и следы слез на лице Талии. Их глаза встретились, и она поежилась. Дрейк, нахмурившись, подобрал с пола ее тонкую шаль и набросил ее Талии на плечи.

— Если кто и попал в беду, то, судя по всему, это ты, — заметил он.

— Что ж, ругайте меня, я этого заслуживаю, — в отчаянии проговорила Талия.

Боскасл вздохнул.

— Я тебе не судья, — вымолвил он. — Пойдем. Мне нужно найти брата, пока он сам не влип в неприятности.

Дрейк был близок к истине. Младшего брата он обнаружил в библиотеке. На коленях у Девона уютно устроилась молоденькая рыжеволосая распутница.

— Снова изучаешь классику, Девон? — откашлявшись, спросил застывший в дверях Дрейк.

Виновато улыбаясь, Девон поднял голову и спустил свою новую пассию на пол.

— Мы обсуждали нашу пропавшую подругу, — сказал он. — Алиса считает, что она наверху, с Перси.

— Она стоит у меня за спиной, — сухо проговорил Дрейк.

Встав с кресла, Девон послал своей рыжеволосой подруге воздушный поцелуй.

— Рад был с тобой познакомиться, — сказал он. — Надеюсь, в ближайшее время у нас будет возможность узнать друг друга получше.

Едва Элоиза заварила себе чашку крепкого мятного чая и направилась с нею в гостиную, как туда ворвался Фредди и взволнованно сообщил, что заблудшую овечку привезли домой.

Элоиза рывком встала со стула. Она опасалась, что не сможет сдержать свой гнев и накричит на Талию, даже если критиковать беглянку не ее дело. До чего нелепо эта девушка принесла себя в жертву мужчине, который хотел получить от нее лишь сиюминутное удовольствие!

И все же Элоиза отчасти могла понять Талию. Едва увидев стоявшего в дверях Дрейка Боскасла, она тут же подумала о том, с какой легкостью мужчина может толкнуть девушку на опасную дорожку.

Сердце Элоизы радостно забилося, по всему телу пробежала приятная истома. Бросив взгляд на его закутанную в плащ фигуру, Элоиза вспомнила свои любимые детские сказки, в которых рыцари в сверкающих доспехах спасали прекрасных светловолосых леди. Однако когда лорд Дрейк повернулся к ней лицом, она подумала о том, что в нем в отличие от сказочных героев тьмы было больше, чем света.

Боялась ли она тьмы? Или ее, напротив, влекло к ней? Возможно, это не так уж важно. Элоизе было отлично известно, что проще вычерпать Темзу чайной ложкой, чем изменить в глазах людей репутацию такого человека, как Дрейк Боскасл.

Талия бросилась к лестнице, шепнув Элоизе на ходу:

— Я знаю, что мой поступок непростителен, знаю, что вы меня не поймете. Но прошу вас, не испытывайте ко мне ненависти.

Элоиза молча наблюдала за тем, как Талия убежала в свою комнату. Лишь после этого она заметила молодого человека, стоявшего рядом с Дрейком.

— Могу я предложить вам выпить что-нибудь? — спросила она.

Элоиза чувствовала себя очень неловко. Она понимала, что никогда не сможет отблагодарить Дрейка за то, что он для нее сделал.

Стоявший за Дрейком молодой человек с трудом сдержал зевок.

— Для кофе, пожалуй, слишком рано, — сказал он. — Или слишком поздно. Думаю, лучше всего выпить бренди. Кстати, меня зовут Девон Боскасл, я брат Дрейка...

— Элоиза!.. — раздался сверху капризный голос Талии. — Я думала, вы подниметесь ко мне в комнату. Мне нужно поговорить с вами.

Элоиза с улыбкой развела руками.

— Фредди, — сказала она, — принеси джентльменам бренди. — Повернувшись, она через плечо сказала Девону: — Рада была познакомиться с вами, милорд, хотя, признаюсь, мне хотелось бы, чтобы знакомство состоялось при более благоприятных обстоятельствах.

Девон наградил ее улыбкой, которая существенно добавила весу молве о семейном очаровании Боскаслов.

— Я верю в то, — проговорил Девон, не обращая внимания на хмурый взор, который бросил на него Дрейк, — что у меня еще будет возможность встретиться с вами при более благоприятных обстоятельствах.

Лорд Торнтон не вернулся домой, но от него наконец пришло письмо, в котором он смутно объяснял, что сейчас занимается своими счетами и подыскивает новое жилище.

Элоиза вздохнула с облегчением, узнав, что лорд Торнтон не покончил с собой из-за долгов. Однако ей стало весьма не по себе, когда в письме она прочла обещание разобраться со счетами. Она заподозрила, что деньги он зарабатывает, играя в азартные игры, и если они будут повсюду ездить за ним, дело кончится тем, что все попросту обнищают. Впрочем, о самом лорде Торнтоне можно было теперь не беспокоиться. Больше всего Элоиза заботилась о том, чтобы сестра лорда вовремя произнесла брачные клятвы. Талия и Элоиза заключили негласное соглашение о том, что о бегстве Талии они говорить не будут. Никогда.

К счастью, сэр Томас намеревался жить за городом, и можно было надеяться на то, что он не узнает о бегстве его невесты, предпринятом накануне свадьбы.

Днем Элоиза выпила в саду чаю и стала кормить воробьев крошками от своего утреннего тоста. Она наслаждалась покоем, зная, что едва Талия проснется, как начнется суэта. До свадьбы нужно было позаботиться о сотнях мелочей. Поскольку лорда Торнтон не было, леди Хитон любезно предложила помощь своего сына, который должен был решить все проблемы с домом, вернувшись из Амстердама.

Но пока об этом можно было забыть, пусть и на мгновение. Закрыв глаза, Элоиза наслаждалась скупым лондонским солнцем. Если все пойдет хорошо, уже в конце месяца она будет работать на леди Лайонс. Она спрашивала себя, замолвит ли лорд Дрейк за нее словечко и удастся ли ей справиться с собой, если она окажется в одной компании с ним и его сестрой. Возможно, подобные развлечения для него и были делом обычным, но только не для нее. Возможно, будет лучше, если они оба притворятся, что никогда прежде не видели друг друга.

— Вот вы где, Элоиза, — раздался от садовых ворот грубый мужской голос.

Элоиза с сожалением открыла глаза. На посыпанной гравием дорожке она увидела грузного мужчину в военной форме. Воробьи испуганно разлетелись. Больше всего Элоизе хотелось присоединиться к ним. Ее уединение нарушил ближайший сосед лорда Торнтон, частый гость в доме, майор Джон Дагдейл, отставной пехотный офицер.

Хорошо, хоть это не Ральф и не тот помощник портного, который требовал оплатить свои счета. Правда, майор Дагдейл любил шумно хвалиться собой, но он не занимался шантажом и не предавал женщин.

«Но все же он не Дрейк Боскасл», — прошептал ей на ухо тихий, но разочарованный внутренний голос.

Нет, майор был занудой средних лет, у которого ни для кого никогда не находилось доброго слова.

Элоиза посмотрела на него, улыбнувшись. До чего ей не хотелось оставлять свои тайные раздумья о лорде Дрейке незавершенными!

— Как дела у вас сегодня, майор? Дагдейл нахмурился.

— Я тревожусь о вас, Элоиза, — заявил он. — Мне известно, что лорд Торнтон исчез, оставив вас и свою сестру без защиты.

Элоиза промолчала. Не следовало ей ругать своего нанимателя, хоть он и показал себя самовлюбленным и тупым мерзавцем.

— Мы справимся, сэр, — спустя несколько мгновений промолвила она.

— Правда? — Элоиза даже подскочила, когда майор постучал своей тростью по лавочке, на которой она сидела. — Я заметил мужчину, который приходит в ваш дом и уходит из него в неподобающее время.

Элоиза отвела глаза. Он имеет в виду Ральфа? Во рту у нее пересохло, и она нервно сглотнула. Неужели Ральф так и ходит вокруг дома с тех пор, как она приказала ему убираться восвояси?

— Это был Боскасл, — добавил Дагдейл таким мрачным тоном, каким люди обычно открещиваются от сатаны.

Элоиза подняла на него взгляд.

— Неужели кто-то из Боскаслов обидел вас? — спросила она.

— А солнце этим утром встало? — ответил невпопад, как показалось Элоизе, майор.

— Прошу прощения?

— Элоиза, дорогая, — менторским тоном заговорил майор. — Учитывая, что вы находитесь в уязвимом положении, я считаю своим долгом предупредить вас и сказать, что от таких людей, как Боскаслы, следует держаться подальше.

— А что это за семья? — спросила Элоиза, надеясь, что голос не выдает ее любопытства.

— Они склонны к чрезмерным проявлениям страсти, — подумав, ответил майор Дагдейл. — Эта семья вечно впутывается в скандалы. Практически месяца не проходит, чтобы кто-то из них не оказался замешанным в какой-нибудь неприятной истории. Дуэли, грешные аферы — вот что характеризует Боскаслов.

Элоиза вперила взор в садовую стену, силясь сдержать улыбку.

— Не стоит верить сплетням, — заметила она.

На лице майора появилось сомнение.

— Чувствую, что в вас произошли недобрые перемены, Элоиза, — сказал он. — Не такой реакции на мои слова ожидал я от женщины, имеющей такую незапятнанную репутацию, как у вас.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — промолвила Элоиза.

— Надеюсь, Боскасл не соблазнил вас?

— На что?

— Не знаю, — ответил майор.

— Тогда с чего вы взяли, что я должна защищаться? — Элоиза встала со скамьи. — Я ценю вашу заботу, но, думаю... — Она удивленно вскрикнула, когда майор положил руки ей на плечи.

Его трость упала на землю.

— Да что с вами, майор? Скажите мне, ради Бога!

— Как друг и сосед я считаю себя обязанным защитить вас...

Дагдейл не договорил: у него за спиной по усыпанной гравием дорожке зашуршали чьи-то шаги. Майор быстро убрал руки с плеч Элоизы и с виноватым видом оглянулся. Элоиза отступила вбок, чтобы увидеть, кто же спас ее от неприятного разговора.

— Защитить ее — от кого? — с холодной улыбкой спросил Дрейк Боскасл, приближаясь к ним по садовой дорожке.

Боскасл бросил на майора полный отвращения взгляд. Защитить ее, конечно! Да старый негодяй наверняка годами ждал удобного случая. Бегство Торнтоня открыло двери его дома

для хищников всех видов.

«Иначе зачем он сюда пожаловал?» — цинично спросил себя Дрейк.

Дрейк наконец прошел всю дорожку. Он намеренно игнорировал майора и сосредоточил свое внимание на Элоизе.

— Элоиза, мне нужно поговорить с вами. — Дрейк вопросительно посмотрел на ее собеседника.

— Я майор Джон Дагдейл.

— А я Дрейк Боскасл.

Майор нахмурился, отчего его брови сошлись на переносице.

— А теперь, — промолвил Дрейк, — я попросил бы вас оставить меня с мисс Гудвин наедине. Полагаю, вы не возражаете?

Не успел майор Дагдейл открыть рот, чтобы выразить свой протест, как Дрейк с силой хлопнул его по плечу и подтолкнул в сторону калитки.

— Мне было очень приятно познакомиться с вами, — сказал он, — но мне еще приятнее видеть, как вы отсюда уходите. И держитесь от нее подальше, понятно вам?

Физиономия майора покраснела, как вареный рак.

— Я сам найду ей подходящего защитника.

Закрыв за Дагдейлом ворота, Дрейк увидел, что Элоиза стоит там же, где прежде, а на ее лице застыло недоуменное выражение. Впрочем, в этом своем бледно-сиреневом платье она выглядела вполне довольной, а пухлые губы едва сдерживали улыбку. Дрейк улыбнулся ей в ответ, пытаясь отвлечься от внезапно вспыхнувшего желания. Оно едва не сбивало его с ног. Неудивительно, что старый ловелас прикасался к ней. При виде Элоизы взыграли все мужские инстинкты Боскасла. Подчинить. Соблазнить. Защитить.

Дрейк Боскасл отлично понимал, что его желание граничит с навязчивой идеей и что даже при одной мысли об этом ему следует бежать от Элоизы куда подальше. Но уж такова была его натура, что он имел обыкновение попадать в самые немыслимые ситуации. Случаи навязчивых идей в прошлом, к счастью, были редки и происходили не часто. Больше того, он совершенно не сожалел о них, обнаружив, что чем больше риск, тем острее наслаждение.

Элоиза облизнула губы.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Да, — кивнул он. — Или нет. В общем, все зависит от тебя.

Именно в это мгновение Дрейк понял, что его нынешняя навязчивая идея не походит на предыдущие. Возможно, дело куда серьезнее, чем он предполагал. И от того, что он бросал вызов ситуации, она становилась лишь более соблазнительной.

Дрейк указал на каменную скамью.

— Почему бы нам не присесть тут вместе? — предложил он.

И, взяв Элоизу за руки, он привлек ее к себе. Кожа у нее была цвета сливок — там, где она была открыта, а под обшитым кружевами сиреневым лифом, где между грудей пробегала соблазнительная ложбинка, кожа была еще светлее. Дрейк с удовольствием рассматривал ее.

Элоиза откашлялась, в ее ореховых глазах засверкали искорки смеха.

— Ты хочешь что-то сказать мне? — спросила она.

— Да.

Наступила долгая пауза. Элоиза терпеливо ждала, но потом, не выдержав, поторопила Дрейка:

— Так о чем же речь?

Проблема заключалась в том, что Дрейк не планировал говорить того, что хотел сейчас сказать. Он даже не знал, что увидит сегодня Элоизу, но несколько минут назад с удивлением обнаружил, что стоит у ее дома, когда должен быть с Девонем на приеме.

А потом Боскасл вспомнил о том, как хороша была Элоиза, когда, не зная о его присутствии, она поднялась из ванны, а на ее коже сверкали капельки воды. Зрелище было восхитительное, но Дрейку хотелось большего. Он хотел лизать ее нежные розовые соски, хотел развести ее бедра и зарыться лицом в ее шелковое лоно. Ему, в конце концов, хотелось вновь ощутить ту легкость, какую он обретал только в обществе Элоизы.

Именно таким образом Дрейк и оказался рядом с нею.

— Ты когда-нибудь задумывалась о своем будущем? — внезапно спросил он, поднимая на нее глаза.

— Да, — кивнула Элоиза. — Я бы хотела устроиться на работу в академию леди Лайонс, здесь, в Лондоне.

Дрейк едва не прыснул от смеха.

— У Эммы? — переспросил он. — Ты собираешься служить нашему изящному диктатору? Моей сестрице с каменным сердцем?

— Она была весьма мила и любезна, когда я приходила к ней, — заметила Элоиза.

— Это возможно, не спорю, ведь тебе не пришлось выслушивать ее часовую лекцию на темы морали. Эта женщина ведет себя как римский сенатор. — Дрейк помолчал. — И неужели ты действительно всю жизнь хочешь работать на кого-то, Элоиза?

Она криво улыбнулась:

— Ну конечно, хочу. Я получаю удовольствие, когда люди отдают мне приказания и унижают меня. Да и может ли такое кому-нибудь не понравиться?

Тут уж Боскасл расхохотался.

— Знаешь, тебе не нужно работать, — сказал он. — Как ни странно, но старый негодяй был прав. Женщина в твоём положении нуждается в защитнике, в человеке, который бы скрасил ее одиночество.

Наступила тишина, нарушаемая лишь чириканьем воробьев, порхающих с ветки на ветку, да отдаленным шумом экипажей и повозок на улице. Дрейк спрашивал себя, поняла ли Элоиза, что означали его слова, или их смысл был понятен лишь ему одному.

После первой же встречи с этой женщиной на балу Боскасл почувствовал, что в его душе что-то перевернулось. Друзья решили бы, что он спятил, отказавшись от Марибеллы. Правда, его друзья не знакомы с Элоизой. И он не рвался знакомить ее с ними. Эту женщину он хотел бы оставить для себя одного, и мысль о том, чтобы выставить ее на обозрение всему миру, как-то его не радовала.

Элоиза тяжело вздохнула.

— Предлагаешь ли ты именно то, что мне показалось? — тихо спросила она.

— Думаю, да. Я хочу, чтобы ты стала моей любовницей.

Элоиза сжала губы, она казалась слегка взволнованной.

— Я так и подумала, что ты это имеешь в виду, — сказала она.

Вновь наступило долгое молчание. Боскасл ожидал, что его предложение больше удивит ее. Впрочем, отсутствие у Элоизы сексуального опыта вовсе не означало, что она так уж наивна во всех отношениях. Дрейк сомневался в том, что он первый, кто делает ей предложение стать содержанкой. Заинтересовало ли оно ее? Что-то Элоиза не подскочила от радости.

И все же Дрейк видел, как запульсировала нежная жилка на ее шее, и он решил, что ее волнение вызвано его словами. Он также знал, что нравится Элоизе, поэтому нужно было всего лишь уговорить ее. Хотя методы, к которым Боскасл обычно прибегал для обольщения других женщин, для Элоизы не подойдут — здесь было нужно что-то другое.

— Элоиза! — Дрейк наклонил к ней голову.

Элоиза опустила глаза, но он видел, что она прикусила губу.

— О чем ты думаешь? — с дразнящей улыбкой спросил Боскасл. — Намекни. Ты впервые слышишь от мужчины подобное предложение?

Элоиза подняла на него глаза — ясные, сияющие. Она ничего не сказала в ответ. В этом не было необходимости. Дрейк и так видел правду.

— Не думаю, что впервые, — промолвил Боскасл с сухим смешком. — Предыдущие предложения ты отвергала, а к моему относишься как к сделке с дьяволом.

Элоиза усмехнулась.

— А если я откажусь, ты не будешь уговаривать? — спросила она.

— Конечно, буду.

— Так я и думала.

Ощувив исходящее от ее тела тепло, Дрейк едва сдерживался, чтобы не заключить Элоизу в свои объятия. Она была слабой и сильной одновременно — удивительное, манящее сочетание.

— В таком случае ты не удивишься, узнав, что я сочту это вызовом для себя и приложу все усилия, чтобы уговорить тебя, — заявил Дрейк.

Ее губы приоткрылись.

— Выходит, у меня не остается шанса?

— Ни единого, — пробормотал Дрейк, взяв Элоизу за плечи своими сильными руками.

Ее голова откинулась назад. Губы Боскасла накрыли ее рот, и он привлек Элоизу еще ближе. Он не будет больше сдерживать свои желания. Она нужна ему как никто другой, он нуждается в ее близости, а его поцелуи, знал Дрейк, весьма убедительны.

— Ты считаешь, что я слишком легкомысленно сделал тебе это предложение? — спросил он.

Дрейк почувствовал, как Элоиза поежилась, и кровь закипела у него в жилах.

— Разве имеет значение, что я думаю? — прошептала она.

— Только скажи мне, что ты согласна. — Боскасл принялся осыпать мелкими поцелуями ее шею, а затем спустился ниже, к манящей ложбинке между грудей.

Не важно, что она говорила ему или пыталась сказать себе, — ее тело дало Дрейку ответ на все вопросы. Боскасл знал, что у него за репутация. Знал, что любая женщина, ценящая собственную добродетель, скорее продаст душу дьяволу, чем ему.

Но в душе он молил Элоизу:

«Забудь о добродетели, думай обо мне. Желай меня так же, как я желаю тебя. Доверься мне, даже если я не заслуживаю твоего доверия».

— Пожалуйста, Элоиза, — прошептал Дрейк. — Не отказывай мне, не подумав над моим предложением.

Элоизе казалось, что она слышит не его голос, а лишь приятный отзвук голоса, эхо, доносящееся откуда-то издалека. Истома овладела ею, она почувствовала слабость во всем теле и опустила веки. Ей так не хотелось открывать глаза, потому что волшебному мгновению придет конец, как только она это сделает. И все же она должна. Дрейк не может

говорить это серьезно. Так что и ей ни к чему серьезно раздумывать над его словами, хотя искушение согласиться было очень велико, и оно преобразилось в крохотные пульсирующие и доставлявшие ей громадное удовольствие молнии, которые рвались наружу из самых глубин ее тела.

Можно не сомневаться: лорд Дрейк Боскасл видывал леди, которые мало того что принимали от него подобные предложения, так еще и считали их большой привилегией. Элоиза молча открыла глаза и с изумлением посмотрела на Дрейка. Как ни странно, очертания его лица в дневном свете показались ей затемненными. А желание, пылавшее в его взоре, придавало Дрейку почти грозный вид.

Элоиза почувствовала себя русалкой, которую волна выбросила на незнакомый берег. Она шокирована, она не в состоянии дышать, двигаться, вернуться в теплое и безопасное убежище собственного привычного мира.

Глаза Дрейка засияли от удовольствия.

— Я буду ценить каждую минуту того времени, пока я уговариваю тебя, — сказал он.

Элоиза попыталась привести мысли в порядок.

— Было бы лучше, — проговорила она немного неуверенно, — если бы ты практиковался в своих уговорах в более интимной обета...

— Не двигайся, — перебил Элоизу Боскасл.

Его голос внезапно так изменился, что по ее телу от страха пробежал холодок. Дрейк смотрел куда-то мимо нее, в заросли плюща.

— За нами подсматривают, — добавил он.

— Кто? — задрожав, спросила Элоиза.

Лицо Дрейка изменилось, теперь на нем застыло безжалостное выражение.

— Я непременно выясню это, — мрачно пообещал Боскасл.

Дрейк вскочил со скамьи и бросился бежать так неожиданно, что Элоиза поначалу даже не поняла, за кем он гонится. Она даже представить себе не могла, кто или что прячется в этом отдаленном уголке сада... И вдруг ее охватил ужас — Ральф!..

Могли он вернуться, чтобы снова потребовать у нее денег? Она вскочила со скамьи. Необходимо остановить его, не допустить встречи Ральфа с Дрейком. Невероятно унижительно будет объяснять Боскаслу, как ее предали и как она пыталась отомстить Ральфу Хокинсу.

Закутанный в темный плащ человек, который, должно быть, прятался в зелени, сидя на корточках, сейчас стремглав неся к воротам. Дрейк с легкостью мог бы догнать его, если бы не тачка, которую беглец в последний момент подтолкнул ему под ноги, и если бы не Элоиза, исступленно закричавшая:

— Подожди! Пусть убегает! Он может...

Дрейк остановился как вкопанный и обратил на Элоизу яростный взор. Остановился и незваный гость.

Элоизе удалось разглядеть его лицо. Она ошиблась. Это был не Ральф. Элоиза испытала невероятное облегчение. Этого мужчину она не видела никогда в жизни — высокий, длинноногий, с неожиданно приветливым лицом и такими широкими, мощными плечами, что он, пожалуй, одолел бы и быка. Рот у Элоизы невольно открылся. Она поняла, что Дрейк ждет объяснения.

— ...может причинить тебе вред, — неуверенно договорила Элоиза.

Шпион усмехнулся, а затем исчез за садовыми воротами, двигаясь с удивительной для его внушительной фигуры грацией.

— Боже мой! — пробормотал Дрейк, пускаясь за ним вдогонку.

Элоиза побежала следом, лишь на мгновение задержавшись, чтобы посмотреть на неожиданно распахнувшуюся кухонную дверь. Вся прислуга лорда Торнтон гуськом вышла на дорожку. Следом за слугами шествовала Талия, все еще облаченная в халат.

Первым к Элоизе приблизился Фредди, воинственно размахивающий шваброй, как саблей.

— Кредиторы, мисс Гудвин? — спросил он. — Но нас ведь еще не гонят из дома, не так ли?

Элоиза выхватила швабру у него из рук. Аренду на дом действительно надо было продлевать, только она не знала, когда именно.

— Не знаю я, кто это был, Фредди, — сказала она.

Не знала Элоиза и того, что Дрейк сделает со шпионом, если поймает его.

— Лорд Дрейк погнался за ним.

— Может, мне побежать следом и помочь? — предложил Фредди, с готовностью закатывая рукава, заляпанные сажей, как успела заметить Элоиза.

— Да! Да! — Она сунула Фредди в руки швабру.

— Как хорошо, что он был с вами, — невозмутимо заметил Фредди. — Рядом всегда должен быть человек, который сумеет защитить вас.

Повернувшись к остальным слугам, беспомощно стоявшим на дорожке, Элоиза невольно подумала о том, как могла бы измениться их жизнь, если бы она приняла

предложение лорда Боскасла стать его любовницей. Они бы перестали опасаться того, что их выкинут на улицу.

Сама она могла бы попросить Дрейка купить ей хорошую карету. Ей не пришлось бы думать о кредиторах, грозящих вытащить из-под нее последний стул в уплату долгов лорда Торнтона. Вместо того, чтобы прятаться от судебных приставов за шторами, она смогла бы держать собственную прислугу и устраивать вечера, как и подобает любовнице знатного господина. Какой соблазн! Правда, тогда она потеряет возможность быть хозяйкой самой себе.

А если все будет по-прежнему, ей придется много работать в академии, учить испорченных молодых леди, как избегать опасностей, подстерегающих их на каждом шагу в высшем свете.

И все же она останется хозяйкой собственной судьбы. Сохранив с трудом обретенное достоинство, она докажет и себе, и забывшей о ней семье, что она не та опозоренная молодая женщина, которую они выбросили в неприветливый мир. И ей не придется больше переживать о том, что думают о ней близкие! И боль, вызванная их отношением к ней, утихнет.

— Эло-и-и-за-а! — раздался из окна крик Талии, у которой даже щеки раздулись от раздражения. — Что это вы делаете на улице? Вы нужны мне немедленно! Вы что, совсем обо мне забыли?

Элоиза вздохнула, покачала головой и в последний раз оглядела улицу в поисках мужчины, который сделал ей просто неприличное предложение.

Которое было таким заманчивым.

Почти целый час преследовал Дрейк шпиона, прежде чем признался себе, что тому удалось ускользнуть от него, скрывшись в лабиринте лондонских улиц, улочек и переулков, которые открывали путь к бегству для всевозможных жуликов и воришек.

Дрейк сумел бы успокоиться, если бы обрел уверенность в том, что за ними подглядывал один из кредиторов лорда Торнтона, который явился в его дом, чтобы восполнить свои потери. Хотя Боскаслу мало верилось в то, что кредитор будет прятаться, согнувшись в три погибели, в зарослях плюща, чтобы посмотреть на то, как он обнимается с Элоизой.

К тому же было что-то знакомое в этой необычно крупной фигуре человека, который сейчас улепетывал от него. Дрейк точно когда-то видел его и знал, но только не мог сейчас вспомнить. Или они никогда не встречались? Он точно не успокоится, пока не вспомнит, кто же шпионил в саду.

Замедлив бег, Дрейк остановился на тротуаре. Он был так увлечен погоней, что даже не понял, что обежал вокруг Беркли-сквер и оказался возле Брутон-стрит. Слева от него высился дом Одри Уотсон.

— Что за дьявольщина! — пробормотал Дрейк.

Почему так выходит, что он вечно оказывается около этого дома?

Дрейк поморщился, вспомнив про Марибеллу Сент-Айвз. Ей ведь придется объяснять почему это он вдруг так неожиданно прервал их отношения. Оставалось надеяться на то, что Марибелла поймет его и простит.

Боскасл нахмурился. Едва ли такое случится. Скорее всего Марибелла будет в ярости, и обвинять ее в этом нельзя. Правда, она, конечно, не из тех женщин, которые подолгу плачут и рвут на себе волосы. Но все дело в том, что в их отношениях был заинтересован он сам, а

Дрейк никогда не относился к тем людям, которые любят притворяться. Прямолинейная честность Боскасла никогда особенно не нравилась его друзьям. Даже семья была от нее не в восторге, если уж на то пошло.

Господи, его семья! Это никогда не кончится. Вот, кстати, и один из его родственничков.

Отведя взор от дома Одри, Дрейк увидел своего младшего брата Девона. Тот пятился назад по тротуару, отчаянно флиртуя с девушкой, которая ехала в парном двухколесном экипаже. Девон был так увлечен своим занятием, что не заметил Дрейка, пока не наткнулся на него.

— Ох, прошу прощения... — Девон развернулся, на его губах заиграла обычная обезоруживающая улыбка. — Дрейк, как это замечательно налететь на тебя около борделя! Ты уходишь или только что пришел?

Дрейк смотрел в сторону, за спину брата.

— Я ищу одного человека, — сказал он.

— У Одри? — удивился Девон. — Для чего ищешь? — спросил он, подумав мгновение. — Или это один из тех секретов, о которых я ничего не должен знать?

— Этот человек следил за мной и мисс Гудвин в саду ее дома несколько минут назад, — коротко объяснил Дрейк.

Он не собирался давать Девону подробное объяснение происшедшего.

Но ему вдруг пришло в голову, что беглец мог каким-то образом проникнуть в заведение Одри Уотсон. Это маловероятно, но возможно, так что стоит проверить эту версию.

Девон пошел следом за братом, который решительно взялся за тяжелый медный дверной молоток.

— А что мы будем делать, если найдем его там? — поинтересовался Девон.

— Пригласим на чашку чая, — язвительно ответил Дрейк. — О чем ты думаешь, Девон?

— О том, что ты, дьявол побери, настоящий нахал, у которого все зависит от настроения, — усмехнулся младший Боскасл.

— А я никогда и не строил из себя невинную робкую овечку, — бросил Дрейк в ответ.

Дверь распахнулась. Импозантный дворецкий Одри, который одно время служил у принца-регента в Брайтоне, покуда она не похитила его оттуда, довольно долго с важным видом молча смотрел на братьев, пока не узнал их. Дрейку было известно, что этот человек под своей длинной черной ливреей носит пару кремневых пистолетов, хотя снаружи разглядеть это было невозможно.

— Добрый день, господа, — говоря немного гнусаво, ответил дворецкий, приподнимая изогнутые аркой брови. — Прошу вас, входите. Хозяйки нет дома. Могу я лично побеспокоиться о вас?

— Я разыскиваю одного мужчину, — без обиняков сообщил Дрейк.

Взор дворецкого вспорхнул к потолку.

— Мужчину, милорд? — переспросил он.

— Именно это я вам сказал, — сухо подтвердил Дрейк.

— В таком случае вам, вероятно, следует заглянуть в заведение миссис Рутерфорд на Стрэнде, — заявил дворецкий.

— Я ищу его не для того, чтобы с ним развлекаться, — раздраженно проговорил Дрейк. — Я хочу его убить. Он оскорбил меня в одном деле конфиденциального характера.

— И вы полагаете, что этот человек может быть в нашем заведении? — Кончик носа

дворецкого слегка задержался от негодования. — Опишите этого недостойного типа, милорд.

— Я видел его всего лишь мельком, — сказал Дрейк. — Высокий. Отличного телосложения. Щекастый, с физиономией обезьяны.

— С физиономией обезьяны, — нахмурившись, повторил дворецкий. — Пожалуй, я могу назвать несколько человек, подходящих под это описание.

— Но входил ли сюда кто-либо из них за последний час? — спросил Дрейк.

— Кстати, он мог войти и с заднего входа, — промолвил у него из-за спины Девон.

— Оттуда же он мог и выйти, пока мы тут стоим и болтаем, как школьницы, — сердито проговорил Дрейк. — Пойдем в комнаты.

— Не можем же мы стучать в двери, когда люди там невесть чем занимаются, — попытался остановить Дрейка Девон.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул старший брат. — Стучать мы не будем.

— Ты хоть не забывай наклоняться, чтобы не попасть под удары предметов, которыми в тебя начнут швыряться, — посоветовал Девон.

Дрейк мрачно усмехнулся. Что бы он делал без этого умного негодяя?!

— Если повезет, единственными снарядами, которые окажутся у них под рукой, будут подушки, — промолвил он.

* * *

— Никому не дано одурачить Марибеллу Сент-Айвз! — Град смятых подушечек разлетелся по комнате, как метеоритный дождь. — Неужели ты хочешь сказать мне, что меня обошла какая-то там компаньонка?

Сунув руки в карманы, Альберт мрачно выглянул в окно на улицу. Он точно сумел оторваться от Боскасла, но, Господи, что это была за погоня! Ему никогда в жизни не приходилось так быстро бегать! Альберт невольно поежился.

— Да он явно был готов убить меня!

— Это я убью его! — заявила Марибелла, в серых глазах которой засверкали молнии. — Интересно, что это за игру он затеял?

— Успокойтесь, мадам! — взмолилась возившаяся на полу горничная. — Вы же расплескали розовую воду по всему ковру. Если хотите быть красивой, вам не следует постоянно приплясывать, как скаковая лошадь.

Марибелла изящно приподняла красивую ножку вверх и спросила:

— А как имя этой компаньонки?

— Будь я проклят, если мне это известно, — отозвался Альберт, расправляя плечи. — Дом арендован лордом Хорасом Торнтоном. Лорд живет там со своей сестрой, но, похоже, недавно он ускользнул оттуда, скрываясь от кредиторов.

— Никогда не слышала ни о ком из них. — Марибелла, нахмурившись, опустила глаза на горничную: — Ты уверена, что лорд Дрейк не заходил, пока я спала?

— Да, совершенно уверена, мисс Сент-Айвз, — по крайней мере в десятый раз за день ответила горничная. — Но он прислал записку с извинениями, в которой написал, что у него неотложные дела.

— Неотложные! — возмущенно повторила Марибелла. — Какое чудовищное оскорбление! Обманывать меня с какой-то домоседкой, пока я тут сижу... в одиночестве...

Альберт, помрачнев, посмотрел на нее.

— Кстати, внизу вас ожидают граф и еще два титулованных джентльмена, — сказал он. — Все жаждут увидеть вас.

— Граф Чезли? — спросила Марибелла, лицо которой тут же просияло. — Он принес мне подарки?

— Сами у него спросите. Я же телохранитель, — пробормотал Альберт. — Боскасл меня убьет, если еще хоть раз увидит.

— Я же сказала тебе, что не допущу того, чтобы он тебя увидел, — промолвила Марибелла, взяв в руки парижский журнал мод.

— Я, между прочим, отлично спрятался, — проговорил Альберт. — Но у него, клянусь, инстинкты, как у волка.

— Мне тоже так кажется, — кисло вымолвила Марибелла.

На ее красных губах медленно расплзлась улыбка.

— Компаньонка знатной леди... Интересно, это та самая женщина, которую он ждал в экипаже в тот вечер, когда мы встретились? Дьявол! Я ведь сразу поняла, что мы друг другу не подойдем.

— Да он хуже дьявола, — сказал Альберт, пригибаясь, чтобы в него не попал брошенный Марибеллой журнал. — Я едва не сбил с ног двух пожилых женщин, убегая от него, и чуть не лишился мужского достоинства, перелезая через железный забор, дьявол побери!

Впрочем, все это Марибеллу ничуть не взволновало.

— Ты помнишь, где живет эта женщина? — спросила она холодно.

— Разумеется, помню, — проворчал Альберт. — Но я туда больше не пойду.

— Нет. — Марибелла снова погрузила ступни в таз с ароматной водой. — Я могла бы сама пойти к ней.

Спустя два часа, когда Элоиза пила чай с внушительным куском миндального бисквита в компании Хестона и миссис Барнс, посыльный принес ей записку от лорда Боскасла. Он написал ей, что шпиона так и не удалось поймать, но попросил, чтобы она сама и вся прислуга в доме были начеку — негодяй мог появиться там снова. Элоиза испытала огромное облегчение, узнав, что Дрейк не пострадал в этой бешеной гонке. Но кто же следил за ними? Хорошо, что не Ральф Хокинс. Но исчез ли ее бывший жених окончательно?

— Боже мой! — воскликнула миссис Барнс, положив на блюдце чайную ложечку. — Наконец-то у нас появился добрый друг. Защитник. Покровитель, — многозначительно добавила она.

Потом миссис Барнс с невинным видом посмотрела на Элоизу, которая продолжала есть миндальный бисквит, делая вид, что не понимает, на что намекает миссис Барнс.

Сердцем Элоиза хотела принять предложение Боскасла. Однако разум подсказывал ей, что, изменив своим принципам, она получит одни неприятности. Элоиза надеялась на то, что в один прекрасный день выйдет замуж, но хватит ли у нее сил отпустить от себя Дрейка?

Элоиза все еще обдумывала эту непростую ситуацию, когда спустя три часа перед их домом появился лакей и в присутствии миссис Барнс, Талии и Фредди вручил ей письмо на дорогой бумаге и роскошный букет оранжерейных лилий на длинных стеблях. Элоиза очень обрадовалась цветам, но буквально лишилась дара речи, увидев, что на белой шелковой ленте, перевивающей цветы, закреплено роскошное жемчужное ожерелье.

Письмо было весьма незатейливым.

«Я обошел столько цветочных магазинчиков, что мог бы заполнить цветами целый луг. Я дам тебе время подумать. Дай мне знать, когда примешь решение. Только сделай это как можно быстрее.

Дрейк».

— Что вам пишут? — спросил Фредди, заглядывая в письмо через плечо Элоизы.

Она прижала письмо к сердцу.

— Да так, ничего, — ответила она. И добавила: — Ничего особенного. Преследуя того человека, его светлость побывал в нескольких цветочных магазинчиках.

Миссис Барнс откашлялась.

— И, видимо, он случайно побывал в ювелирном магазинчике, а? — спросила она.

— Жемчуг от Дрейка Боскасла, — тихо промолвила Талия, приблизившись к Элоизе сзади. — Какой изысканный подарок! Вы только можете себе представить, сколько известных мне женщин будут вам завидовать? Должно быть, он просто ослеплен, увлечен вами. Ох, Элоиза, что же вы будете делать?

Элоиза покачала головой:

— А что, по-вашему, я должна делать?

— Наденьте ожерелье. — Талия взяла из рук Элоизы жемчужное ожерелье и на мгновение приложила его к ее шее. — Вам же нетрудно посмотреть, как жемчуг смотрится на вас, не так ли?

Элоиза едва сдержала улыбку. Похоже, Талия после возвращения все-таки немного изменилась. Элоизе оставалось надеяться лишь на то, что девушка получила определенный опыт.

— Этот жемчуг впитал в себя его страсть! — воскликнула Талия. — Он хорошо бы смотрелся на вашей коже!

— Это непрактично, — прошептала ошеломленная Элоиза. — Подумать только — надевать жемчуг перед сном! Как будто кто-то может полюбоваться им.

Но спустя несколько минут, когда все разошлись по спальням, Элоиза проскользнула в холл и примерила ожерелье. Она внимательно оглядела свое отражение в висевшем на стене треснутом зеркале. Что ж, жемчуг ей шел, это несомненно. А если заколоть волосы наверх и сменить муслиновое платье на шелковое...

«Модная дешевка» — вот как станут называть ее сплетники.

Элоиза задумалась, сможет ли она не обращать внимания на разговоры.

— Школьная учительница или любовница? — размышляла она вслух. — Практичная или недотепа?

— Она будет полной дурочкой, если отпустит от себя такого господина, как лорд Дрейк, — раздался от двери голос миссис Барнс.

Элоиза резко обернулась, покраснев от смущения. Она уже давно заподозрила, что миссис Барнс взяла в привычку прикладываться перед сном к бренди лорда Торнтона и от этого становилась не в меру говорливой. Вот и сейчас миссис Барнс явно была под градусом.

— Разумеется, я не могу принять это ожерелье, — промолвила Элоиза.

Она попыталась расстегнуть замочек, но тот, как на грех, заупрямился и не поддавался ее усилиям. Во всяком случае, справиться с ним Элоиза не могла.

— И не надо давать мне дурных советов, миссис Барнс. Лучше помогите снять с моей шеи этот знак греховности и соблазна.

— Тоже мне греховность и соблазн! — повторила миссис Барнс, приближаясь к Элоизе.

Когда она дыхнула на нее, у Элоизы едва голова не закружилась — запах бренди был столь силен, словно рядом с нею дышал не человек, а огнедышащий дракон.

— Я бы назвала это безопасностью и защитой.

— Так вы советуете мне принять неприличное предложение Боскасла? — вздернув вверх голову, спросила Элоиза.

Миссис Барнс, обычно творившая чудеса своими пальцами, нахмурилась: руки отказывались ей повиноваться.

— Именно так, — кивнула она. — Вот что я вам скажу: лучше быть любовницей богатого джентльмена, чем женой бедняка. Или школьной учительницей, как вы тут называли себя, сами с собой разговаривая.

Миссис Барнс еще ни разу не говорила с Элоизой с такой искренностью. Хорошо хоть Талия не слышала этого разговора, подумалось ей.

— Но подумайте только, какой это стыд, — задумчиво промолвила Элоиза.

Миссис Барнс возмущенно фыркнула. Ожерелье осталось на месте.

— Да! А вы подумайте, как всем нам будет стыдно, если мы будем вынуждены попрошайничать на улице, и все из-за того, что вы, добавлю я, эгоистично предпочли стать учительницей. А ведь мы могли бы поселиться во дворце, — договорила экономка.

— Но лорд Дрейк не живет во дворце, — заметила Элоиза.

— Ну почти во дворце, какая разница, — не стала спорить миссис Барнс. — Все равно это лучше будет, чем долговая яма. А вы, между прочим, никогда еще не жили в богадельне, моя дорогая. Мне это, увы, доводилось, и я не могу назвать пребывание в этом заведении приятным.

— Да, бедность вообще вещь неприятная, — согласилась Элоиза, поднимая руки к затылку. — Вы что-то сделали с замочком, да?

— Ничего я не сделала, — возразила миссис Барнс.

— Но он заедает.

— Это судьба, — заявила экономка. — Посмотрите ей в глаза, Элоиза Гудвин. Сама судьба дает вам в руки единственный шанс забыть о бедности и нужде и зажечь припеваючи.

Не говоря уж о любви, страсти и об учащенном сердцебиении, промелькнуло в голове у Элоизы, задумчиво уронившей руки.

— Первым же делом пойду сегодня к ювелиру, чтобы он снял с меня ожерелье, — сказала она наконец.

— И совершите большую ошибку, — вымолвила миссис Барнс, предостерегающе приподнимая одну седую широкую бровь. — Человек должен внимательно относиться к знакам судьбы.

— Человек не должен занимать не свое место! — парировала Элоиза.

— Это знак судьбы, помяните мои слова, — настойчиво проговорила миссис Барнс.

Тут на лестнице, ведущей с нижнего этажа, появился Фредди. Он яростно тер глаза.

— Знак чего? Конца света? — спросил он. — Господи, да от вас двоих столько шума, что можно подумать, будто началось светопреставление. Что произошло на этот раз?

— Я не могу снять ожерелье, — сказала Элоиза. — Застежку заело.

— Принесу-ка я бутылочку бренди, — заявила миссис Барнс, направляясь к гостиной.

Фредди плюхнулся на верхнюю ступеньку лестницы.

— А что, с помощью бренди можно расстегнуть заевший замок? — отчаянно зевая,

спросил он.

— Нет, — коротко ответила Элоиза. — Зато бренди развязывает языки.

И никто из них не слышал тихого стука в переднюю дверь, не обратил внимания на мужчину, который долго прислушивался к их разговорам и смеху, прежде чем исчезнуть в ночной тьме.

Дрейк решил провести вечер в одиночестве. Он был бы не прочь навестить Элоизу, но уже совсем стемнело, к тому же он обещал ей дать время подумать. Для того чтобы хоть куда-то подевать бьющую через край энергию, Дрейк решил прогуляться.

Он не знал, как долго ему удастся сдерживать себя, ожидая ее решения. О том, что она отвергнет его, Боскасл даже не думал, однако Элоиза могла свести его с ума чересчур продолжительными раздумьями.

Где? Где прежде он мог видеть того человека, который подглядывал за ними в саду? В клубе? Может, он был там официантом? Или это лакей кого-то из его друзей? Дрейк точно где-то видел его, но никак не мог вспомнить, где именно. Интересно, за кем он следил: за ним или за Элоизой?

Боскасл замедлил шаг. Он был всего в нескольких минутах ходьбы от особняка своего брата Грейсона на Парк-лейн. Прежде известный как один из самых больших лондонских скандалистов и повес, Грей в последнее время остепенился. У него была очаровательная добросердечная жена Джейн и чудесный маленький сын. Когда дело касалось женщин, Грейсон всегда умел взять себя в руки и сохранять хладнокровие. Немало дам побывало в его постели, но и сейчас любая из его бывших любовниц стала бы яростно защищать его при необходимости.

Однако когда Дрейк поздним вечером пришел к Грейсону, назвать того спокойным язык бы не повернулся. Честно говоря, весь дом пребывал в полном хаосе. Слуги сновали вверх-вниз по лестнице с холодными мокрыми компрессами, бутылками дорогого хереса, игрушками и припарками.

Уид, старший лакей, схватил Дрейка за плечи, увидев его в доме. Уид прославился тем, что его ничто и никогда не могло вывести из равновесия — он всегда бывал абсолютно невозмутим. И уж если Уид настолько потерял голову, что осмелился прикоснуться к кому-то из членов семейства, это о чем-то говорило.

— Слава Богу, что вы пришли! — воскликнул Уид. Он был почти в истерике. — Маркиз в таком состоянии!

— Он заболел? — с тревогой спросил Дрейк, посмотрев в сторону покоев Грейсона.

— Нет, лорд Дрейк, с ним, слава Богу, все в порядке. Его сын, — торопливо объяснял Уид. — У молодого лорда лихорадка, и мы не знаем, что делать.

— Вы вызвали доктора?

Уид лишь всплеснул руками.

— Мы вызвали всех лондонских докторов, — в отчаянии промолвил он.

Через несколько мгновений Дрейк увидел своего старшего брата в детской, где горело столько восковых свечей, что ими можно было бы осветить каждый уголок в доброй половине города. Грейсон, высокий красавец с копной взъерошенных волос, босиком метался по комнате в черном шелковом халате. Его маленький сын-младенец лежал спеленутым в колыбельке — крепкий и упитанный малыш покраснел и казался напуганным.

Услышав шаги, Грейсон повернулся к Дрейку — больше всего он походил на какого-то взволнованного султана.

— Боже мой, это всего лишь ты, — разочарованно протянул он, когда Дрейк вошел в детскую. — Я-то подумал, что пришел доктор. Да я ему шею сверну за то, что он заставил

меня ждать. А по пути сюда ты не встретил специалиста по травмам? Травника, одним словом? Или аптекаря?

Дрейк ошеломленно смотрел на брата. Он даже припомнить не мог, чтобы Грейсон когда-либо был в таком состоянии. Дрейк не знал, что сказать. Он не умел обращаться с детьми.

— А где Джейн? — спросил он.

Ему пришло в голову, что жене брата было бы проще совладать с ситуацией. А Грейсон буквально обезумел.

Грейсон склонился над колыбелькой, с ужасом глядя на малыша сына.

— Джейн у родителей, — сказал он. — Я, разумеется, уже послал за ней. Но что мне сейчас-то делать? Господи, вдруг он умрет, прежде чем она вернется домой? Только не стой передо мной как истукан! Скажи, что делать?

Дрейк боялся даже подходить к детской кроватке.

— Понятия не имею, что делать, — ответил он. — Я имел дело с больными, точнее, с ранеными только на поле битвы. Обычно лихорадка начиналась после пушечных ранений.

— Да уж, могу себе представить, что ты мне тут насоветуешь! — взорвался Грейсон. — Неужели ты думаешь, что я позволил своему сынишке играть с пушкой? Так какого же дьявола тебе здесь надо? Ты ведь ни о ком не заботишься. Пьешь, волочишься за каждой юбкой, воюешь! В этом вся твоя жизнь, не так ли? В одиночестве хочешь умереть?

Лицо Дрейка оставалось невозмутимым. Он понимал, что Грейсон сильно расстроен, но в его оскорбительных для Дрейка словах была определенная доля истины.

— Где няня? — спросил он.

— Я уволил эту дуру!

Дрейк и сам начал потихоньку впадать в панику. Он непроизвольно шагнул к надрывающемуся от плача кульку в колыбели. Дрейк решил, что уж лучше сделать хоть что-то, чем оставаться совсем безучастным.

— Но почему ты ее уволил? — задал он Грейсону новый вопрос.

— Да потому, что она допустила, чтобы мой сын подхватил лихорадку, вот почему! — закричал Грейсон. — Да я добьюсь того, чтобы ее за пальцы ног повесили! Или за язык! Эта баба слишком много разговаривает, вот что! Если бы она следила за ребенком, за моим сынишкой, вместо того чтобы трепать языком...

— Возможно, я смогу поторопить доктора, — промолвил Дрейк. Страх его брата явно был заразительным. — Кстати, вспомни, что маленький Девон тоже часто страдал от лихорадки. Мама думала, что он умирает, всякий раз, когда Девон чем-то заболел.

Набравшись духу, Дрейк решительно приблизился к колыбели. Пухленький, краснолицый наследник семейства Боскаслов явно чувствовал себя неудобно, но при этом он ничуть не походил на тех страдающих и умирающих солдат, которых доводилось видеть Дрейку.

— Да он же у тебя закутан, как гусеница в кокон! — воскликнул Дрейк, обращаясь к брату. — Посмотри, как ему неудобно.

Грейсон сердито поднял на него глаза.

— Он плакал, когда я пришел сюда, — сказал он раздраженно. — И я испугался, что он причинит себе вред.

— В кроватке? — изумленно спросил Дрейк. — Это каким же образом?

— Ну-у... Он мог выпасть из нее, — неопределенно ответил Грейсон.

— Но он ведь еще не умеет садиться, не так ли?

Грейсон прикоснулся своей большой рукой к щечке малыша. Младенец громко завопил и выгнул спину. Дрейк не был вполне уверен, но, кажется, младенец испортил воздух.

— Девон выпадал из своей кровати почти каждую ночь, — сказал Грейсон.

— До того как научился ползать? — с сомнением спросил Дрейк.

— Не знаю, — отозвался Грейсон, бросив свое крупное тело в кресло.

Он был совершенно измучен.

Склонившись над детской кроватью, Дрейк размотал три одеяла, в которые был плотно увязан Роуэн. Младенец яростно засучил ручками и ножками, громко пукнул и постепенно успокоился, с любопытством глядя на своего дядю огромными голубыми глазами. Дрейк прикоснулся к его пухлой щечке.

— Не кажется мне, что у него жар, — промолвил он. — Думаю, Роуэна мучили газы.

— Газы? — с облегчением спросил Грейсон. — Ты уверен?

— Не совсем, но похоже, что так, — кивнул Дрейк. — Как бы там ни было, я бы тоже разревелся и покраснел, если бы меня закутали в три теплых одеяла.

Схватив малыша на руки, Грейсон прижал его к груди. Тут дверь распахнулась и в детскую ворвалась взволнованная жена Грейсона Джейн, маркиза Седжкрофт. На ней было лимонно-желтое элегантное вечернее платье из полупрозрачного шелка и бриллиантовое кольцо на шее.

Из-за спины Джейн выглядывали ее родители, лорд и леди Белшир. За ними следом в детскую спешили доктор-шотландец, специалист по лечению травами, аптекарь и возмущенная няня-ирландка. Казалось, все начали говорить одновременно.

Еще никогда в жизни Дрейк не чувствовал себя до такой степени лишним и бесполезным, да и его присутствие явно было нежелательным. Подумать только, весь этот бедлам, все переживания из-за младенца! Из-за маленького человечка, которого год назад еще и на свете-то не было! Незапланированный плод любви, страсти и бог его знает чего еще. Накал страстей в детской комнате как-то странно подействовал на Дрейка.

Джейн выхватила малыша из рук Грейсона.

— Что ты сделал с моим сыном? — грозно спросила она.

— Я спас ему жизнь, Джейн, — ответил Грейсон.

Теперь, когда опасность уже точно миновала, он вновь стал таким же надменным и высокомерным, как всегда.

Джейн принялась осыпать поцелуями лысую головку, шейку и пухлые щечки Роуэна.

— А что с ним было?

Грейсон тяжело вздохнул.

— У него была желудочная колика и начиналась лихорадка, — заявил он.

Внезапно Джейн заметила стоявшего в углу Дрейка.

— Мой муж позвал тебя сюда из-за того, что Роуэн заболел? — прищурившись, спросила она. — И что же, интересно, ты должен был сделать?

— Вообще-то я не слишком уверен в том, что Роуэн действительно был... — не договорил Дрейк: мать Джейн, Афина, отодвинула его в сторону и поспешила к своему так быстро выздоровевшему внуку.

Отец Джейн, Хауард, заметил на подоконнике бутылку хереса и озираясь в поисках бокала.

Джейн, ахнув, всплеснула руками.

— Надеюсь, ты не давал ему хереса, Грейсон?

— Херес принесли мне, — защищался он. — Мне было необходимо выпить, чтобы помочь нашему сыну бороться с болезнью.

— А почему ты прогнал няню? — не унималась Джейн.

— Потому что ее дурацкая болтовня беспокоила ребенка.

— Да нет, она его успокаивала, Грейсон. — Неодобрительно кивнув красиво причесанной головой, Джейн бережно передала младенца в руки своей матери.

Сестры Джейн — Миранда и Кэролайн — ворвались в детскую с встревоженными лицами — так они разволновались. Без сомнения, им сказали, что ситуация кризисная. Дрейк ждал, что в любой момент могут прийти и его собственные сестры — Хлоя и Эмма.

— На улице уже собирается толпа, — сказала выглянувшая в окно Кэролайн. — У всех очень мрачный вид. Можно подумать, что жизнь кронпринца под угрозой.

— Помаши им, Грейсон, — велела Джейн, голос которой стал чуть мягче, когда она посмотрела на своего мужа. — Дай им знать, что все в порядке.

Грейсон широкими шагами приблизился к окну и помахал толпе одним из подгузников Роуэна. Людей это развеселило. А потом, словно он только что вспомнил о своих обязанностях, Грейсон наконец обратил внимание на Дрейка, ставшего невольным свидетелем семейной драмы.

— Боже мой, — промолвил Грейсон, подходя к брату. — Ты ведь никогда не заходишь без дела, Дрейк. Ты хотел поговорить со мной? Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего, Грейсон, — отозвался Дрейк. — Это может подождать. — Он сам чувствовал себя измученным после пережитого.

Грейсон обнял брата за плечи, провожая его к двери.

— Ты не ударил в грязь лицом в трудную минуту, проявил мужество, — понизив голос, проговорил Грейсон. — Именно такая поддержка мне была нужна. А теперь позволь мне отблагодарить тебя. Так почему ты пришел, о чем хотел потолковать со мной?

— Да так, ни о чем, — помотал головой Дрейк, пятясь в прихожую. — Все в порядке, честное слово. Я понимаю тебя.

— Правда? — Грейсон шел следом за ним, вид у него был беспомощный.

— Видишь ли, я запаниковал, — сказал он. — Я вообще-то не подвержен панике, но когда я подумал о том, что могу потерять Роуэна... — Его голос дрогнул, он замолчал на несколько мгновений. — Ты понимаешь меня? На прошлой неделе был день рождения Брэндона. Глядя на плачущего Роуэна, я вспомнил о нем. Так ужасно потерять человека, которого любишь...

Неприятная тяжесть навалилась на сердце Дрейка. Смерть Брэндона оставила глубокий шрам в душах всех членов их семейства. К добру ли, к худу ли, но Боскаслы были очень близки; когда они любили, то любили истово, а когда испытывали скорбь, то такую тяжкую, что никто из друзей даже понять их не мог.

— Я не забыл, — тихо промолвил Дрейк, не в первый уже раз спрашивая себя, не его ли неутраченный гнев на убийство Брэндона оказывал в последнее время нехорошее влияние на его эмоциональное состояние.

— Я мог потерять сына, — проговорил Грейсон, голос которого слегка задрожал от воображаемого горя. — Да лучше бы я тысячу раз умер от тяжелых пыток, чем потерял бы Роуэна или Джейн. Любовь чудовищна, Дрейк. Чудовищна! Не дай себе испытать это чувство. Почему только я позволил себе влюбиться? Как я мог допустить это?

Грейсон замер в дверном проходе, черный силуэт его крупной фигуры четко вырисовывался на фоне яркого света от горевших у него за спиной свечей.

— Не знаю, как это случилось, — проговорил Дрейк, отступая в темноту холла. — Но ты же не потерял их. — Лучшего утешения он придумать не смог.

— Знаю. — Грейсон закрыл глаза.

Он так глубоко вздохнул, что его большое тело содрогнулось, когда он выдохнул.

— Я был не прав. Не слушай меня. Любовь — замечательная штука, и я надеюсь, что в один прекрасный день ты... — Грейсон открыл глаза.

Дрейк исчез. Обернувшись, Грейсон увидел у себя за спиной жену, державшую на руках их сына. Малыш вертел головкой во все стороны и явно чувствовал себя довольным. Длинные, медового цвета волосы Джейн выбились из прически и рассыпались у нее по спине золотистой волной.

— Что здесь делал твой брат, Грейсон? — тихо спросила Джейн. — Может, что-то еще случилось за то время, что я отсутствовала? Может, не только из-за Роуэна ты оказался не в форме?

Грейсон бросил на нее сердитый взгляд.

— Я никогда не бываю не в форме, Джейн, — вымолвил он. — Кстати, я так и не узнал, зачем приходил Дрейк.

— Так, возможно, тебе стоило заняться выяснением этого, а не устраивать такую неразбериху в детской, — заметила Джейн.

— Вид у него был взволнованный, — признал Грейсон.

Джейн нехотя улыбнулась мужу.

— Вероятно, настало время выяснить, почему он был взволнован, — сказала она.

— Да уж. — Грейсон с яростной нежностью посмотрел на своего сына. — Этот маленький дьяволенок до смерти напугал меня.

— Я люблю тебя, — с грустью проговорила Джейн. — Но никогда больше я не попрошу тебя последить за нашим малышом.

Быстро спускаясь по лестницам особняка Грейсона, Дрейк едва не столкнулся с высокой знакомой фигурой, которая шла ему навстречу.

— Я опоздал? — взволнованно спросил Девон, плащ которого намок от мелкого дождя. — Я спешил, как мог, раньше прийти не получилось.

Дрейк покачал головой. Ему хотелось как можно быстрее уйти из этого дома, точнее, честно говоря, избавиться от нахлынувших на него чувств. Дрейк нуждался в бутылке бренди и освежающей прогулке по ночным улицам Лондона.

— Нет, все уже закончилось, — промолвил он. — Все хорошо.

— Но что случилось? — спросил Девон, отдавая перчатки горничной, вышедшей ему навстречу.

— Ничего, — ответил Дрейк. — Просто Грейсон решил, что у его сына желудочные колики. А на самом деле Роуэна мучили газы и ему просто нужно было пукнуть. Обычная семейная неразбериха, — добавил он, пытаясь вновь пойти вниз по лестнице.

— Ты хочешь сказать, что весь этот шум был вызван тем, что малышу захотелось пукнуть? — удивился Девон.

— Да.

— Что ж, в таком случае не хочешь ли пойти в клуб?

— Нет, — нетерпеливо ответил Дрейк. — Только не сейчас.

— У тебя плохое настроение? — участливо спросил Девон, буравя старшего брата любопытным взглядом.

— А что, если так оно и есть?

— Ничего, — пожал плечами Девон. Он никогда первым не затевал споров. — Просто я заметил, что ты, кажется, не в духе. Что-нибудь случилось? Это касается каким-то образом Элоизы Гудвин?

— Прекрати! — На лице Дрейка появилась гримаса раздражения.

— Что прекратить? — не унимался Девон.

— Прекрати злить меня, что ты ко мне пристаешь?

— Да вовсе я тебя не злю и не думаю к тебе приставать, — промолвил Девон. — Я просто спросил тебя об этой женщине. Чем это я так тебя обидел?

Дрейк отвел глаза в сторону.

— Твой вопрос разозлил меня, вот и все, — сказал он.

Слова Дрейка заинтриговали Девона.

— Ну и ну! — протянул он. — Я все время задаю тебе разные вопросы, но никогда ни один из них не раздражал тебя. Во всяком случае, до такой степени. Ты всегда делал вид, что тебе все равно. Если только... — В его взоре мелькнула понимающая усмешка. — Если только...

— Если только что, идиот? — перебил его Дрейк, прислоняясь к перилам.

Девон приосанился.

— Да ничего, — вымолвил он. — Ничего!

Лицо Дрейка потемнело.

— Нет, ты уж ответь, что ты имеешь в виду? — потребовал он.

— Ну-у... — Опустив глаза на свои сапоги, Девон пробормотал: — Я имею в виду, что тебя это слишком волнует.

Дрейк наградил брата долгим уничтожающим взглядом.

— Что меня слишком волнует?

— Не что, а кто, — едва слышно произнес Девон.

— Так ты предполагаешь... — Оттолкнувшись спиной от перил, Дрейк стал наступать на Девона, прожигая его взглядом, а тот старательно избегал смотреть на него. — Бога молю о том, чтобы ты не предполагал того, что, кажется мне, ты предполагаешь.

Девон наконец-то поднял глаза на Дрейка.

— Вообще-то я ничего не предполагаю, — сказал он. — Мне и в голову не приходит, что тебя может волновать предмет нашего разговора.

Глаза Дрейка запылали, как горящие угли.

— А предмет нашего разговора — это?..

— Мне кажется, — промолвил Девон, отважно взглянув Дрейку в глаза, — что предметом нашего разговора может быть та самая женщина, которую ты мне сегодня представил.

— Это не так, — быстро проговорил Дрейк.

— Что не так? — улыбнулся Девон. — То, что она составляет предмет нашего разговора, или то, что она тебя интересует?

Дрейк приложил ладонь к глазам.

— Считаю до пяти, — сказал он. — Если на счет «пять» я открою глаза и увижу, что ты стоишь там, где стоял, я спущу тебя с лестницы.

Дрейк громко сосчитал до пяти. Убрав руку, он не увидел перед собой Девона. И если бы Дрейк не был в дурном расположении духа, он подумал бы, что на него напало настоящее затмение.

Спустившись вниз, Дрейк зашел в кабинет Грейсона, где, как и рассчитывал, он нашел в шкафу бутылку французского бренди. Мальчиком он часто бывал в этой комнате, рассчитывая услышать слова одобрения от своего отца. И никогда не слышал их. Ни единого доброго слова. Ни улыбки, ни похлопывания по плечу.

Дрейк всегда знал, что из всех детей он у отца самый нелюбимый. С братьями он часто дрался, и у него вечно были неприятности из-за этих драк или непослушания. Он все еще помнил, как однажды, после особенно позорного нагоняя от отца, мать прошептала ему на ухо:

— Он наказывает тебя, потому что вы очень похожи. Отец всю жизнь борется со своими собственными демонами. И мне кажется, что он пытается изгнать их из тебя.

«У него ничего не получилось, — подумал Дрейк. — Демоны уцелели».

Его отец, Ройден Боскасл, был страстным и угрюмым, он защищал и тиранил одновременно. До этого дня Дрейку казалось, что он так и не узнал этого человека и понимал его не больше, чем понимал самого себя. Но они были действительно очень похожи. Все родные утверждали это. Не слишком обнадеживающая мысль.

Дрейк вышел из особняка Грейсона.

Он шел и думал о том, что ему следовало бы навестить Марибеллу Сент-Айвз этой ночью. Он намеревался, глядя ей в глаза, сказать, что не хочет вступать с нею в сексуальные отношения. А ведь еще совсем недавно он был готов следовать за ней куда угодно, лишь бы развеять свое депрессивное настроение. Про мысли о необходимости свидеться с Марибеллой Дрейку стало еще хуже.

Не останавливаясь, он дошел до дома на Хилл-стрит. На мостовых поблескивали лужи. Мимо него, гроыхая, проехала пустая карета. Он не хотел приходить сюда и, возможно, если бы в гостиной не горел свет, он бы не остановился.

Дрейк постучал в переднюю дверь дома. Он еще не подумал о том, что будет делать, если дверь откроет не Элоиза, а кто-то другой. Он даже не знал еще, как объяснит свое появление в доме в столь поздний час, и это при том, что он пообещал Элоизе подождать, пока она примет решение.

— Кто здесь? — раздался из глубины дома тихий голос.

Ее голос. Слава Богу, это Элоиза.

— Это я, — ответил он, — Дрейк.

Она отворила дверь и посмотрела Дрейку в глаза. И вновь Боскасл подумал о том, какая она необыкновенная. Элоиза даже не удивилась его приходу.

Она замерла в темноте, жемчуг поблескивал на ее шее, в руке Элоиза держала книгу.

— Что-нибудь случилось? — задумчиво спросила она.

— Я могу войти?

Элоиза огляделась по сторонам, словно не зная, что ответить. В холле за ее спиной никого не было.

— Да, — наконец кивнула она.

Боскасл прошел следом за ней в гостиную. Сбросив с себя сюртук, он посмотрел Элоизе в глаза, даже не пытаясь скрыть под вежливым разговором пылающее в нем желание. Она должна с самого начала знать, что он за человек.

Если Дрейк станет ее любовником, она должна принять его темную сторону, его переменчивый характер, — одним словом, всю ту дьявольскую смесь, которую он собой представляет.

Элоиза забрала сюртук у Дрейка. Он схватил ее за запястье, не дав ей даже повернуться. На его лице застыло такое нетерпеливое выражение, что ее сердце затрепетало. Боскасл привлек ее к себе. Она не стала сопротивляться и прижалась к нему, выронив сюртук на пол. Его рука крепко обняла ее — казалось, Боскасл чувствовал, что Элоиза ждала его прикосновений, не думала ни о чем другом с момента их последней встречи.

Его губы накрыли ее рот требовательным поцелуем. Элоиза прижалась к Дрейку всем телом и тут же ощутила, как отвердела его плоть. Когда его язык скользнул в теплую сладость ее рта, Элоиза почувствовала, что по ее телу с головы до пят пробежала блаженная дрожь.

— Что случилось? — шепотом спросила Элоиза, прервав поцелуй. — Почему ты здесь в столь поздний час?

— Из-за тебя, — ответил Дрейк. — Другой причины нет.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Нет. — Боскасл поднес руку к ее шее, в его глазах мелькнуло торжествующее выражение. — Ты надела ожерелье, которое я тебе послал. Означает ли это, что ты решила стать моей?

Ее любовник и покровитель... При мысли об этом у Элоизы ноги подкашивались. Она глубоко вздохнула, чтобы взять себя в руки, но с сожалением покачала головой.

— Это означает лишь то, что я не смогла расстегнуть замок, — промолвила Элоиза.

На губах Дрейка появилась улыбка.

— Элоиза, неужели ты считаешь, что я в это поверю?

— Но это правда, — проговорила Элоиза, чувствуя, как краска заливает ей щеки.

В его глазах заплясали искорки смеха.

— Значит, это судьба, не так ли?

— Нет. — Элоиза закинула назад голову, чтобы посмотреть на него. — Ты специально заказал такой замок?

Рука Дрейка лениво пробежала по ее спине.

— Дорогая, в таком случае я был бы чересчур хитроумным, тебе не кажется?

— Хитроумным или предусмотрительным, — промолвила она с лукавой улыбкой, почувствовав, как рука Дрейка, скользнув под ее платье, стала медленно продвигаться вниз.

— Возможны оба варианта, — промурлыкал Дрейк, пожирая ее страстным взором. — Но я все же не могу не сказать, что вначале ты все-таки надела жемчуг на шею.

Элоиза ничего не сказала в ответ, да и сказать-то, собственно, было нечего, потому что Боскасл был прав.

— А тот факт, что ты надела ожерелье, можно рассматривать как принятие моего предложения. — Дрейк откашлялся. — Хотя нет. Ты не возражаешь, если мы присядем?

Тем временем его рука оказалась уже у нее на поясице. Элоиза ощутила, как греховные прикосновения Дрейка сводят ее с ума. Его теплое дыхание коснулось ее лица, заставило приподняться нежные кудряшки на ее виске.

— Если хочешь... — прошептала она, подумав о том, что долго на слабеющих ногах ей не устоять.

Во всяком случае, если они сядут, то он не догадается о том, что ее бьет озноб.

Разумеется, едва они оказались на диване, Элоиза поняла, что ситуация лучше не станет. Дрейк склонился над нею. Тень от его высокого, мускулистого тела накрыла ее с головы до ног. Колени Элоизы задрожали еще сильнее.

— Что ты читала? — спросил Дрейк, поглаживая большим пальцем ее руку.

— Что читала? — рассеянно спросила она. — Да так, ничего особенного... Книгу с народных снадобьях.

Прикосновения Боскасла оставили на руке Элоизы пылающий след. Не успела она понять, что происходит, как его пальцы, поднявшись вверх, перепорхнули к ее груди.

Рука Дрейка принялась ласкать ее грудь сквозь лиф платья. Ну как он может быть так спокоен, воспаляя в ее теле огонь желания?

Ее глаза медленно закрылись. Его пальцы ласкали ее сосок до тех пор, пока с уст Элоизы не сорвался низкий стон. Волна желания пробежала по ее телу.

— Элоиза, — прошептал Дрейк, целуя по очереди уголки ее рта. — Я не хотел видетсья с тобой до тех пор, пока ты сама не пошлешь за мной. Прошу тебя, скажи, я могу продолжать?

— Я не знаю... не знаю...

В это мгновение Элоизе больше всего хотелось сосредоточиться на тех блаженных ощущениях, которые появились у нее от его прикосновений. Ее самое сокровенное место тяжело запульсировало; когда он убрал руку с ее груди, ее охватило чувство потери. Но тут его рука оказалась у нее под юбкой и ее тело рванулось ему навстречу.

— Дрейк... — одними губами почти неслышно прошептала она.

— Скажи мне, когда остановиться, детка... — Он тихо застонал. — Но прошу тебя, не спеши.

Его пальцы проникли в ее лоно — сначала один, потом второй, и исступленные ласки, доводящие ее до экстаза, уступили место блаженным конвульсиям.

Открыв глаза, Элоиза увидела устремленный на нее взгляд Дрейка.

— Ты будешь моею, — прошептал он.

Ловко расшнуровав ее платье, Дрейк стянул лиф вниз. Едва Элоиза подумала о том, что теперь она похожа на распутницу, как он припал поцелуем к ее нежному соску, лаская рукой другую грудь. Тело Элоизы вновь запылало, плавясь от его прикосновений. Она почти не заметила, как он задрал ей юбку. Поцелуи, обжигавшие ее грудь, опускались все ниже, и вскоре язык Дрейка проник в ее разгоряченное лоно. Она стонала и выгибалась, забыв о стыдливости, забыв обо всем на свете, стремясь лишь к тому, чтобы полностью отдаться чудесным ощущениям. Когда тело Элоизы вновь сотрясли конвульсии страсти, она громко выкрикнула имя Дрейка. Его щека коснулась ее лона, Дрейк с наслаждением вдохнул ее аромат. Слабая дрожь все еще сотрясала ее. Ему нравилось видеть, как Элоиза под его бешеным натиском теряет над собой контроль, нравилось ощущать, как он будит в ней чувственность.

Элоиза попыталась подняться, ухватившись рукой за плечо Боскасла. Он поднял голову и посмотрел на нее, не в силах скрыть улыбки. Глаза Элоизы все еще были затуманены страстью.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — задумчиво спросила она.

Боскасл смиренно посмотрел на нее.

— По-настоящему хорошо я мог бы себя чувствовать только через несколько часов, — промолвил он.

Элоиза покачала головой, на ее губах появилась улыбка. Наклонившись вперед, Дрейк легко поцеловал Элоизу; его губы все еще хранили аромат ее тела.

— Не представляю даже, что могло случиться, если бы нас тут застали, — проговорила она.

— Я бы утверждал, что ты довела меня до бесстыдства.

Она рассмеялась:

— Можно подумать, кто-нибудь поверил бы тебе.

Боскасл тоже засмеялся.

— Так ты отвечаешь мне «да»?

Она прикусила нижнюю губу.

— Ты обещал дать мне время подумать, — напомнила она.

Дрейк медленно кивнул. Черное отчаяние привело его этой ночью к ее дверям. Теперь знакомая тьма вновь захлестывала его душу, хотя тело по-прежнему чудовищно страдало от неудовлетворенного желания. Она скажет ему «да». Он будет настойчиво давить на Элоизу до тех пор, пока она не уступит ему, и уж когда они будут вместе, он вознаградит себя за свое терпение.

— Я должен идти, — тихо промолвил Боскасл, отводя взор от Элоизы. — Полагаю, о Торнтоне ты не слышала ничего нового?

Она нахмурилась:

— Нет, ничего, кроме той единственной записки.

Дрейк еще раз поцеловал ее на прощание.

— Это еще одна причина, по которой тебе нужен покровитель, — сказал он.

Остаток ночи Элоиза провела без сна, раздумывая над сложившейся ситуацией. За прошедшую неделю она не раз думала о том, как хорошо было бы иметь столь настойчивого покровителя, как Дрейк Боскасл. Возможно, ей придется поступиться своими принципами, которые, признаться, до сих пор приносили ей мало пользы.

Вместе с тем, став любовницей Дрейка, она не просто преступит границы приличия — она окажется там, откуда вернуться уже не сможет. Из обедневшей, но достойной женщины она превратится в любовницу знатного господина, единственная цель которой — угождать его низменным желаниям.

Ясно, что новое положение будет ко многому обязывать ее. Но в то же время оно будет дарить ей радость, какой у нее никогда не было. В ней мгновенно вспыхнуло желание, едва Элоиза подумала о том, что Дрейк лежит рядом с ней в постели. Она была бы нечестна перед собой, если бы стала отрицать, что в глубине души ей очень хотелось принять его предложение.

Просто Элоиза никогда не видела себя в роли обольстительницы.

К утру Элоиза еще не ответила на все свои вопросы, но одно она знала твердо: решение надо принять как можно быстрее.

Возможно, даже сегодня, только чуть позднее.

Казалось, весь дом встал не с той ноги. Все были сонными, у всех было отвратительное настроение за завтраком, потому что нечем было заплатить угольщику. Нижние комнаты промерзли, а Хестон уверял, что кто-то проник в дом и украл большой разделочный нож. Он был уверен в этом, потому что накануне наточил его, и вот нож исчез. Потом из кухни с прытью полковой лошади прибежала разгневанная миссис Барнс — она ругалась последними словами из-за того, что кредиторы выхватили медный горшок прямо из ее рук.

— Дьявол побери! — крикнул Фредди, вбегая в комнату в камзоле, наброшенном прямо поверх ночной рубашки. — Теперь у нас, как в старой шутке, нет даже ночного горшка...

Элоиза подняла руку, призывая домочадцев к тишине.

— Довольно! — приказала она. — Спрячьте все то ценное, что у нас осталось. В особенности оставшиеся серебряные столовые приборы.

— У нас уже ничего не осталось! — отчаянно взвыла миссис Барнс. — Мне нечем нарезать овощи для супа.

Элоиза побледнела.

— Но ведь Хестон, кажется, сказал, что не хватает только одного ножа.

— Это верно, — кивнула миссис Барнс, складывая на животе мясистые руки. — Я забросала столовыми приборами кредиторов — за то, что они забрали мой горшок.

«Полная анархия, — подумала Элоиза. — Похоже, домочадцы вот-вот рассудка лишатся, если ничего не изменится».

— Фредди, пожалуйста, оденься, — попросила она. — Сюда наверняка явится констебль, чтобы спросить, отчего это экономка, как какой-нибудь ярмарочный фокусник, швыряется в людей металлическими ножами и ложками. Впрочем, полагаю, все это скоро кончится. Нам осталось здесь жить совсем недолго.

— А где же мы будем жить, мисс? — спросил Хестон, со скрипом выпрямляя спину — он наклонялся, чтобы бросить в очаг остатки угля, причем умудрился половину рассыпать по ковру.

Элоиза помолчала. Все эти люди были ей симпатичны, и она от души сопереживала им. Ни один человек в здравом уме не наймет управляющего, который, похоже, может в любой момент отдать Богу душу. Или экономку, обладающую даром жонглера из королевского цирка Этли, которая имеет обыкновение носить в кармане фартука бутылочку бренди.

Никто из этих людей не получал пенсии, ни у кого не было родных, которые могли бы предоставить им кров и содержание до тех пор, пока они вновь встанут на ноги.

— Об этом не стоит беспокоиться, — проговорила миссис Барнс, с надеждой поглядывая на Элоизу. — Полагаю, ваш шикарный джентльмен найдет вам хороший дом где-нибудь на Пиккадилли.

— Именно так, — кивнула Элоиза, — именно мой шикарный джентльмен.

Господи, они смотрели на нее, как стадо голодных оленей смотрит на ягель, раздраженно подумала Элоиза.

— Если только она решит принять его предложение, — вполголоса промолвил Фредди.

— Вы все смогли бы поселиться в моем доме и работать на меня, — неожиданно раздался позади них голос Талии.

Она стояла в дверях, ее щеки были бледными и надутыми, как поднявшееся сдобное тесто. Без сомнения, Талия слышала их разговор.

Элоиза оглянулась. При мысли о том, что она может до конца дней жить в доме Талии, у нее по спине пробежал холодок.

— Очень любезно с вашей стороны сделать нам это предложение, но я уверена, что у сэра Томаса уже есть собственная прислуга, — промолвила Элоиза.

— У меня дядя держит бар в местечке Блэкфрайарз, так что я, возможно, поеду к нему, — сказала миссис Барнс.

Хестон наконец выпрямился.

— А я подумываю о том, чтобы открыть таверну, — заявил он.

— Только постарайтесь, чтобы она была недалеко от кладбища, — пробормотал Фредди. — люди будут помирать от жажды, ожидая, пока вы их обслужите.

Талия принялась постукивать мыском туфельки по полу.

— А никто из вас не забыл о том, что сначала надо обслужить меня? Да я целую вечность ждала поднос с завтраком! А вы, Элоиза; должны что-нибудь сделать со своими волосами к ежегодному балу лорда Митфорда, — раздраженно проговорила Талия.

— К какому еще балу? — сосредоточенно спросила Элоиза.

Талия смерила ее с головы до ног уничижительным взглядом.

— Да я говорила вам о нем еще месяц назад! Нас будут сопровождать леди Хитон с братом. Разве не вы настаивали на том, чтобы я пошла на этот бал?

— Значит, вы должны пойти, — кивнула Элоиза. — Но у меня нет подходящего платья для бала.

— Одолжите платье у меня, — сказала Талия. — Алое бальное платье с шелковыми маками на мне сидит как на вешалке — настолько оно мне велико. Думаю, если распустить все швы, вы сумеете в него втиснуться.

— Вас будет сопровождать леди Хитон, и этого довольно, — нахмурившись, произнесла Элоиза. — Думаю, для вас это будет отличная возможность познакомиться с нею поближе до свадьбы. А я буду вам только мешать.

Талия подбоченилась.

— Но вам платят зато, что вы служите моей компаньонкой!

— Нам уже месяц ничего не платили, — промолвил Фредди, не обращая внимания на предостерегающий взгляд Элоизы.

— Разве? — Глаза Талии вмиг покраснели и наполнились слезами, она печально наморщила маленький носик. — Я не знала. Я уверена, что мы можем уговорить леди Хитон, и она заплатит вам жалованье.

Злость Элоизы мгновенно растаяла. Как приятно наблюдать за тем, что испорченная девчонка хотя бы на время превращается в рассудительную молодую женщину.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказала Элоиза. — За себя я бы просить не стала, но вот за остальных...

— Отлично! Тогда решено, — произнесла Талия, потирая пальцем кончик носа. — Вы сможете сами обратиться к леди Хитон на балу. К тому же я не собираюсь весь вечер разговаривать с нею. Она раздражает меня.

Талия направилась вверх — ждать свой завтрак, а Элоиза покосилась на Фредди.

— Я даже не знаю, как это произошло, — промолвила она.

— Боже мой, мисс! — Он покачал головой. — Просто у вас слишком мягкий нрав, вот в чем дело. Впрочем, вечер на балу вам не повредит. Хоть немного развеетесь, а то сидите вечера напролет на этом старом диване без всякого удовольствия.

Взгляд Элоизы устремился на диван, о котором говорил Фредди. Невольно перед ее внутренним взором восстала из памяти неприличная картина.

Наверху хлопнула дверь, и тут же раздался пронзительный крик Талии:

— Эло-и-и-за-а! Я думала, что вы поможете мне выбрать платье. Вы можете подняться наверх? Вы мне нужны.

— Вот дьявол! — выругался Фредди. — Иногда мне так и хочется задрать на ней юбки и отшлепать ее по плоской заднице...

— Знаешь, Фредди, — заметила Элоиза, — не годится таким тоном говорить о своей

нанимательнице...

— Так вы идете или нет? — снова закричала сверху Талия.

— ...даже если очень хочется поступить именно так, — договорила Элоиза.

И, сжав зубы, она направилась к ведущей навверх лестнице.

Элоиза спросила себя, неужели именно такое будущее ждет ее. Неужели она рождена для того, чтобы угождать прихотям таких вот капризных девчонок?

— Помогите же мне, Элоиза! — прокричала Талия из своей спальни.

Вслед за криком в воздухе мелькнула пара туфельек.

— Все мои вещи ужасные, они давно вышли из моды. Кстати, если вы собираетесь ступить на путь греха, то вам не помешает подумать о своей внешности и одежде.

Талия наконец-то решила, в чем она отправится на бал, устраиваемый лордом Митфордом. Она остановила свой выбор на серебристо-белом платье с полупрозрачной верхней юбкой. Платье красиво облегалo ее фигурку, так что Талия становилась похожей на изящную греческую статуэтку.

Для того чтобы уложить ее лунно-светлые волосы, потребовалось еще добрых два часа. Элоизе пришлось немало потрудиться, но она все же сумела добиться того, чтобы надушенные колечки из чудесных волос Талии свисали ровно до ее плеч — как букет полураспустившихся весенних лилий, с удовлетворением подумала Элоиза.

Ни одно из недорогих, но милых платьев Талии Элоизе не подошло. У Талии была хрупкая, вытянутая фигурка, а фигура Элоизы казалась ее прямой противоположностью, потому что она состояла в основном из груди и ягодиц. Элоиза примерила несколько нарядов и наконец, затаив дыхание, втиснулась в неудобное бальное платье из красной парчи, украшенное огромными маками. У нее было такое чувство, будто ее завернули в ковер из гостиной.

— Это платье принадлежало моей прабабушке, — меланхолично проговорила Талия. — Постарайтесь его не испачкать. Испуская свой последний вдох, бабушка была в этом платье, поэтому оно имеет для меня очень большое значение.

— Если я сегодня ночью присяду в этом наряде, то меня смогут принять за кресло, — сказала Элоиза.

Повинуясь неожиданному импульсу, Талия крепко обняла ее.

— Я буду скучать без вас, Элоиза, — призналась она. — Знаете, если вы не станете любовницей лорда Дрейка, я постараюсь упросить сэра Томаса взять вас к нам на службу.

Элоиза испуганно высвободилась из объятий Талии.

— Дрейка ведь на балу не будет, не так ли? — Элоиза с неловкостью засеменила к зеркалу в платье покойной прабабушки Талии. — Если только он увидит меня в этом платье, то наверняка откажется от своего предложения.

Талия приподняла брови.

— Если он увидит вас в этом платье и по-прежнему будет хотеть вас, то вы можете быть уверены, что он заслуживает вашей любви. Это поможет вам принять правильное решение, — уверенно промолвила она.

Бал прошел замечательно. Талия безупречно вела себя и была внимательна к своей будущей свекрови. Элоиза отвергла четыре неприличных предложения, обругала лакея, поинтересовавшегося, не призраком ли покойной королевы Елизаветы она является, и в перерывах между танцами ускользнула за третьим бокалом шампанского. Игристое вино успокоило ее расшалившиеся нервы, Элоиза обрела приятную легкость, хотя, признаться, и стала слегка рассеянной.

Сколько же дней осталось до свадьбы ее подопечной? Элоиза уже потеряла им счет. И во всем был виноват Боскасл. Именно после знакомства с лордом Дрейком Элоиза потеряла счет времени. Интересно, подумала она; где он этим вечером? Ей хотелось увидеть его, но не в таком виде, в каком она была сейчас. Да он до полусмерти перепугается, увидев ее в образе... в образе призрака королевы-девственницы.

Элоиза обвела взглядом бальный зал в поисках знакомой широкоплечей фигуры. Она стояла у стены в окружении родственников леди Хитон и изо всех сил старалась не выделяться. Возможно, люди примут ее за фламандский настенный гобелен.

Неожиданно сидевшие вокруг нее пожилые родственники леди Хитон восторженно загудели. Леди Хитон вскочила со стула и прижала к сердцу руку с проступающими сквозь кожу синими венами.

— Он здесь! Боже мой, он здесь! — запричитала она. — Мой дорогой мальчик не заставил меня ждать!

С любопытством оглянувшись, Элоиза увидела упитанного молодого человека, который неловко пробирался к ним сквозь толпу гостей. Сердце Элоизы испуганно затрепетало. Потому что этот толстячок смутно напомнил ей...

— Это Томас! — воскликнула одна из сестер леди Хитон, всплеснув руками. — Где же Талия? Она будет вне себя от этой нежданной радости!

Леди Хитон радостно посмотрела на Элоизу:

— Прошу вас отыскать Талию, мисс Гудвин. Вы сможете найти ее? Я уверена, что видела ее танцующей с моим братом всего несколько минут назад.

Элоиза и сама могла бы поклясться в этом. По сути, за весь вечер Талия не совершила ни единого предосудительного поступка. Она танцевала всего с двумя самыми приличными, если не сказать скучными, джентльменами. И, танцуя деревенский танец с дядюшкой своего жениха, Талия, казалось, пребывала на седьмом небе от счастья, а потом испарилась где-то в райских кушках.

— Куда же она могла пойти? — громко спросила леди Хитон, наблюдая за сыном, который остановился перемолвиться словечком со старыми знакомыми, узнавшими его в толпе гостей.

— Думаю, она могла выйти на террасу, чтобы выпить лимонаду с леди Вудбридж, — сказала Элоиза, протискивая свои жесткие юбки между рядами стульев. — Я разыщу ее.

— Но я не видела леди Вудбридж, — печально проговорила сестра леди Хитон. — Она наверняка подошла бы ко мне справиться о моем здоровье.

Едва выйдя из бального зала, Элоиза побежала, несмотря на то что тяжеленная парча сдавливала ее со всех сторон и она чувствовала себя в ней как в рыцарских доспехах. Неудивительно, что прабабушка Талии испустила последний вздох именно в этом платье.

Его можно сравнить с пыточной машиной.

Инстинктивно свернув в боковой коридор, Элоиза тут же наткнулась на того самого лакея, который недавно оскорбил ее.

— Ну и ну, кого я вижу! — насмешливо проговорил он. — Похоже, мне опять явился призрак королевы Елизаветы!

Элоиза схватила его за лацканы ливреи.

— Помогите мне разыскать мисс Талию Торнтон, или я на вас нажалуюсь, — быстро сказала она.

— За что?

— За то, что вы допиваете шампанское из бокалов, которые убираете со столбв.

Слуга высвободил из ее цепких рук свою ливрею.

— Откуда вам это известно? — спросил он.

— Потому что я видела, как вы уносили в бокалах такое количество шампанского, какого хватило бы на то, чтобы наполнить им целый фонтан.

— Минуту-другую назад мисс Талия вышла в сад, — неохотно промолвил лакей.

— Она была одна?

— Такого рода информацию я выдавать не намерен, — заявил лакей. Но потом, прищурившись, добавил: — Если только вы не согласитесь... — он многозначительно подмигнул Элоизе, — заплатить за нее...

— И не думайте даже об этом, — процедила сквозь зубы Элоиза, прошмыгивая мимо него.

— Счастливой охоты! — бросил он ей вслед с грубым смешком.

Резко остановившись, Элоиза с презрением оглянулась на него.

— Будь я королевой Елизаветой, я бы приказала принести мне твою голову на деревянном блюде, ты, распоясавшийся хлыщ, — произнесла она.

Прислонившись к массивной колонне, Дрейк рассеянно оглядел почти темный коридор. Судя по звукам, за углом явно что-то происходило, но он был настолько занят собственными переживаниями, что не обратил на это внимания. На бал этим вечером Боскасл приехал лишь потому, что сестра Эмма попросила его сопровождать ее — остальные братья были заняты, поэтому Дрейку пришлось согласиться.

Вместо этого он бы предпочел провести вечер с Элоизой и подтолкнуть ее к важному решению. После прошлой ночи, понимал Дрейк, уговорить Элоизу будет не так уж сложно, однако он даже лучше ее понимал: окончательное решение она должна принять сама. По мнению Боскасла, это было всего лишь делом времени.

— Интересных новостей с Эльбы практически нет, — произнес стоявший перед ним седовласый мужчина. — Наполеон принимает гостей. Есть, правда, кое-что странное: он зачем-то заказал пуговицы.

Лорд Боскасл даже головой тряхнул от удивления, признаваясь себе в том, что его мысли блуждали где-то далеко. И в том, что информация, которую ему сообщил пожилой господин, сэр Джереми Хатчинсон, член военного ведомства, по крайней мере заслуживает его внимания.

— Пуговицы? — переспросил Дрейк. — Вы сказали... — Он осекся, заметив знакомую фигуру, которая только что обошла огромную греческую урну и направилась в их сторону. — Тихо! — прошептал он. — Мы не одни.

— Боже мой, я и не знал, что мы пришли на бал-маскарад! — удивленно промолвил сэр

Джерemi. — Какое чудовищное платье!

Дрейк начал смеяться. Вообще-то к тому мгновению, когда Элоиза почти приблизилась к ним, он хохотал так громко, что сэр Джерemi испуганно отступил назад.

— Надо понимать, вам знакома эта женщина? — с любопытством спросил сэр Джерemi Хатчинсон.

— Признаться, знакома, — сквозь смех ответил он.

Сэр Джерemi откашлялся.

— Завтра я пару часов проведу в клубе, — сказал он. — Если хотите узнать что-нибудь еще, зайдите туда. У меня такое впечатление, что ваши мысли сейчас заняты чем-то другим.

Дрейк рассеянно кивнул, прислонившись плечом к колонне. Он ждал, когда Элоиза заметит его. Вид у нее был решительный и недовольный. Сначала Элоиза посмотрела на пустой альков, потом — на пустую скамью, накрытую ковром, и, наконец... Ах, наконец она посмотрела на него!

Элоиза остановилась, едва не споткнувшись, ее ореховые глаза наполнились изумлением.

— Ты?!

— Ты! — прошептал Дрейк, запуская палец под старомодный лиф платья на костях и привлекая ее к себе, за колонну.

Он не дал ей возможности сопротивляться. Не успела Элоиза и слова промолвить, как Дрейк запечатал ее уста поцелуем, от которого у него тут же болезненно заныли чресла.

— Полагаю, мне и надеяться не стоит на то, что ты искала меня? — прервав поцелуй, спросил он, сдвигаясь с места, чтобы загородить Элоизу своим телом.

— Вообще-то...

Дрейк не дал ей договорить: его рука властно заскользила по ее спине, а его губы впились в ее рот новым поцелуем. Ему не понадобилось больших усилий, чтобы зажать Элоизу между своим телом и колонной. Она не смогла бы двинуться, даже если бы захотела этого. Впрочем, к удовлетворению Дрейка, Элоиза и не пыталась сделать это.

— Я не ожидал так скоро вновь увидеть тебя, Элоиза. — Его губы поглаживали ее подбородок, а сам Дрейк снова чуть передвинулся, чтобы полностью закрыть Элоизу.

Она хотела было ускользнуть, но потом явно передумала и улыбнулась Дрейку. Ее тело обмякло и прильнуло к его телу.

— Кто-нибудь, — заговорила она, положив ладони Дрейку на грудь, — должен обучить тебя хорошим манерам. Невежливо подстерегать молодых женщин и зажимать их по углам.

Боскасл усмехнулся.

— Кто-нибудь, — поддразнил он Элоизу, — должен купить тебе красивую одежду. Это платье...

Элоиза уронила руки вниз.

— Неужели я действительно так безобразно выгляжу? — спросила она.

— Ты — нет. — Склонив к ней голову, Дрейк стал нежно целовать Элоизу в шею. — А вот твоё платье — да. Давай избавимся от него.

— Здесь? — с ужасом спросила она.

Боскасл поднял на нее полные желания глаза.

— А мы осмелимся? — спросил он.

— Нет.

Задрожав, Элоиза вновь прижалась к колонне. Боскасл смотрел на нее с довольной

улыбкой.

— Насколько я вижу, ты так и не сняла свой жемчуг, — заметил он. — Замочек все еще барахлит?

Элоиза смущенно улыбнулась.

— Не знаю, — промолвила она. — Я не пробовала его расстегивать.

В глазах Дрейка полыхнуло удовлетворение — так торжествует хищник, уверенный в том, что избранная им жертва вот-вот попадется ему в лапы.

— А я-то думал, что меня ждет еще один нудный вечер, — сказал Дрейк. — Жди меня утром.

— Не могу я, — прошептала Элоиза. — У меня назначена другая встреча.

Боскасл отпрянул назад, приподняв брови.

— Так отмени ее, — предложил он властно.

— Не могу, — возразила Элоиза. — Я договорилась о ней еще до встречи с тобой.

— С кем? — тихо спросил Дрейк.

Элоиза явно смутилась.

— С кем ты должна увидеться, Элоиза? — настаивал Боскасл.

Элоиза откашлялась.

— Ты знаешь... С твоей сестрой. Мы говорили с тобой об этом, — напомнила она.

— Ах, ну да! Эмма. Разумеется. — Дрейк подумал, что братья обхохочутся, узнав, что он соперничает с собственной сестрой, завоевывая внимание женщины.

— Да. — кивнула Элоиза. Она была абсолютно серьезна. — Я должна пойти на беседу к ней, мне нужно место в ее академии.

Боскасл усмехнулся.

— Хочешь, чтобы я лично похлопотал за тебя? — предложил он со смехом. — Могу заверить Эмму в том, какая у тебя нежная...

— Даже не смей! — вскричала Элоиза, отчего ее грудь содрогнулась под узким лифом негнущегося платья.

— Элоиза, — проговорил Дрейк, испытывая невероятное облегчение, — разве не говорил я тебе, что ты не должна будешь больше работать? Никаких пожилых леди, подталкивающих тебя своими тростями. Никаких испорченных молоденьких девиц, которых надо спасать от всяких там негодяев и насильников...

— Боже мой! — простонала Элоиза, поднимая глаза к потолку.

Дрейк удивленно улыбнулся.

— Мне даже страшно спрашивать, что опять не так, — осторожно поинтересовался он.

— Талия! — Элоиза лишь руками всплеснула. — Сейчас я должна искать ее! Ее жених только что вернулся из Амстердама и приехал сюда, никого не предупредив, а Талия куда-то опять пропала. Боже мой!

— Сколько дней осталось до свадьбы? — спросил Дрейк.

— Я уже счет этим дням потеряла, — в отчаянии прошептала Элоиза.

— А почему сам жених ее не ищет? — рассердился Дрейк.

— Но мы же говорим о Талии, Дрейк! Она исчезла. Ты понимаешь, почему я не хочу, чтобы он разыскал ее раньше меня?

— Не можешь же ты вечно беречь ее от неприятностей, — заметил Боскасл.

— Только до свадьбы, — покачала головой Элоиза. — После этого всеми проблемами Талии будет заниматься ее муж.

Она рассеянно поцеловала Дрейка в щеку. Медленно выдохнув, он опустил руки и отступил назад. До чего же ему не хотелось ее отпускать! Опустив глаза, Боскасл скорее почувствовал, чем увидел, как Элоиза обошла его кругом. Его плоть изнывала от такого сильного желания, какого он не испытывал ни разу в жизни.

— Дрейк? — помедлив, позвала Элоиза, прикасаясь к нему рукой.

На мгновение в душе Боскасла вспыхнула надежда.

Резко обернувшись, он схватил ее за руки и, рванув, прижал к себе. Дрейк был уверен: сквозь толстую ткань старомодного платья Элоиза чувствует, как пульсирует его восставшая плоть.

— Ты мне нужна, — прошептал он таким яростным шепотом, что у нее глаза расширились от изумления. — И если ты не уйдешь немедленно, то я на глазах у всех унесу тебя отсюда на руках.

Попытившись от него, Элоиза с трудом сглотнула.

— Я только хотела попросить тебя об одном небольшом одолжении, — сказала она.

Боскасл вздохнул.

— О каком?

— Прошу тебя, не говори своей сестре, какие чувства ты ко мне испытываешь.

Дрейк молча наблюдал за тем, как Элоиза уходит от него прочь, сердце в его груди гулко отбивало барабанную дробь. Он изнывает от желания стать ее любовником, а она думает только о том, чтобы произвести хорошее впечатление на Эмму? Похоже, это именно то наказание, которое отец обещал ему в детстве и которого он, по-видимому, заслуживает.

Самое ужасное было в том, что Дрейк никогда в жизни не испытывал подобных чувств. Ни-ког-да! У физического желания обладать ею были эмоциональные корни, которые уходили в самую глубь его существа... К его сердцу?

По спине у Дрейка пробежал холодок. Он выпрямился, отгоняя от себя непривычные мысли.

Этого не может быть. Он этого не допустит. Он просто хочет обладать ею, и все.

Боскасл стоял в тени колонны, а ее фигура медленно таяла в коридоре, и лишь шорох ее платья все еще звучал в его ушах. Она также отличалась от его прошлых любовниц, как сыр отличается от мела. А ведь он даже не представлял, что может влюбиться. Больше того, чем больше Дрейк размышлял об этом, тем сильнее становилась его убежденность в том, что беспокоиться не о чем.

Он просто хочет ее, вот и все.

Через несколько минут Элоиза нашла Талию в саду — ее подопечная пряталась за статуей Пана в кустах возле пруда. Хотя ее белое платье было заметно еще издалека.

— Что это вы здесь делаете? — с досадой спросила Элоиза. — Только не говори мне, Талия, что ты опять встречаешься с каким-то мужчиной! Если это так, то я всю душу из тебя вытрясу! Теперь уж обязательно вытрясу, можешь мне поверить!

Талия потащила Элоизу за собой по дорожке вокруг пруда с рыбками.

— Ни с кем я не встречаюсь, — испуганно зашептала она. — Я тут прячусь. Встаньте передо мной, чтобы меня со стороны не было видно.

— От кого прячешься? — удивилась Элоиза. — Не от сэра Томаса часом? Тебе известно, что он здесь? Если ты передумала выходить за него замуж...

— Да знаю я, что он приехал! — перебила ее Талия, едва сдерживая слезы. — Но Перси с друзьями тоже тут, они напились и говорят обо мне всякие гадости всем, кто готов их слушать.

Элоиза запаниковала. Талия сильно переживала, в этом можно было не сомневаться. Это было чудовищным последствием бегства с Перси, которого ни Элоиза, ни Талия предвидеть не могли. Перси может погубить Талию своим злым языком. Да и Элоизе тоже достанется. Они с Талией могут запросто стать нищенками, если она не найдет способа остановить Перси.

— Дрейк! — осенило Элоизу.

Кажется, он именно тот человек, который сможет справиться с этой сложной ситуацией.

— Он был здесь всего минуту назад. Мне надо найти его.

Талия расплакалась.

— Как вы можете думать о себе в такое мгновение? — запричитала она. — Клянусь, я в жизни не встречала более эгоистичного человека, чем вы.

Элоиза, схватив Талию за плечи, как следует встряхнула ее. Она не смогла сдержаться. Талия была так поражена этим, что немедленно замолчала.

— Я хотела сказать, что нам надо разыскать лорда Дрейка — он единственный, кто может поставить Перси на место, — пояснила она. — Насколько я помню, у него уже возникало подобное желание. И мне следует обратиться к нему с просьбой вспомнить о нем.

— Где он? — едва слышным голосом спросила Талия.

— Он уходит отсюда, если уже не ушел... Я не знаю точно. В общем, мне надо поторопиться, чтобы задержать его, — сказала Элоиза.

— Нет! — закричала Талия, — Не оставляйте меня одну с Перси и его друзьями. Я сама пойду искать Боскасла.

Элоиза нехотя кивнула в знак согласия. Едва ли Талия может вернуться на вечер в таком состоянии.

— Хорошо. Только иди по саду, чтобы тебя никто не видел, да поторопись, — промолвила она. — А я уж постараюсь отвлечь Перси. Кстати, где же он?

Талия, смотревшая куда-то за спину Элоизы, испуганно вскрикнула.

— Он только что вышел на террасу и, кажется, он меня увидел, — прошептала она.

— Тогда поскорее разыщи лорда Дрейка.

Талия зажала рот рукой.

— Только не допустите, чтобы Перси погубил меня, прошу вас. Ведь если это произойдет, дело закончится тем, что сэр Томас разорвет нашу помолвку. И я навсегда останусь незамужней!

— Нет, этого не произойдет, — уверенно проговорила Элоиза, подталкивая свою подопечную в сторону сада. — Никто ни о чем не узнает, даже если мне придется сделать что-то... что-то ужасное.

Талия с беспокойством посмотрела на нее.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила она.

Элоиза не ответила. Она уже повернулась, чтобы встретить врага лицом к лицу; компаньонка знатной леди превратилась в странствующего рыцаря. Правда, она понятия не имела о том, как поступить с пьяным негодяем. И все же ей придется сделать что-то, чтобы предотвратить его встречу с сэром Томасом.

Неожиданно Перси оказался на дорожке прямо против нее. Элоиза попятилась к низкому каменному бордюру, окаймлявшему водную поверхность. Перси нахально разглядывал ее.

— Да ладно тебе, посмотри-ка на меня, — медленно промолвил он. — А где же твоя маленькая овечка? Последний раз, когда я ее видел, она лежала в моей постели.

Элоиза отпрянула назад. Перси уверенно наступал на нее, а отступать было уже некуда, позади был пруд, впереди колючие заросли.

— Я вас предупреждаю, — тихо проговорила Элоиза. — Если только вы посмеете хоть словом обмолвиться о том, что произошло, вы глубоко пожалеете об этом.

Перси вульгарно ей подмигнул.

— Может, хочешь откупиться от меня, а? А у тебя есть что-нибудь, чем ты можешь заплатить за мое молчание?

— Не говорите мерзостей, — холодно произнесла Элоиза.

Перси обвел ее похотливым взглядом с головы до ног.

— В жизни не видел такого уродливого платья, — сказал он. — Давай-ка посмотрим, не лучше ли то, что под ним.

Он потянулся рукой к подолу ее платья. Она едва сдерживала гнев.

— Да ты грязный развратник! — крикнула она. — А для такого типа нет ничего лучше, чем холодная ванна.

Перси не слишком твердо держался на ногах, так что Элоизе не пришлось прилагать больших усилий, чтобы лишить его равновесия. Развернувшись, она толкнула мерзавца в плечо, и он полетел в пруд.

Элоиза в ужасе наблюдала, как Перси барахтается в воде.

Голова его показалась над водой, желтые волосы клочьями налипли на лоб. Элоиза морщилась, слушая проклятия, которыми он ее осыпал. Но что еще хуже, Перси наполовину вылез из воды и умудрился схватить ее за лодыжку.

— Ах ты, идиотка, сукина...

Элоиза не дала Перси договорить: приподняв вторую ногу, она прицелилась ему в плечо и снова сбросила его в пруд. Перси отчаянно заколотил руками по воде.

— Помогите! — завопил он, вытягивая шею над водой. — Эта сумасшедшая пытается меня убить!

Нахлебавшийся воды Перси плюнул ее в сторону.

— Посмотрим, что ты со мной сделаешь!

Вылезши из воды, он еще крепче схватил Элоизу за подол платья. Она почувствовала, что теряет равновесие, и попыталась удержаться, зацепившись ногой за край низкого бордюра.

— Ты так и не усвоил урок? — презрительно спросила она.

В ответ Перси лишь расхохотался. Ему удалось оторвать от ее панталон кружевную оборку, которую он с вызовом подбросил высоко в воздух. Элоиза вскрикнула, не замечая ни звука шагов, раздавшихся у нее за спиной, ни шума голосов, доносившихся с террасы. Ее юбка намочила, волосы растрепались. Внезапно чьи-то сильные руки подняли ее в воздух и опустили на дорожку.

Бледное мокрое лицо Перси перекосилось от страха, когда он понял, кто пришел Элоизе на помощь.

— Господи, да она же настоящая дикарка, Боскасл, — быстро проговорил он. — Видели бы вы, как она на меня напала. Дайте мне руку! Только смотрите...

Дрейк поставил ногу на каменный бордюр и потянулся к Перси. Тот успел бросить на Элоизу злобный взгляд, а потом его голова очутилась под водой.

Едва Перси успевал сделать вдох, как Дрейк окунал его снова в воду.

Дрожа от гнева, Элоиза наклонилась, чтобы выжать свою юбку. Когда она выпрямилась, на берегу пруда стояло еще двое мужчин. В одном из них она узнала младшего брата Дрейка, красавчика Девона. Другой был немного постарше, но тоже очень привлекательный, хорошо сложенный, с короткими темными волосами. По манере поведения он чем-то походил на братьев Боскаслов, но вот внешнего сходства Элоиза не заметила, лицо мужчины было несколько грубоватым.

Он приветливо улыбнулся ей. Элоиза заставила себя кивнуть в ответ.

— А что это Перси делает в пруду, Дрейк? — осторожно спросил Девон.

Дрейк невозмутимо ответил:

— Яблоки ртом из воды достает, как на Хэллоуин. Хочешь присоединиться к нам?

Девон оглянулся на стоявшего за ним человека.

— Похоже, мы пришли сюда яблоки из воды губами вытаскивать, Доминик. Пойдешь к нам в компанию?

Человек по имени Доминик шагнул вперед и закатал рукава, обнажив мускулистые руки.

— Возможно, вам лучше на это не смотреть, — ласково обратился он к Элоизе. — Иногда сбор яблок кажется со стороны немного грубым делом.

Дрейк вытащил Перси из воды за шиворот.

— Что-то не нравится мне, как ты выглядишь, Чапмен, — проговорил он. — Думаю, долгий отдых в Уэльсе поможет тебе поправить здоровье.

— В Уэльсе? — сплунув слюну, переспросил Перси. — Но это же так далеко, настоящая глушь, да и родных у меня там нет.

— Хорошо, — тихо и холодно вымолвил Дрейк. — Тогда в Шотландию. — Дрейк бросил на Элоизу долгий встревоженный взгляд. — Иди в мой экипаж, подожди там, — сказал он.

— Никуда я не пойду, — ответила Элоиза. — Леди Хитон может поинтересоваться, куда делись Талия и я.

Вернуться на бал в таком виде она тоже не могла. Однако было понятно, что Дрейк не

хочет, чтобы она видела, что же они собираются сделать с Перси.

Элоиза отступила назад, в кусты. Несколько человек вышли из дома на террасу. Элоиза решила прятаться за статуей Пана до тех пор, пока они не разойдутся. Оставалось только надеяться, что гости не заметят ее, а у Талии хватит здравого смысла уговорить сэра Томаса отвезти ее домой.

Обернувшись, Элоиза неожиданно оказалась лицом к лицу с красивой молодой женщиной в элегантном вечернем платье цвета слоновой кости. Живые синие глаза и блестящие черные волосы служили верным признаком того, что она принадлежит к семье Боскаслов. Дополнительным доказательством была лукавая улыбка, которой она наградила Элоизу.

— Я Хлоя, сестра двух паршивцев, что возятся возле пруда, и жена третьего. Полагаю, тот тип, которого они топят, сделал вам что-то обидное.

Элоиза поежилась на прохладном ветерке, гулявшем по саду.

— Вот, — промолвила Хлоя приветливо, стягивая с себя тонкую шерстяную шаль. — Накиньте это. К вашему платью шаль не слишком подходит, но в ней вы хотя бы...

— К этому платью ничего не подходит, — пробормотала Элоиза. — Но все равно благодарю вас. Меня зовут Элоиза Гудвин, и я... — Господи, ну как же ей объяснить, какое отношение она имеет к брату Хлои?

— Вы — кто? — подсказала Хлоя, отводя взор от своего мужа, который тряс находящегося в пруду человека, как дохлую крысу.

Элоиза задумалась, к тому же открывавшаяся ее взору сцена отвлекала ее внимание. Мужчины разошлись вовсю. Дрейк снял с себя фрак, оставшись в белой муслиновой рубашке, которая очень эффектно облегла его мускулистые грудь и руки, и стоял, слегка расставив ноги, у самой кромки воды.

Где-то в животе у Элоизы пробежала дрожь. Ее покровитель и защитник. Сильный, мужественный самец. Мужчина, который следует лишь собственному темному моральному кодексу.

Элоиза только догадываться могла о том, чего может потребовать такой любовник, но если сейчас он демонстрирует ей, как далеко может зайти его желание защищать ее, у нее не остается шансов. Ее сердце принадлежит Дрейку Боскаслу.

— Я... я... — запинаясь, пробормотала Элоиза.

Чутье подсказало ей, что за нею наблюдают. Она обернулась. На террасе собралась небольшая толпа зрителей; некоторые из них уже спускались вниз по лестнице, чтобы лучше увидеть действие, разыгравшееся на берегу пруда.

Три леди в элегантных платьях, а с ними джентльмен, постарше дам, но очень приятной наружности. Младшая из женщин — хрупкая, рыжеволосая — медленно выступила вперед, чтобы посмотреть на Элоизу.

Нет, нет, нет! Кровь прилила к лицу Элоизы, когда она поймала на себе изумленный взгляд женщины. Только не она! Элоиза оцепенела, моля про себя Господа, чтобы виконтесса Лайонс не узнала ее в таком нелепом виде.

— Эмма! — радостно закричала Хлоя, выступая вперед, чтобы поздороваться с сестрой. — Как я рада тебя видеть. — Понизив голос, она добавила: — Не знаю, что за люди тебя сопровождают, но, честно говоря, я бы предложила тебе прогуляться с ними вокруг пруда.

Элоиза рискнула еще раз посмотреть на леди Лайонс, и ее сердце упало. Увы, никакой

надежды на то, что виконтесса ее не узнала. Не стоило также притворяться, что она не имеет отношения к происходящему в пруду.

Глубоко вздохнув, Элоиза промолвила:

— Добрый вечер, леди Лайонс. Какая неожиданная встреча! Как я рада встретить вас здесь!

— Неожиданная? — Синие глаза Эммы вопросительно уставились на Элоизу. — Да уж. Только я не уверена в том, что происходящее — такая уж большая радость.

Хлоя лукаво подмигнула Элоизе.

— Да уж, во всяком случае, для того парня, которого окунают в воду, — сказала она с улыбкой.

Эмме следовало знать, что в том месте, где собираются Боскаслы, скандала не избежать. Да стоило только двум Боскаслам оказаться рядом, как дьявол тут же присоединялся третьим и пускал в ход свои козни.

Возможно, ситуация не была бы столь тревожной, приди Эмма сюда одна. Но граф Хейдон и его напыщенная супруга настояли на том, чтобы прогуляться по саду. И Эмма не смогла отказать им, ведь она отчаянно нуждалась в их финансовой поддержке для своей академии. Ей оставалось только молить Бога, чтобы ее престарелых благодетелей подвело зрение и они не разглядели бы, что за озорная компания возится на краю пруда, или того, что ее родная сестрица Хлоя наблюдает за происходящим с явным удовольствием, а также того, что стоявшая перед Хлоей особа в вымокшем безобразном платье — та самая молодая женщина, которую Эмма намеревалась нанять на должность помощницы главы зарождающейся академии.

Академии, которая, возможно, погибнет во младенчестве, если леди Хейдон, редко бывавшая в Лондоне, поймет, какие скандалисты все эти Боскаслы.

— Боже мой, — промолвила седовласая графиня, пытаясь разглядеть, что же происходит за спиной у Эммы, — кажется, я вижу у пруда четырех человек. Что это они там делают?

— Полагаю, лучше и не спрашивать об этом, — заметил граф, в глазах которого полыхнул задорный огонек — похоже, граф невольно вспомнил собственную разгульную юность.

Эмма облизнула губы.

— Как я уже объясняла вам, — заговорила она, — я лично выбираю каждого учителя после целой серии собеседований. Разумеется, внимательнейшим образом изучив рекомендации и убедившись в их подлинности. К примеру, наш учитель танцев преподавал при французском дворе...

— Господи! — восхищенно воскликнул граф. — Похоже, они там с яблоками в воде развлекаются. Какая отличная забава! Мне бы тоже хотелось присоединиться к ним.

Графиня демонстративно вздохнула, плотно сжав тонкие губы.

— Это человеческая голова, Генри, — сухо сказала она. — А вовсе не яблоко.

— Человеческая голова? — повторил граф, усмехнувшись. — Что ж, в таком случае это еще забавнее.

Эмма закрыла глаза при виде побледневшего лица Перси, который судорожно хватал ртом воздух, в то время как ее братья нависли над ним как два чудовища. Но какое отношение к происходящему имеет Элоиза Гудвин?

— Н-на... г-год? — запинаясь, спросил Перси.

— Да, на год, или тебе конец, — с безжалостной усмешкой подтвердил Доминик.

— Смерть в рыбном прудике? — покачал головой Девон. — Где твое достоинство?

Эмма открыла глаза, пробормотав:

— Да, пожалуйста! — На слове «пожалуйста» она сделала особое ударение. — Кто-то должен подумать о достоинстве!

Эмма перевела взор на Элоизу, на лице которой — в этом не было никакого сомнения — застыло выражение вины.

— Мисс Гудвин, — промолвила она презрительным тоном, — я не ожидала, что вы окажетесь втянуты в подобное происшествие.

Элоиза покорно кивнула.

— Полагаю, вы больше не захотите иметь со мною дело, — вымолвила она. — Я вас понимаю. Возможно, вы захотите сказать мне, чтобы я больше не смела появляться даже у ваших дверей, но и это не покажется мне слишком грубым, больше того, я сочту вас весьма вежливой. И не буду на вас в обиде.

Эмма нахмурилась:

— Ваши слова чересчур драматичны, мисс Гудвин, хотя и не так уж далеки от моих истинных чувств. Правда, признаюсь, я бы с большей радостью отказала от своего дома лорду Дрейку. И посоветовала бы ему не топить людей в прудах. — Она с презрением прищурилась. — Это они ведь Перси Чапмена окунают, не так ли?

— Да, — кивнула Хлоя, положив руку в знак поддержки на плечо Элоизы. — Я точно не знаю, что тут произошло, но ничуть не сомневаюсь в том, что он заслуживает того, чтобы его утопили.

— Но не на балу же, не на глазах многочисленных гостей! — в отчаянии выкрикнула Эмма. — Почему, мисс Гудвин? Почему? Как вы могли допустить, чтобы вас втянули в эту историю? И где, скажите мне, ради Бога, вы раздобыли такое платье?

Элоиза то ли вздохнула, то ли всхлипнула — вид у нее был как у жертвы, готовой взойти на эшафот.

— Я всего лишь исполняла свои обязанности, леди Лайонс, — сказала она. — И я не могу сейчас объяснить вам, откуда у меня это платье, лишь хотела бы заметить, что оно явно приносит неудачу.

Элоиза с трудом поднималась по высоким ступеням в свою комнату. Дом погрузился в непривычную тишину, и Элоиза была рада тому, что ей не встретился никто из слуг, которые непременно поинтересовались бы у нее, как прошел вечер. У нее не было настроения обсуждать это. Более того, она была рада еще и тому, что Талия до сих пор не вернулась домой. Наверняка она сейчас со своим женихом и его семьей. Талия не одна. Ее защитят при необходимости.

Перси Чапмен отправится в долгую ссылку, так что Талия успеет сыграть свадьбу. Жених и невеста уедут из Лондона и будут жить благополучно в одном из поместий сэра Томаса за городом. Во всяком случае, на это есть надежда.

Но все это касается только Талии и ее мужа, благослови Господь его ничего не подозревающую душу. Элоиза свои обязанности выполнила.

А свою собственную судьбу запечатала сделкой.

Разумеется, после происшествия у пруда леди Лайонс больше не предложит ей места. Да и кто в здравом уме предложил бы? Но ей пришлось бы ох как несладко, если бы Дрейк не зашел в деле мести так далеко. Помогите ей, Господи, но она любит этого человека! И если она когда-либо сомневалась в этом, то ее сомнения развеялись, едва она увидела, как он без раздумий пришел ей на помощь. Элоиза стянула с себя шаль, которую веселая сестра Дрейка дала ей в саду. Девон, Эмма, Хлоя и даже Гейбриел — все они были очень красивы, все привлекали к себе внимание. Похоже, эти качества у них в крови.

Тоскливо вздохнув, Элоиза подумала о том, будет ли она когда-нибудь носить ребенка Дрейка. Впрочем, у нее было к этому двойственное отношение. В брак она верила, практичное сердце подсказывало ей, что брак — вещь стоящая, а вот родить незаконного ребенка не слишком хорошо. Элоиза всегда считала, что если уж она забеременеет, то...

Она ведь, уходя, закрыла дверь гардероба, не так ли? Открытые двери гардероба — хорошая приманка для моли, а у нее есть несколько приличных шерстяных платьев, которые надо беречь.

Расстегнув крючки на своем мокром платье, Элоиза направилась к гардеробу, спустив до талии рукава и лиф платья.

Элоиза вынула из шкафа очаровательную ночную сорочку цвета полыни — это была одна из немногих кокетливых вещиц, которую она могла себе позволить, и закрыла дверь гардероба.

А за дверью, как выяснилось, стоял герой ее ночных кошмаров Ральф Хокинс. Человек, погубивший ее жизнь. В руках у Ральфа сверкал большой кухонный нож.

* * *

Дрейк направился к своему экипажу, но тут его остановила Эмма. Он увидел, что лицо сестры перекошено от гнева. Дрейк напомнил себе, что очень любит сестру. Если бы возникла такая необходимость, он не пожалел бы жизни, чтобы спасти ее, но находиться рядом они не могли; отличавшиеся друг от друга как лед и пламень, брат и сестра тут же начинали конфликтовать. Эмма неодобрительно относилась ко всему, что делал Дрейк, а

сам Дрейк считал Эмму сущим исчадием ада и терпел ее просто потому... да, потому, что она приходилась ему сестрой.

Дрейк нахмурился и кивком приказал лакею отойти в сторону.

— Я опаздываю на свидание, Эмма, — сказал он. — Так что тебе придется подождать со своей лекцией на темы морали.

— На свидание? — удивилась она. — В столь поздний час?

— Тебе давно пора быть в постели, не так ли? — ехидно спросил Дрейк. — Странно видеть тебя вне дома поздним вечером. Разве ты не боишься, что холодный ночной воздух тебе повредит?

— Садись в карету, Дрейк, — тихо промолвила она. — Достаточно уже для одного вечера выяснения отношений на людях.

Вздыхнув, Дрейк влез следом за сестрой в собственный экипаж. Эмма села напротив него, ее синие глаза были полны возмущения.

— Вот что я тебе скажу, Эмма, — первым заговорил он. — Вдовство не идет тебе на пользу. Тебе необходимо выйти замуж.

— Когда мне понадобится твой совет, я тебе непременно об этом скажу, — съязвила в ответ Эмма, расправляя на плечах шаль.

— Из-за чего у тебя такое отвратительное настроение? — спросил он.

— Из-за тебя.

На губах Дрейка промелькнула усмешка.

— А я-то полагал, что благонаправная леди Лайонс будет довольна тем, что мерзавца Перси Чапмена изгнали из общества, — заметил он.

— Ты топил этого кретина в пруду для рыбы вовсе не по доброте душевной и не по велению благородного сердца, — вымолвила Эмма.

Дрейк притворился, что ее слова его ничуть не задели.

— Разумеется, — кивнул он. — Просто я забыл на время, что у меня нет сердца, о чем ты и остальные члены нашей семьи так любят напоминать мне.

— Только не надо строить из себя великомученика, ладно? — сказала Эмма. — Ты так удачно сжился с ролью утерявшего иллюзии циника, что другая роль тебе как-то не идет.

— Бог тебя простит, — пробормотал Дрейк. — За великомученика.

— Но почему именно она? — спросила Эмма. — Почему именно ее ты выбрал из всех молодых жительниц Лондона, которые были бы рады играть с тобой в твои игры? Почему именно Элоиза Гудвин?

Улыбка, снова мелькнувшая на губах Дрейка, тут же исчезла.

— Почему именно она? — с деланным равнодушием переспросил он. — А почему бы и нет?

— Она же порядочная женщина, Дрейк, и ей пришлось много работать, приложить немало усилий к тому, чтобы заработать хорошую репутацию в обществе, которое никогда не оценит ее жертвы. Семья прогнала мисс Гудвин из дома и отвернулась от нее шесть лет назад, и с тех пор она совсем одинока.

Дрейк слегка вздрогнул. Этого Элоиза ему про себя не рассказывала. Так ее выгнали из дома? Интересно, что она такого натворила? Не очень-то Элоиза подходила под тот тип женщин, которых он называл «мятежными натурами».

— А что произошло между Элоизой и ее семьей? — небрежным тоном поинтересовался Дрейк.

— Я не спрашивала, — ответила Эмма. — У нее отличные рекомендации, она известна как хорошая наставница и компаньонка, и не смей менять тему разговора! Почему? Почему из всех женщин, жаждущих завоевать твоё внимание, ты выбрал именно ее? Именно ее решил соблазнить?

Дрейк тоскливо вздохнул.

— А кто сказал, что я хочу ее соблазнить? — раздраженно спросил он.

— Да ты настоящий дьявол! Я прекрасно представляю себе, что случилось этим вечером. Перси сделал ей непристойное предложение. И ты, уже наметив ее на роль своей будущей жертвы, как обычно, испытал приступ ярости. Для того чтобы охладить пыл Перси, ты стал окуна́ть его в холодную воду.

— Боже мой! — Веки Дрейка тяжело опустились, выражение его лица оставалось непроницаемым. — Подумать только, в мгновение ока ты меня из великомученика превратила в негодяя.

— И все это произошло именно в этот вечер! — с досадой проговорила Эмма, поднимая руку, затянутую в белую перчатку. — Да еще каких-нибудь две недели тому назад Перси Чапмен дважды на такую, как Элоиза Гудвин, и не взглянул бы. Но как только ее имя стали упоминать вместе с твоим, ее стали считать не столь уж добродетельной.

Несколько мгновений Дрейк молчал.

— Ну вот, ты же сама знаешь, что обо мне говорят, — наконец произнес он. — Стоит женщине показаться в моей компании, как ее репутации конец.

— Но ее репутация была безупречной! Я собиралась дать ей работу в академии, а теперь это едва ли возможно, потому что супруги Хейдоны, которые оказывают финансовую поддержку моей академии, видели безобразную сцену возле пруда для рыбы. И в ней, между прочим, активное участие принимали члены семейства Боскаслов! — возмущенно сказала Эмма.

Дрейк резко выпрямился.

— Хочу еще раз повторить тебе, — сердито произнес он, чеканя каждое слово, — ты понятия не имеешь о том, что говоришь.

— Так расскажи мне, в чем дело, — попросила Эмма.

— Я... — Дрейк тяжело откинулся на спинку сиденья.

Честно говоря, он и сам не слишком понимал, почему вся эта история его так волнует.

— Начнем сначала. Элоиза вовсе не защищалась от домогательств Перси. Она защищала свою клиентку.

— Талию Торнтон, — кивнула Эмма, скривив презрительную гримасу. — Это невыносимое создание. Ей повезло, что она поймала на крючок сэра Томаса. Похоже, он человек порядочный.

— Да. И так уж случилось, что Перси на вечере угрожал раскрыть некоторые факты личного характера, касающиеся Талии. Элоиза пыталась разубедить его, когда появился я. Она не хотела, чтобы Перси встретился с сэром Томасом.

Лицо Эммы немного просветлело.

— Похоже, твои слова объясняют сегодняшний инцидент, — проговорила она, но тут же добавила: — Однако они не объясняют, какое отношение Элоиза Гудвин имеет к тебе.

— Не уверен, что готов объяснить это. — Дрейк покачал головой и хмуро улыбнулся. — Я еще и сам толком не понимаю, что происходит... В общем, я попросил Элоизу стать моей любовницей.

— И она приняла твоё предложение? — спокойно спросила Эмма.

Дрейк отвернулся. Он понятия не имел о том, зачем рассказал все это сестре. Впрочем, возможно, из-за желания защитить Элоизу.

— А тебя ещё не ищут, Эмма? — спросил он, меняя тему разговора. — Уверен, что в эту самую минуту кто-то из гостей совершает какую-нибудь роковую ошибку общественного характера, которую только ты в состоянии исправить.

Эмма тихо пробормотала что-то весьма напоминающее непристойное ругательство. Впрочем, учитывая, что она — это сама леди Совершенство, можно предположить и то, что Эмма просто процитировала Библию. Дрейк отчетливо расслышал, что слова «Бог» «преисподняя» и «дьявол» Эмма употребляла в сочетании с его именем.

Сестра ударила его кулаком по колену.

— Так Элоиза согласилась стать твоей любовницей? — снова спросила она.

— Виконтессам драться не полагается, — холодно заметил Дрейк.

Эмма снова ударила его, причем на этот раз довольно ощутимо.

— А как насчет убийства?

— Хватит! — Дрейк нежно, но крепко перехватил её руку. — Добродетель каждой лондонской женщины тебя не должна волновать.

— Я толкую только о добродетели Элоизы Гудвин.

— А я — нет. И для разнообразия перестань совать свой нос в мои дела. Они тебя не касаются, — вымолвил Дрейк. — А уж её дела — тем более.

Брат и сестра уставились друг на друга. Дрейк видел презрение в глазах Эммы и отказывался верить в то, что оно больно ранит его. Дьявол, его вообще не должно волновать, что о нём думает его сестрица, которая так любит совать свой нос в чужие дела! Именно Эмма отличается от всех Боскаслов, она, а не он. Потому что всем остальным очень даже нравится не утруждать себя соблюдением строгих норм этикета.

— Знаешь, ты точно такой же, как он, — тихо промолвила Эмма. — Ты похож на отца больше, чем кто-либо из нашей семьи.

Дрейк улыбнулся, не желая показывать Эмме, как глубоко задела его её слова.

— Не понимаю я, — пожал он плечами, — ты хотела сделать мне комплимент или оскорбить меня?

— Я и сама не понимаю. — Эмма высвободила свою руку из его руки. — А теперь мне нужно вернуться на вечер и постараться исправить тот ущерб, который ты мне нанес своим поведением. — Она встала, с сожалением глядя на брата. — Просто мне жаль, что ты не выбрал другую женщину, Дрейк.

* * *

Элоиза была до того испугана, что не могла кричать, ведь ей удалось убедить себя в том, что Ральф не вернется. Как долго он прячется в её комнате? Ей удалось отступить назад, кровь в её жилах застыла, мышцы окаменели. Элоиза едва нашла в себе силы натянуть лиф на тонкую сорочку, едва прикрывавшую её грудь.

— Удивлена, Элли? — Ральф отбросил нож в сторону, в его глазах застыло насмешливое выражение. — Рад снова видеть тебя.

Сердце Элоизы тяжело застучало, она с трудом сглотнула, силясь преодолеть

сковывавший ее страх.

— Не могу сказать, что я разделяю с тобой эту радость, — пролепетала она.

— Ты ходила куда-то развлекаться, да? — тихо спросил он.

— Я выполняла свою работу, — вымолвила Элоиза, пятясь на одеревеневших ногах к кровати.

За годы работы ей приходилось иметь дело с агрессивными молодыми людьми, и она знала, что за их агрессией чаще всего стоит банальная бравада. Но теперь она имеет дело с Ральфом, который приехал в Лондон специально для того, чтобы увидеть ее. Он поджидал Элоизу в ее комнате. Еще никто и никогда не угрожал ей ножом. Сама атмосфера в комнате была полна опасности, и Элоиза чувствовала, что ситуация совсем не похожа на те, в каких она когда-либо оказывалась.

— А ты, похоже, притомилась, любимая, — сказал Ральф. — Не можешь защитить себя, да?

Он наступал на нее. Потеряв равновесие, Элоиза упала на покрывало. Ральф подошел к кровати и склонился над нею, злобно ухмыльнувшись.

— Вот и отлично, Элли, — пробормотал он. — Давай-ка покувыркаемся на твоей кровати.

— Чего ты хочешь? — холодно спросила Элоиза, резко садясь.

Внезапно ее страх прошел, уступив место отвращению — от него несло джином и застарелым потом.

— У меня в кармане ни гроша, а ты передо мной в долгу, — вымолвил Ральф.

Элоиза облегченно вздохнула. Деньги! Слава Богу, ему нужны только деньги.

— Сейчас денег у меня нет, — сказала она. — Мне целый месяц не платили. Так что тебе придется прийти попозже.

— А это еще что? — спросил Ральф, цепляя пальцем жемчужное ожерелье, тускло поблескивавшее на шее Элоизы.

— На что это, по-твоему, похоже? — прошептала она.

— Мне уже почти жаль, что я не женился на тебе, Элли, — принялся рассуждать Ральф, — хотя, на мой вкус, ты чересчур современна. Мне нравятся девушки понятливые, но молчаливые. Я люблю, когда...

Ральф хотел было погладить щеку Элоизы, но его рука застыла в воздухе, когда он увидел, что прямо на него нацелено дуло пистолета — это был один из тех дуэльных пистолетов Торнтонна, которые Элоиза держала у себя у изголовье кровати с тех пор, как лорд покинул дом. Она уперлась локтями в колени, чтобы Ральф не заметил, как неуклюже она держит оружие.

— Как жаль, что я не дала Милдред и ее кузенам убить тебя, когда они хотели это сделать, — промолвила она.

Лицо Ральфа помрачнело.

— Да уж, когда я доберусь до этой ведьмы, она тоже пожалеет о том, что не убила меня, — проворчал он. — А ведь когда-то ты была милой девчушкой, Элли. Ты...

— Я больше не милая девчушка, — грубо перебила его Элоиза. — Когда-то я служила компаньонкой у одной престарелой баронессы, которая любила охоту больше жизни. Так что вышибить тебе мозги или прострелить тебе одно замечательное место могу запросто. Тебя устраивает такая перспектива?

Ральф неуверенно улыбнулся. Элоиза направила дуло ему в лицо.

— Не думаю, что тебе удастся разыскать Милдред, но если ты и сделаешь это, то она, надеюсь, завершит то, что намеревалась сделать шесть лет назад.

Ральф отступил от нее, но Элоиза не собиралась доверять ему. Он прятался в ее комнате, угрожал ей ножом. Она держала его на мушке даже тогда, когда он подошел к двери.

— Ты выйдешь из дома через сад, Ральф, — холодно проговорила Элоиза.

Ральф вскрикнул, ударившись о дверную ручку.

— Почему это я должен выходить через сад? — спросил он.

— Да потому что я скорее убью тебя, чем позволю кому-то узнать, что ты имеешь ко мне какое-то отношение.

— Но я не знаю дороги, — пробормотал Ральф.

Элоиза наконец-то смогла вздохнуть полной грудью. Он все еще такой же мерзкий трус.

— Я покажу тебе дорогу, — сказала она. — Кстати, имей в виду, что внизу спят двое мужчин, которые немедленно прибегут мне на помощь, если я закричу.

Должно быть, ей удалось говорить убедительным тоном, потому что Ральф беспрекословно вышел из комнаты и спустился впереди нее по лестнице, не проронив больше ни слова.

У садовых ворот Ральф остановился и сделал неловкую попытку обнять Элоизу.

— Поцелуемся на прощание, — сказал он.

Она ткнула пистолетом ему в ребра.

— Убирайся, — с презрением прошептала Элоиза. — И больше никогда не возвращайся, иначе я обо всем расскажу лорду Дрейку.

Прищурившись, Ральф попятился назад, на улицу.

— Какому лорду? — переспросил он.

— Такому, которого ты едва ли встретишь в тех затрапезных заведениях, завсегдатаем которых являешься. — Элоиза захлопнула ворота. В этот момент из-за угла выехала незнакомая карета. — Думаю, это как раз он и есть, — проговорила она. — Убирайся отсюда, пока он тебя не увидел.

Грейсон Боскасл и сопровождавшие его мужчины ступили из кареты на дорогу с таким видом, словно она им принадлежала. Рядом с Грейсоном шли его младшие братья, Хит и Девон.

Грейсон был самым крупным в этой группе. Светловолосый, харизматичный, одетый в черное, он получал явное удовольствие от своего главенствующего положения. Его брат Хит, выглядевший не менее внушительно, прямо-таки излучал силу и уверенность. В руке он держал подозрительную трубу. Девон, самый молодой, чувственный, с игривой натурой, имел, однако, солидный военный опыт и в мгновение ока мог доказать, что иметь дело с ним весьма опасно.

Замыкал шествие Доминик Брекланд, виконт Стратфилд, на грубом лице которого застыло одобрительное выражение. Он отлично поладил с Боскаслами, войдя в их семью, и был всегда готов защищать их интересы. Лишь полный глупец мог попытаться противостоять этой группе уверенных в себе мужчин, которые собрались здесь по собственной воле. И все же, несмотря на их смелость, ни один из них не хотел, чтобы Дрейк узнал, что они втайне от него расследуют причины его странного поведения в последнее время.

Инициатором собрания был Девон, призвавший родных срочно обсудить увлечение

Дрейка женщиной, из-за которой он уже дрался на дуэли. До сих пор Дрейк ни разу не выказывал столь сильного интереса ни к одной женщине и уж тем более не старался скрывать это.

Именно Девон заметил в саду Элоизу и какого-то мужчину, который не был похож на домашнего слугу. Хит направил подзорную трубу на сад.

— Что-то тут не так, ты не находишь? — спросил Девон Хита.

Хит оставался совершенно спокойным — он меньше остальных Боскаслов был склонен к поспешным решениям.

— Да, — произнес Хит через некоторое время, — похоже, тут действительно пахнет какой-то тайной. В руке у нее пистолет.

— Уж больно она решительна и мила, — нахмурившись, промолвил Девон. — Я и не предполагал, что она может быть такой.

— Не вижу ничего милого в том, чтобы пускать ночью в дом мужчину и выставять его оттуда ночью же, — сухо заметил Доминик.

— И это говорит человек, имеющий богатый опыт проникновения в спальню моей сестры? — не отрываясь от созерцания, сказал Хит.

Доминик улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Но я же женился на ней, — вымолвил он.

— Что там происходит? — поинтересовался Грейсон у Хита.

— Этот тип пытался обнять ее, и она ткнула ему в бок пистолетом, — после недолгого молчания ответил Хит.

— Возможно, мисс Элоиза Гудвин не та, за кого себя выдает, — заметил Грейсон.

— Да уж, подозрительно она себя ведет, ничего не скажешь, — заключил Доминик.

Грейсон недовольно скрестил на груди руки.

— Мы должны непременно разузнать обо всем этом побольше, — заявил он.

Хит направил подзорную трубу на человека, уходившего прочь от дома Элоизы.

— Что ж, тогда решено, — вымолвил он. — Мы узнаем об этом типе все, что можно.

— Но Дрейку совершенно ни к чему об этом знать, — промолвил Грейсон с высокомерной усмешкой. — Во всяком случае, пока.

После ухода Ральфа Элоиза никак не могла заснуть. Даже когда спустя три часа леди Хитон с сыном привезли Талию домой, она все еще бодрствовала. Элоиза слышала, как они весело смеялись внизу, слышала, как Талия быстро поднялась наверх. Наконец Элоиза заснула. Перед этим она думала не о Ральфе — ее приятные размышления были о Дрейке, который потребовал, чтобы она была готова принять его утром. Хотя, возможно, после того, что произошло на балу, он и забыл о своих словах.

Но если только он о них вспомнит и поинтересуется, к какому же решению она пришла, она... Решимость оставила Элоизу. Дрейк доказал, что может быть ее защитником. Он пришел ей на помощь, не раздумывая ни мгновения, и теперь настала ее очередь либо принять его предложение, либо отказать ему. Без сомнения, он защитит ее и от Ральфа, вот только ей понадобится смелость, чтобы рассказать Дрейку о своем прошлом. Это ее пугало, она чувствовала себя настоящей трусихой.

Что и говорить, одинокая женщина во многом беззащитна перед обстоятельствами жизни. Но, отдавшись во власть Дрейка, она будет беззащитна перед ним. Что бы ни попросил он в ответ на свою заботу и покровительство, она не сможет отказать ему ни в чем.

Засыпая, Элоиза подумала о том, что тоже кое-чего потребует от Дрейка. Например, ему будет запрещено посещать бордели. И еще, он не сможет соблазнять ее где и когда ему заблагорассудится.

Не прошло и часа, как Элоиза проснулась, чувствуя, что находится в комнате не одна. Она не слышала, как открывалась дверь, но рядом с ней в постели лежала теплая мужская фигура, и это был не сон... И она... голая... Элоиза открыла глаза.

Взор Элоизы встретился с тяжелым взглядом Дрейка, полным нескрываемого желания. Его правая рука, скользя по ее спине, дотронулась до ее голой поясницы. Элоиза смотрела на его лицо, полускрытое в тени, чувствуя себя одновременно расслабленной и возбужденной. Как давно этот дьявол лежит рядом с нею в постели?

Сердце Элоизы тяжело застучало, силясь вырваться из груди.

— Ты же обещал прийти утром, — едва нашла в себе силы вымолвить она.

— Я не мог дожидаться утра. — Наклонившись к Элоизе, Боскасл поцеловал ее в губы. — Ты простишь меня за это?

Ну как она может не простить Дрейка? Он ведь здесь, в ее постели, и она должна быть счастлива, хотя такое счастье и греховно. Зато теперь она в безопасности.

— Кто-нибудь мог слышать, как ты вошел, — прошептала Элоиза.

— Все спят, — произнес он, ласково поглаживая ее обнаженное бедро. — Я подождал, чтобы убедиться в этом.

Ее губы задрожали, когда Дрейк снова припал к ним поцелуем. А потом его язык проскользнул сквозь них, и в это же время его пальцы проникли в ее нежное лоно. Элоиза удивленно вскрикнула, а ее тело невольно выгнулось от неожиданной и столь смелой ласки.

— Мне казалось, что до утра целая вечность, — прошептал Дрейк.

Элоиза сладострастно застонала. Ей захотелось забыть обо всем, что произошло прошлым вечером. Ее тело уже изнывало по его ласкам, а его сильные пальцы проникали все глубже, отчего сладкая истома все сильнее охватывала Элоизу.

— Я прощен? — спросил он, целуя ее.

Дрейк Боскасл еще ни к одной женщине не испытывал такой нежности. Он не хотел думать о том, что бы это могло значить и чем могло кончиться. И еще Дрейк прекрасно понимал: Элоиза боится довериться ему из-за опасения, что он ее обидит, бросит, использует.

— Дрейк, — прошептала Элоиза, зарывшись лицом в его плечо.

Боскасл улыбнулся — Элоиза такая нежная и открытая.

— Что?

— Я так рада, что ты здесь.

Что-то в ее голосе поразило Дрейка до такой степени, что он, приподнявшись, посмотрел на Элоизу.

— Правда?

Она так и не оторвала лицо от его плеча.

— Прошедшая ночь была ужасной, — прошептала она.

— А-а, ты об этом. — Стало быть, она говорит об инциденте в саду.

Вероятно, спрашивает себя сейчас, что за дикаря она выбрала себе в любовники.

— Все уже позади. Я поговорил с Эммой. Она о тебе очень высокого мнения.

— Просто обними меня.

Боскасл нахмурился.

— Но я уже обнимаю тебя, — заметил он.

— Обними крепче, — сдавленным голосом промолвила Элоиза.

— Отныне тебе не придется доставлять удовольствие кому-либо, кроме себя, — снисходительным тоном проговорил Боскасл. — Ну разве что мне. И отныне я буду обо всем заботиться.

— Обещаешь?

Дрейк отечески поцеловал Элоизу в макушку.

— Конечно, — шепнул он.

— Мне нужно объяснить тебе кое-что, — произнесла она.

— А твои признания не могут подождать часок-другой? — спросил он. — Просто сейчас я немного занят.

И, повернув Элоизу на спину, Боскасл стал рассматривать ее обнаженное тело с видом победителя, который осматривает свою добычу. Когда рядом была Элоиза, Дрейк даже думать ни о чем не мог. Впрочем, когда ее не было рядом, он тоже был не в ладах с рассудком, который снова и снова возвращал его к мыслям об Элоизе.

«Мне нужна эта женщина!»

Когда минувшим вечером Боскасл увидел ее у пруда с Перси Чапменом, он испытал такое яростное желание прийти ей на помощь, какого не испытывал никогда в жизни.

— Мне захотелось убить Перси голыми руками, — задумчиво промолвил Дрейк. — Если бы Девон с Домиником не оказались рядом и если бы ты не наблюдала за происходящим, у Перси не осталось бы шансов выйти живым из этой переделки.

— Если бы я не была знакома с тобой раньше, — тихо проговорила Элоиза, открывая глаза, чтобы посмотреть на Дрейка, — то я бы тебя испугалась. Ты производил устрашающее впечатление.

Его глаза сверкнули в полумраке.

— Но сейчас-то ты меня не боишься?

— Нет.

И снова Дрейк отметил про себя, что в Элоизе Гудвин его привлекает не столько невинность или неопытность, сколько ее понимание того, кто он такой. Он никогда не строил из себя святошу, но в то же время не был и самым большим грешником на свете. Да, у него дьявольский темперамент, он склонен предаваться мрачному отчаянию. И поэтому он хочет, чтобы Элоиза с самого начала это поняла.

— Так ты решила что-нибудь? — спросил он хриплым голосом.

— Ты, наверное, знаешь, что в глубине души у меня никогда не было ни малейших сомнений.

— Ну вот, наконец-то, — прошептал он. — Прими меня... Доверься мне. Постарайся немного расслабиться, — сказал Дрейк. — Я знаю, что сначала будет немного больно, но боль не будет длиться вечно.

Вечность...

Его нежные сильные руки ласкали ее, удерживали, когда Элоиза невольно пыталась отодвинуться от ритмично пробивающегося в ее нутро члена, и отпускали, когда она лгнула к нему, сливаясь с ним в одно целое, подчиняясь его ритму. Он отдавал ей всего себя, а она стремилась во всем походить на него. Может ли такое быть? Наверное... Во всяком случае, Дрейку казалось, что они заняты самым естественным делом на свете. Подумать только, он знает Элоизу совсем недавно, а ощущения, которые она ему дарила, были для него новыми и неожиданными.

Неистовый, очень сексуальный, Дрейк Боскасл хотел, чтобы Элоиза принимала его таким, какой он есть, и она с самого начала поняла это. Она отдалась ему, разглядев в Дрейке то, чего он сам, может быть, не видел.

Итак, теперь она принадлежит ему. Элоиза не могла противиться тому чувству, которое испытывала к Дрейку. Да и ее тело не могло сопротивляться тому желанию, которое он в ней возбуждал. Их соитие оказалось еще более прекрасным и страстным, возвышенным и земным одновременно, чем она могла предположить.

Странно, что она смогла принять его в себя. При первом проникновении Элоизе казалось, что ее лоно порвется от его натиска, а теперь осталась лишь слабая боль, на которую можно было и внимания не обращать. Элоиза осторожно погладила его спину. В ответ Дрейк еще глубже проник в нее, зарывав от страсти.

Ведомая инстинктом, Элоиза двигалась под Дрейком, уступая ему все больше и больше места в своем лоне. Толчки становились все сильнее, Дрейк дрожал, а Элоиза застонала от разливающегося по ее телу теплу, от которого ее кровь, казалось, закипает.

— Я мог бы умереть, находясь в тебе, — задыхаясь, хрипло проговорил он. — Мог бы...

Окружающий мир перестал для них существовать. Исчезли свет и тьма, оставались лишь бешеная любовная пляска да огонь, который плавил их тела, обжигая кожу и нутро, и привел наконец к мощному взрыву...

Тело Элоизы больше не принадлежало ей, однако это не слишком радовало ее. Дрейк — ее покровитель. Любовник. Не о такой жизни она прежде мечтала. Но кто бы мог подумать, что, разумная и рассудительная, она так сильно полюбит?

Знает ли он об этом? Ожидает ли такого поворота? Что, интересно, он потребует от нее как любовницы? Любовницы... Чувство печали затмевало то приятное тепло, которое охватывало ее тело. Любить Дрейка Боскасла Элоизе нравилось, а вот роль, которую она согласилась играть, не была ей по нраву. Впрочем, выбор она сделала сама.

Оторвавшись от теплого тела Элоизы, Дрейк приподнялся и улыбнулся ей. Его сердце

постепенно успокаивалось.

— Что ж, мисс Гудвин, — промолвил он, слегка поцеловав ее, — я очень рад, что мне не пришлось ждать до утра. — Перекатившись на спину, он оглядел крохотную комнатенку. — Хотя я и не слишком доволен тем, что мы провели нашу первую ночь здесь. Где бы ты хотела жить?

Элоиза приподнялась на локтях.

— Об этом я не думала, — спокойно проговорила она.

Дрейк оценивающе посмотрел на нее.

— Прошу тебя подумать об этом немедленно, — сказал он. — Я хочу, чтобы у нас было место, где мы сможем встречаться наедине...

— Мне известно, что делают любовницы, — прошептала Элоиза, обводя глазами его тело.

Рассмеявшись, Боскасл приподнялся, чтобы взглянуть на нее.

— А что заставило тебя сказать «да»? — спросил он. — Не мое ли героическое поведение в саду? Если тебе так нравится смотреть на то, как я топлю в пруду разных идиотов, я мог бы делать это постоянно. В Лондоне их хватает.

Положив голову ему на плечо, Элоиза улыбнулась.

— Не пытаешься ли ты убедить меня не влюбляться в тебя? — спросила Элоиза.

Его рука скользнула ей на плечо.

— Нет, дьявол побери! Если хочешь, люби меня.

— Думаю, останавливаться уже слишком поздно, — сухо промолвила Элоиза.

Дрейк нежно улыбнулся, его пальцы сильнее сжали ее плечо. Она думает, что любит его. Надо послушаться голоса разума и не допустить этого, дать ей понять, что его это не волнует.

Но, как ни странно, именно это и волновало Дрейка. Ему был нужен секс, привязанность и... еще что-то, что Элоиза могла ему дать.

Лорд Девон Боскасл и его зять Доминик последовали за своей дичью в дешевенькую таверну на Ковент-Гарден. Было сыро, моросил надоедливый дождик, впитавший в себя запах несвежего пива, вареной рыбы и гнилых потрохов, сваленных в сточную канаву.

Девон с отвращением оглядел плохо освещенное помещение.

Какой-то невысокий худой человек в поношенном серо-коричневом плаще в одиночестве сидел в углу. Человек позвал служанку, но она не обратила на него внимания.

— Ага, — пробормотал Девон, — вот наконец и наш таинственный незнакомец.

Понадобилось всего две кружки пива, чтобы у оборванца развязался язык. К четвертой кружке Ральф согласился бы продать душу собственной матери дьяволу и станцевать голым на ее могиле.

— Вы меня поймите, — еле шевеля языком, произнес он, утерев нос рукавом плаща, — дело не столько в деньгах, сколько в принципе.

Губы Девона растянулись в циничной улыбке.

— Но кому нужны эти принципы? — спросил он, вновь наполняя кружку Ральфа до краев.

Доминик ухмыльнулся.

— Особенно когда дело касается женщины, — промолвил он. — Итак, ты был помолвлен с этой Дездемоной.

Ральф с громким хлюпаньем сделал большой глоток.

— Дезде... кто? — переспросил он. — Ее зовут Элли. Полное имя — Элоиза Дженкинс. А потом она познакомилась с Милдред. Они унизили мое мужское достоинство. Посмеялись надо мной... две ведьмы, конечно, особенно отличилась Милдред.

Девон вопросительно приподнял темную бровь.

— Милдред? — переспросил он.

— Что-то я ничего не понимаю, — с ленивой улыбкой промолвил Доминик, откидываясь на спинку стула. — Ты был помолвлен с Элоизой и с этой Милдред одновременно и при этом считаешь себя пострадавшей стороной?

— Совершенно верно, — кивнул Ральф, лицо которого перекосилось от гнева. — И если вы считаете, что моя мужская честь не была задета, значит, вас никогда не провозили с голой задницей на тележке, запряженной собаками, по всей деревне.

— Честно говоря, подобного опыта у меня нет, — проговорил Девон, избегая саркастического взгляда Доминика. — Но чего ты хочешь от Элоизы после стольких лет?

— Я считаю, что она должна мне кое-что за мои потери, — заявил Ральф.

— И что же именно, по-твоему, она тебе должна?

— Понятия не имею, — сказал Ральф, обводя глазами стол, за которым они сидели. — Я уже почти жалею о том, что не женился на Элоизе, хотя, на мой вкус, она чересчур полненькая. С другой стороны, Милли была такой страстной любовницей.

— Та самая женщина, которая придумала прокатить тебя голым на собачьей упряжке? — спросил Доминик, едва сдерживая усмешку.

Ральф поежился.

— Тут не над чем смеяться, мой мальчик, — заявил он. — Меня, между прочим, до сих пор мучают ночные кошмары. Мне снится, что я просыпаюсь, а надо мной стоит Милдред с

косой в руках, украденной из сарая ее отца.

Девон стиснул зубы. Его терпение было на исходе, так утомил его этот разговор.

— Но что касается другой женщины...

— Элоизы...

Трое мужчин пригнулись — по комнате пролетел запущенный кем-то из темноты стул.

Девон с Домиником вскочили на ноги.

— Думаю, нам пора, как ты считаешь? — спросил Девон, отталкивая у себя из-под ног чье-то бесчувственное тело.

— Хорошая мысль, — кивнул Доминик. — А что будем делать с этой крысой?

Девон огляделся по сторонам. Ральфа в таверне уже не было — он успел сбежать оттуда, как только над ним нависла угроза.

— А зачем он нам? — сказал Девон. — Он ведь уже рассказал нам все, что нужно.

К тому времени, когда Элоиза проснулась на следующее утро, Дрейк уже ушел.

Он исчез, не оставив после себя и следа. Ни ботинка, ни пуговицы, которые напомнили бы о его присутствии в ее доме. Правда, прекрасным доказательством его страстной любви было тело Элоизы. Что-то внутри ее изменилось, Элоизе так и хотелось свернуться калачиком под одеялом и весь день пролежать так, вспоминая блаженные минуты их близости. Да, ей не хотелось вставать. Хотелось другого — продлить воспоминания о прошлой ночи как можно дольше.

Спустя несколько минут Элоиза все-таки выбралась из постели. Она вспомнила о том, что ей еще предстоит принять решение о своей должности в качестве компаньонки.

Быстро одевшись, Элоиза заглянула в комнату Талии, чтобы убедиться, что там все в порядке. Талия спала, повалившись прямо в бальном платье поперек кровати; с большого пальца ее ноги свешивалась туфелька. Талия тихонько похрапывала во сне.

Улыбнувшись, Элоиза осторожно прикрыла дверь. Итак, ее подопечная в безопасности и, похоже, вполне довольна жизнью. Что ж, можно сказать, что минувший вечер для них обоих прошел благополучно, несмотря на то что начался из рук вон плохо. Но впереди новый день, и что он им готовит?

Вся прислуга собралась внизу у лестницы, ожидая, пока Элоиза спустится вниз. Хестон, дворецкий, делал вид, что осматривает холл. Миссис Барнс стояла посреди этого холла и притворялась, что отправляет кухарку на базар за луком для супа. Фредди с отчаянием обреченного полировал медную дверную ручку собственным рукавом.

— Что ж, доброе утро, — поздоровалась Элоиза, остановившись.

Долго болтать с прислугой она не собиралась: ей еще надо было идти в гостиную — разбирать почту.

— Приятно видеть, что уже с раннего утра вы все трудитесь и с таким рвением исполняете свои обязанности.

Блубелл, кухарка, наградила ее щербатой улыбкой.

— А кое-кто из нас трудился и половину ночи, — сказала она.

— А кому-то из нас неплохо бы подумать о наших делах, — тихо произнесла миссис Барнс.

Улыбнувшись — она была скорее смущена, чем обижена, — Элоиза направилась в гостиную. Но едва она открыла дверь, как ее аудитория разразилась громкими аплодисментами. Повернувшись к окружавшим ее слугам, Элоиза покачала головой и быстро скрылась в гостиной. Неприятно думать, что у нее практически нет личной жизни. Но

откуда они обо всем узнали?

Неужели события минувшей бурной ночи оставили отпечаток на ее лице? Она — падшая женщина? Неужели все эти люди наивно верят, что она позволила Дрейку соблазнить себя, не любя его и желая принести себя в жертву?

Элоиза уселась за стол. Через минуту в комнату с чашкой дымящегося чая всплыла миссис Барнс.

— Немного бекона, дорогая? — с готовностью предложила экономка. — Или, может, плоску вкуснейшей овсянки, чтобы согреть нутро?

Элоиза настороженно посмотрела на нее.

— Мое нутро и без того не мерзнет, так что благодарю, — сказала она.

— А я уверена в обратном, особенно если учесть, что происходило минувшей ночью, — многозначительно промолвила миссис Барнс.

Вздыхнув, Элоиза потянулась к лежавшей на столе газете.

— Это все, что вы мне можете сегодня сказать, миссис Барнс? — спросила она. — От лорда Торнтона по-прежнему никаких известий?

— Почты еще не было. Эту газету майор Дагдейл принес накануне вечером, когда вы были на балу, — ответила миссис Барнс. — Он сказал, там есть кое-что интересное для вас.

Нахмурившись, Элоиза развернула газету.

— Боже мой, только не очередной газетный скандал! Неужели этого человека ничто другое не интересует? — пробормотала она, начиная против воли читать абзац, который предусмотрительный майор старательно обвел чернилами.

«Кто из пользующегося в Лондоне дурной славой семейства взял себе в любовницы куртизанку? Печально известный распутник не прячется в своем замке^[2], а живет себе припеваючи в доме на Брутон-стрит. Христианское имя нашего грешного джентльмена рифмуется со словом «повеса»^[3]...»

— Господи! — Элоиза с трудом сглотнула, сиюсь проглотить застрявший в горле горький комок.

Элоиза отбросила газету. Ей надо поразмышлять. Себя не обманешь: она ведь знала, какой образ жизни ведет Дрейк, еще до того, как они познакомились. Но обнаружить, что он открыто волочился за этой... — ее нос брезгливо сморщился — куртизанкой и за ней в одно и то же время... Сердце Элоизы тревожно заныло. Неужели она для него на втором месте?

— Ну да, Марибелла Сент-Айвз, — пробормотала Элоиза. — Если только это ее настоящее имя. Я этого не потерплю!

Миссис Барнс одобрительно посмотрела на нее.

— Вот так-то лучше, моя милая, — проговорила она. — Мне и в голову не приходило, что вы равнодушно отнесетесь к личному оскорблению.

Элоиза поджала губы.

— Я попросила бы вас тщательнее подбирать слова, миссис Барнс, — отчеканила она.

— Только с самого начала дайте ему понять, что вы не потерпите никаких походов на стороне, — сказала экономка. — А о словах мы подумаем позднее.

* * *

Домой Дрейк пришел рано. Ему нужно было побриться и переодеться. Он надеялся

тихонько выйти из комнаты Элоизы, не привлекая к себе излишнего внимания, чтобы не оказаться в неприятном положении, но слуги Торнтона, умело рассредоточившиеся по всему дому, отовсюду следили за ним.

Что ж, отрицать очевидное не имело смысла. Дрейк бросил несколько золотых монет Фредди, который попытается нырнуть за дверь, чтобы ускользнуть от его взгляда.

— Пусть леди поспит подольше, Фредди, — сказал Дрейк, подмигнув удивленному лакею.

— Благодарю вас, милорд, — пробормотал Фредди, бросаясь вперед, чтобы распахнуть перед Дрейком дверь.

День был мрачным и сырым — типичный английский день.

— Могу я просто сказать, какое огромное облегчение испытал, узнав, что...

Дрейк оглянулся на Фредди, приподняв брови.

— Узнав — что? — перебил он лакея.

Фредди откашлялся.

— Что мисс Гудвин нашла в вас верного друга, — сказал он в ответ.

Верный друг... Как ни странно, у Дрейка стало тепло на душе, когда он услышал, как именно Фредди назвал его отношения с Элоизой. Да, ему понравились эти слова, их звучание. Понравилось скрытое в них тепло, приятное ощущение того, что близость с ней, похоже, начинала заполнять ту пустоту в его душе, о которой Дрейк тщательно старался не думать. Секс и дружба! Что может быть лучше?

— Я рад, что теперь у нее есть покровитель, — продолжил Фредди, выйдя следом за Дрейком на улицу. — Ей это необходимо, милорд.

В тот момент Дрейк даже не задумался над словами слуги — он вспомнил их позднее. Дрейк собирался зайти к своему старшему брату Хиту, чтобы предложить встретиться с сэром Джереми Хатчинсоном не на боксе у Джексона, а в клубе.

Остаток дня будет посвящен Элоизе. Правда, Дрейк еще не знал, что они будут делать. Возможно, ровным счетом ничего, возможно, они прокатятся по Гайд-парку. В одном Дрейк был уверен: они проведут время вместе, и ему не надо из кожи вон лезть, чтобы произвести на нее впечатление. Она ведь почти что призналась, что полюбила его.

Хит приехал сам, когда Дрейк закончил одеваться. В отличие от Девона его старший брат редко приходил в гости без предупреждения. Кивком Дрейк приказал своему лакею Квинси выйти из спальни.

— А я как раз собирался зайти к тебе, — сказал Дрейк, расправляя складочки на шейном платке. — Как поживает Джулия?

— Благодарю, хорошо, — ответил Хит.

Тут глаза Дрейка встретились с глазами Хита в зеркальном отражении, и Дрейк сразу понял: что-то произошло.

— Что случилось? — медленно спросил он.

— Меня выбрали для того, чтобы я все рассказал тебе, — промолвил Хит.

— Боже мой! — Недовольно поморщившись, Дрейк подошел к окну. — Что ж, давай рассказывай. Прошлым вечером Эмма прочла мне целую отповедь. Но могу я хотя бы рассчитывать на то, чтобы ты был краток?

Хит обошел письменный стол, занимавший едва ли не добрую половину комнаты.

— Разве я когда-нибудь читал тебе нотации?

— Нет. Насколько я помню, нет, — сухо промолвил Дрейк, повернув к брату голову. —

Однако позволь мне избавить тебя от неприятной обязанности. Да, это правда. Я завел роман с женщиной, которая служит компаньонкой. Она не из тех женщин, с какими я обычно встречался, как мне незатейливо намекнула Эмма. Я обесчестил ее, но бросать не собираюсь. Ты хочешь знать еще что-нибудь?

Хит присел на стул.

— Я не хочу ничего знать о твоей личной жизни, — промолвил он.

— Вот и хорошо. — Дрейк раздраженно пожал плечами. — Тогда чему я обязан твоим визитом ко мне?

— Много ли ты о ней знаешь?

Дрейк моментально взорвался. Из всех его братьев Хит был больше всего похож на него характером — он терпеть не мог, когда кто-то вмешивался в его дела, вечно копался в себе, пытался увидеть то, что лежит под поверхностью событий. Оба брата были подозрительны по натуре. Но если Хит был больше склонен к размышлениям и обучению, то Дрейка можно было назвать человеком настроения, повинующимся инстинкту.

— Что ты хочешь этим сказать? — резко спросил он.

Хит задумался.

— Как давно ты ее знаешь?

— Довольно давно.

— Возможно, этого достаточно для кратковременной связи, — заметил Хит. — Но, насколько я понял, сейчас ситуация иная. Или я ошибаюсь?

Дрейк почувствовал себя неловко: интуиции Хита он доверял не меньше, чем собственной.

— Довольно этих намеков! — раздраженно сказал он. — Что тебе о ней известно?

— Лишь то, что прошлой ночью от нее ушел мужчина, — ответил Хит.

— Боже мой! — От облегчения Дрейк даже засмеялся. — Супружеская жизнь плохо повлияла на твой разум — у тебя иссякло воображение. Этим мужчиной был я. Я почти всю ночь провел у Элоизы.

Наступила долгая пауза. Наконец Хит сказал:

— Я имею в виду не тебя, а человека, который ушел от нее до твоего прихода.

Дрейк и бровью не повел, но про себя он принялся методично вспоминать каждое мгновение прошлой ночи. Когда он пришел, Элоиза лежала в постели, она спала. Ничто не говорило о том, что недавно в ее комнате побывал мужчина.

Ее уродливое бальное платье валялось на полу. В этом тоже нет ничего удивительного, особенно если учесть, как он над ним потешался.

Никаких винных бокалов на ночном столике. Никаких любовных писем. Абсолютно ничего подозрительного, кроме разве того, что Элоиза показалась Дрейку очень ранимой и чуть взволнованной, хотя и это можно понять, учитывая то, что произошло потом.

Дрейк отрицательно помотал головой.

— Вообще-то это никого не касается, но я клянусь, — он многозначительно посмотрел на брата, — что до меня у нее мужчин не было, — промолвил он.

— Но я не пытаюсь...

Дрейк пожал плечами:

— Возможно, это был ее сосед. Старый развратник постоянно пристает к ней.

— Нет, Дрейк, — решительно возразил Хит.

— Тогда кто?

Хит опустил глаза на письменный стол.

— Девон с Домиником проследили за этим типом и даже заглянули в таверну на Ковент-Гарден, куда он зашел. Он поклялся, что был обручен с Элоизой до того, как она приехала в Лондон. Похоже, он хочет от нее денег.

Дрейк почувствовал, что краснеет.

— Где этот человек?

— Он исчез, когда в таверне началась заварушка, — ответил Хит. — Кажется, его нельзя отнести к приятным людям.

— Понятно, — кивнул Дрейк.

— Тебе нужна моя помощь?

Дрейк помотал головой, с трудом выговорив:

— Я сам в состоянии справиться с ситуацией.

— Она тебя очень волнует?

Дрейк пожал плечами, его лицо окаменело.

— Что ж, по крайней мере я рад, что мои новости тебя не слишком огорчили, — произнес Хит.

— А ты думал, они меня огорчат? — цинично улыбнулся Дрейк.

Кучер вез Дрейка в карете по лондонским улицам. Огорчен новостями? Огорчен тем, что его «верная подруга» и любовница прошлой ночью развлекала другого мужчину? Человека, с которым она была помолвлена и за которого собиралась замуж?

Нет, он не огорчен. Опустошен и разъярен — да. До такой степени переполнен черными подозрениями, что не в состоянии спокойно обдумать ситуацию? Да. Не мог Дрейк поверить, что Элоиза обманывала его. Он доверял собственной интуиции. И он доверял ей. Он знал: должно быть логичное объяснение тому, что к ней прошлой ночью приходил мужчина. Который к тому же утверждал, что был когда-то помолвлен с Элоизой.

Господи, он и представить себе не может, что на самом деле за всем этим кроется!

Разумеется, она должна была рассказать ему о визите этого человека. Будучи женщиной правдивой, Элоиза должна была довериться своему покровителю. Если только она не собиралась держать этот визит в секрете.

Возможно, она была чересчур смущена или... Или не сочла нужным и важным говорить о тайном госте. К тому же разве не говорила ему Эмма, что Элоизу изгнали из семьи? Возможно, Девон не совсем правильно истолковал слова незнакомца... правда, это означало бы, что и Доминик все понял неправильно. Но возможно ли, что они оба ошиблись?

Впрочем, мрачно подумал Дрейк, откинув голову на подушку, в Элоизе Гудвин есть нечто невидимое с первого взгляда. Нет, он бы догадался. Не могла продажная женщина так привлекать его. И ему бы в голову не пришло принять ее за двуличную женщину, а уж после прошлой ночи...

Прошлая ночь. По телу Дрейка пробежала дрожь.

Еще никогда в жизни не получал он такого удовольствия от любви, как в этот раз. Дрейк потерял глаза — при воспоминании о прошлой ночи его сердце неистово заколотилось в груди.

Повернув за угол, карета остановилась. Дрейк не двинулся с места. Он увидел, как сэр Томас ведет свою мать и Талию к маленькому экипажу, стоящему против парадной двери. Троица весело смеялась над чем-то. Дрейк заметил и Элоизу, которая вышла проводить Талию, а затем исчезла в темноте дома.

Ему показалось, что она его тоже увидела. Точнее, Боскасл был в этом уверен. Элоиза посмотрела прямо на его карету и лишь после этого ушла в дом. Дрейк напряженно выпрямился, его подозрения вспыхнули с новой силой. Элоиза даже не улыбнулась ему. Не помахала ему рукой, не посмотрела ему в глаза, словно говоря: «Я тебя заметила, подожди, пока они уедут, а потом входи».

Боскасл распахнул дверцу кареты, не дожидаясь, пока лакей исполнит свои обязанности. Талия, оглянувшись через плечо, только что увидела его. Не обращая на нее внимания, Дрейк зашагал к дому.

В конце концов, что ему известно об Элойзе? Кроме того, конечно, что он так сильно хочет обладать ею, что это желание затмевает его разум. Даже о Талии Торнтон ему известно больше, чем об Элойзе. И Эмма узнала о ней больше из короткого собеседования, чем знает он.

В нем закипела безумная ревность при мысли о том, что в жизни Элоизы может быть другой мужчина. Она же добросердечная, привлекательная женщина. Почему он решил, что

она никогда и никого не любила, кроме него? Держала ли она от него в секрете свое прошлое? Или он попросту не удосужился поинтересоваться этим?

И, забыв о здравом смысле, Дрейк решил не думать обо всем этом, если только братья не станут вмешиваться в его жизнь. Едва карета леди Хитон исчезла за углом людной улицы, Дрейк громко постучал в дверь. Все хорошо. Они останутся наедине с Элоизой, и он не уйдет из этого дома до тех пор, пока не получит ответы на все свои вопросы.

Дверь распахнулась — ее отворила миссис Барнс, экономка.

— Она в гостиной, — торжественно провозгласила она, а затем, понизив голос до театрального шепота, добавила: — Надеюсь, вы привезли ей подарок. А то что-то мы слегка не в духе с утра. Впрочем, думаю, это все от переживаний прошлой ночи. И, разумеется, из-за той, другой женщины.

Дрейк поморщился. Если у Элоизы плохое настроение, она еще ни с кем не встречалась. И о чем это толкует экономка? Неужели его жизнь стала предметом досужего обсуждения не только его родных братьев, но и прислуги?

Когда Дрейк вошел в гостиную, Элоиза стояла у окна спиной к нему. Несколько мгновений Дрейк молча изучал ее, прежде чем приблизиться к ней. Да он попросту самец, настоящий самец, ведь при виде этой женщины и воспоминании об их близости его опять охватило горячее желание.

Она принадлежит только ему. И никто не прикасался к ней прошлой ночью, что бы там о ней ни говорили. Он ее первый мужчина. Он лишил ее невинности. Его братья ошибаются.

Элоиза повернулась к Дрейку, он увидел, что ее губы крепко сжаты, а в руке она держит какой-то листок — кажется, газетную страничку. Дрейк удивленно посмотрел на нее. Она не выглядит виноватой. Нет, похоже, Элоиза... в ярости. Но с чего бы это? Это ведь он должен гневаться, а не она.

Обняв Элоизу, Дрейк быстро поцеловал ее, прежде чем она что-то успела ему сказать. Его рука скользнула вниз по ее спине. Элоиза одновременно и сопротивлялась, и отвечала ему, и неожиданно Дрейку стало все равно. Потому что больше всего ему хотелось держать ее в своих объятиях.

На мгновение он забыл о своей ревности, своих подозрениях. Его рука властно погладила ее руку, приласкала ее грудь, он начал целовать ее.

Но, внезапно прервав поцелуй, он отстранился от Элоизы. Она слегка задыхалась и была сильно смущена. Впрочем, и он тоже.

Дрейк внимательно посмотрел на Элоизу. Он пришел сюда, чтобы узнать правду, какой бы горькой для него она ни оказалась.

— Прошлой ночью мы заключили соглашение, Элоиза, — сказал Боскасл спокойно, не сводя с нее глаз, ожидая увидеть хоть какие-то признаки тревоги. — Мы...

Элоиза не дала ему договорить — она ткнула Дрейка в грудь рукой, в которой держала смятую газетную полосу.

— Интересно, сколько таких же соглашений ты заключил в одно и то же время? — язвительно осведомилась она.

Дрейк удивленно опустил глаза. Честно говоря, он надеялся, что Элоиза больше не будет донимать его с этой дурацкой карикатурой на Хита, изображенного с чрезмерно большим мужским естеством, напоминающим дуло пушки.

— Не приставай больше ко мне с этой ерундой! — сердито промолвил Боскасл. — И не уводи разговор в другую сторону!

Элоиза еще яростнее тряхнула газетой.

— Ты сам начал говорить о нашем соглашении, но, судя по этой заметке, ты сам же и нарушил...

Дрейк не слышал ни единого слова, потому что хотел знать одно, только одно: есть ли у нее еще какой-то любовный интерес?

Дрейк повысил голос, желая привлечь внимание Элоизы:

— Нет, Элоиза, сначала ты сама должна ответить мне на несколько вопросов! И прошу тебя, перестань махать у меня перед носом этой дурацкой газетенкой.

Элоиза отступила назад, его сердитый тон явно удивил ее. Но Дрейк уже не мог сдерживаться. Сомнения ревности рвали его на части, разъедали душу, как кислота, и если женщина, приведшая его в ярость, хотя бы просто ответит ему...

— Скажи мне правду, Элоиза, — промолвил он холодно, глядя ей в глаза. И повторил: — Правду.

— Значит, правду... — Глаза Элоизы блеснули, неожиданно она осмелела, смущение исчезло. — Правду... Что ж, хорошо, замечательно. Я жду. Конечно, с твоей стороны разумнее было бы рассказать мне все до прошлой ночи. Однако в интересах справедливости, из-за того, что меня всегда считали женщиной разумной и что даже собака заслуживает хорошего отноше...

Дрейк наклонился к ней, его глаза потемнели, как ночное небо.

— Это меня ты назвала собакой?

— Если то, что написано в этой газете, — правда, то да, — холодно кивнула Элоиза.

— Да плевал я на эту газету! — завопил Дрейк. — Я хочу знать все о тебе и о том, другом мужчине.

Элоиза вновь махнула скомканной газетой.

— И я на все плевала, если ты на все плюешь! Я хочу все знать об этой куртизанке, об этой Марибелле... — Она осеклась и удивленно посмотрела на Дрейка: — О каком это другом мужчине ты говоришь?

Боскасл был вынужден признать себе, что ее удивление искреннее. Он понизил голос, несмотря на то что черная хищная птица ревности продолжала яростно махать перед его лицом своими крыльями.

— У тебя есть еще один любовник, Элоиза?

— Есть еще — кто? — Элоиза вытаращила на Дрейка глаза с таким видом, словно она только что разгадала какую-то древнюю тайну. — О! Теперь я, кажется, понимаю, в чем дело. Ты пытаешься избавиться от меня, обвинив меня в том, в чем виноват сам.

Дрейк подтолкнул ее к подоконнику.

— Тебя не должно касаться, что делаю я, — сказал он угрожающе. — Что ты делала прошлой ночью?

— Ты напился, что ли, Дрейк Боскасл? Прошлую ночь я провела с тобой.

Дрейк поднял голову. За приоткрытой дверью почти неслышно промелькнула пухлая тень миссис Барнс. Он быстро подошел к двери и с грохотом захлопнул ее. Миссис Барнс издала удивленный, но сдавленный возглас.

Элоиза прошла в центр комнаты, глядя на Дрейка с таким видом, будто он сбежавший из психиатрической больницы сумасшедший. На одно мгновение она даже представила себе, как берет стул, замахивается им и обрушивает его на голову Дрейка. Возможно, именно такая встряска ему необходима.

— Да что с тобой случилось? — осторожно спросила она, обходя стол.

Дрейк быстро приблизился к Элоизе.

— Перед моим приходом сюда прошлой ночью тут был или не был мужчина? Тот, который ушел отсюда в темноте через садовую калитку?

Элоиза продолжала смотреть на него, ее мягкие красные губы слегка приоткрылись от удивления. «Отрицай мои слова, — твердил он про себя. — Только не говори, что это правда. Солги мне. Объясни мне все какой-нибудь ерундой. Я поверю любой сказке».

— Откуда ты об этом узнал? — спросила Элоиза после долгой паузы.

Он заморгал: такой реакции Дрейк совсем не ждал. Ни жалкой попытки обмануть его, ни намек на какое-то разумное объяснение. Все утро Боскасл представлял себе, как начнется их разговор, убеждал себя держаться спокойно. И он даже почти убедил себя в том, что братья поспешили с выводами. Дрейк даже представлял себе, как Элоиза потешается над его словами, объяснив ему присутствие чужого мужчины в доме какой-то простой причиной.

Первоначальная боль, вызванная словами Элоизы, быстро перешла в неуправляемый гнев.

— Кто это был? — загремел он, напрочь забыв о собственном намерении держать себя в руках. — Кто этот человек? Ты собираешься быть и его, и моей любовницей, одновременно?

Элоиза побледнела.

— Ничего подобного. — Обойдя Дрейка, она подошла к двери и приложила к ней ухо.

Через мгновение Элоиза громко застучала в дверь и сердито проговорила:

— Я знаю, что вы подслушиваете, миссис Барнс. И ты тоже, Фредди. Немедленно уйдите отсюда.

Дрейк тем временем сорвал с себя перчатки и утренний сюртук на шелковой подкладке. Упав на диван, он сложил на груди руки. Но он и минуты не мог посидеть спокойно. Поэтому он встал. Однако, встав, он был не в состоянии оставаться на месте и принялся мерить шагами комнату. Затем снова сел. Удивительно, как ему удалось понизить голос до низкого рыка, когда он вновь обратился к Элоизе:

— Кто это был?

— Человек, с которым я была обручена шесть лет назад, — нахмурившись, ответила она.

Дрейк тут же сам нахмурил брови. Да какое она имеет право хмуриться, глядя на него? Это ведь к ней тайно приходил мужчина.

— Ты никогда не говорила о нем прежде, — заметил он.

За дверью раздался голос Фредди:

— Я слышу крики в вашей комнате. С вами все в порядке, мисс?

— Да, все хорошо, — раздраженно отозвалась Элоиза.

Фредди откашлялся.

— Миссис Барнс хочет убедиться и в том, — добавил он, — что с лордом Дрейком тоже все в порядке.

— Все отлично, дьявол побери! — зарычал Дрейк, скрежеща зубами. — А теперь убирайтесь!

— Вот еще, — зазвучал голос миссис Барнс, которая вслед за этим застучала в дверь. — Я требую, чтобы мне объяснили, что происходит в этой комнате.

— Не суйтесь не в свое дело! — хором крикнули Элоиза с Дрейком.

За дверью раздался возмущенный вскрик. Потом они слышали голос Фредди, утешавшего экономку:

— Ну будет вам, миссис Барнс. Не плачьте.

Дрейк воздел руки к потолку.

— Господи, можно ли спокойно поговорить о личных делах в этом доме?

— Едва ли можно сказать, что мы вели «спокойный» разговор, — парировала Элоиза. — К тому же ты кричал и хлопал дверью, вот слуги и пожелали узнать, что же за безобразия здесь происходят. Они же боятся, что ты окончательно рассвирепеешь.

— Это вполне может произойти, если ты не ответишь на мои вопросы.

Элоиза открыла рот. Дрейк вперил в нее пронзительный взгляд.

— Объясни мне все. Я слушаю. Ты собиралась сделать этого человека своим любовником?

— Нет, никогда.

— У тебя с ним какие-то дела, отношения?

Элоиза покачала головой.

— Ну ты же умный человек, Дрейк, — промолвила она. — Ты должен сам найти ответ на этот оскорбительный вопрос.

Боскасл молчал. Он не чувствовал себя умным. Скорее он казался себе полным идиотом, не способным трезво размышлять о чем-то из-за терзавшей его ревности. К тому же Элоиза так и не ответила на его вопросы.

— Да кто же он, дьявол побери?

— Это мой бывший жених, — начала Элоиза. — Его зовут Ральф Хокинс. Он мне не любовник и никогда им не был.

— Но он же приходил сюда прошлой ночью, — бесцветным голосом проговорил Дрейк.

— Он явился без моего приглашения. Уехав из дома, я не имела никаких дел ни с ним, ни со своей семьей. — Она глубоко вздохнула.

Дрейк ждал.

— Ты хотел услышать правду? Отлично! Меня выгнали из дома из-за недовольства моим поступком.

Боскасл сжал губы.

— Вот это уже лучше, — заметил он через мгновение. — И сколько еще женихов ты прячешь где-нибудь? Можешь мне ответить?

Элоиза прищурилась:

— Ты собираешься перебивать меня каждые две секунды своими дурацкими замечаниями?

— Извини, — бросил он безапелляционным тоном. — Ты забыла о своем прошлом. А я, кажется, забыл о своих манерах.

Элоиза покраснела.

— А что, если я хочу забыть о своем прошлом? Ты сможешь меня простить за него?

— Да как же я могу ответить тебе на этот вопрос, если ты еще ничего мне не сказала? — Дрейк закрыл глаза. — Господи! Только скажи мне правду! Ты любишь его?

— Когда-то мне казалось, что любила. — При воспоминании об этом Элоиза поежилась.

Она была пухленькой, немного нескладной, неуверенной в себе семнадцатилетней девчонкой, которая не смогла ответить отказом на предложение Ральфа о женитьбе. У ее родителей было еще три рта на попечении — три ее брата, так что они вздохнули с облегчением, когда Ральф обручился с Элоизой. Правда, Ральф любил выпить, постоянно

рыгал и посматривал на женщин, зато он построил себе неплохой коттедж и собирался стать управляющим имением. В общем, молодой человек производил неплохое впечатление — казалось, он вполне способен содержать и защищать жену.

Отец Элоизы сомневался, что она найдет себе пару лучше. Состояние ее было невелико, а ее уверенность в себе — еще меньше. Все, чему она выучилась, Элоиза познала на практике в последующие годы.

Вопросительно приподняв плечи, Дрейк вновь пронзил ее безжалостным взглядом.

— Ты любишь его сейчас? — прямо спросил он.

Элоиза поморщилась с таким видом, будто его предположение оскорбило ее.

— Конечно, нет! Этот мерзкий крысеныш шантажировал меня! Я его ненавижу! — воскликнула она.

Лицо Боскасла потемнело, его голос стал ниже на целую октаву, и когда он заговорил, по спине Элоизы пробежал холодок.

— Он... что делал? — медленно переспросил Дрейк.

Элоиза с трудом сглотнула. Как же не был сейчас похож Дрейк на того прекрасного возлюбленного, который провел с ней прошлую ночь! В его синих глазах вспыхнул такой голод, что Элоизе захотелось спрятаться под стол.

— Он угрожал раскрыть правду о наших прежних отношениях, чтобы испортить мне жизнь.

Встав с дивана, Дрейк медленно подошел к Элоизе.

— О каких таких отношениях? — спросил он с холодной безжалостной улыбкой.

— Я только что сказала тебе, — прошептала Элоиза.

— Имени женщины нельзя навредить, если сообщить кому-то о ее расторгнутой помолвке.

Она вновь с трудом сглотнула.

— Дело в том, что есть еще кое-что, — вымолвила Элоиза нерешительно.

Дрейк понимающе закивал:

— Ах, ну да! Я об этом догадывался. Может, просветишь меня?

— Я пыталась это сделать прошлой ночью, — хмурясь, напомнила Элоиза. — Но ты был слишком занят другими делами, чтобы слушать меня. — Она тяжело вздохнула при воспоминании о блаженных минутах их близости.

Подумать только, она стала любовницей такого сложного человека, человека настроения! Властного, с сильно развитым чувством собственности. И все же Элоизе была неприятна сама мысль о том, что джентльмен может иметь больше одной любовницы. Так больно думать о том, что он может ласкать другую женщину точно так же, как ее.

— Элоиза! — Дрейк требовал внимания. — Объясни мне, Элоиза, почему этот мерзавец пытался шантажировать тебя. Но в первую очередь я хочу узнать, почему твоя семья тебя прогнала.

Как же ей не хотелось рассказывать Дрейку обо всем! Эту историю излагать на словах чудовищно!

— Видишь ли, все это произошло целую вечность назад, — промолвила она.

— Целую вечность я жду ответа на свои вопросы, — заметил Боскасл.

Элоиза покачала головой.

— Что ж... У Ральфа были отношения с другой женщиной после того, как он попросил меня стать его женой. Я тогда ничего не знала, но он и ей сделал предложение. Она узнала о

его двуличии и пришла ко мне. Она считала, что мы должны отомстить ему за предательство. Тогда мне эта идея показалась неплохой. Видишь ли, я не подумала о последствиях, так я была разгневана и обижена.

— Хорошо. — Дрейк пожал плечами. — Богатый опыт подсказывает мне, что страсть может затмить здравый смысл. И все же, несмотря на мою испорченность, я не улавливаю смысла твоих слов. Месть была сладкой?

Элоиза посмотрела в сторону.

— Мы унизили его публично.

— Да? И как же именно?

Элоиза принялась мять шелковую оборочку рукава на своем платье.

— Элоиза!

— Да?

— Твоя месть, — напомнил Дрейк. — Что именно вы сделали?

— Об этом не так-то просто говорить.

— Не совсем просто ждать, когда ты что-то скажешь, — возразил Дрейк и кивнул. — Так что продолжай. Месть не могла быть слишком страшной, ведь этот человек жив. Что же такого ужасного могли сотворить две девушки, если об этом нелегко рассказывать?

— Одним воскресным утром мы привязали его к тележке с собачьей упряжкой и оставили на мосту, а вся деревня тем временем шла по этому мосту в церковь, — наконец призналась Элоиза.

Дрейк недоуменно покачал головой.

— И это все? — спросил он.

Элоиза дернула за какую-то ниточку.

— Насколько я помню, мы, кажется, повесили ему на шею плакат с перечислением его грехов, — добавила она.

Дрейк продолжал смотреть на нее до тех пор, пока Элоиза не подняла на него глаза.

— Ну да, на нем был плакат, — подсказал он, — и?..

— И... насколько я помню... — едва слышно прошептала Элоиза, — на нем больше ничего не было...

Молчание.

Судя по выражению лица Дрейка, подумалось Элоизе, он не совсем поверил ей. Она вообще не могла понять, как он отреагировал на ее слова, разве что в его глазах мелькнул огонек. Если только Боскасл не пришел к выводу, что его любовница сумасшедшая. С другой стороны, подумала Элоиза, в том, что она кому-то открывает тайну своего прошлого, есть и положительная сторона. Каким бы унижительным ни было ее прошлое.

— Я еще не все тебе сказала, — добавила она, не видя смысла скрывать остальное.

— А-а... — Дрейк позволил тени улыбки пробежать по его губам.

Грешным губам, которые соблазнили ее прошлой ночью и пообещали защищать от уродливого мира.

Элоиза вздохнула. Как жаль, что она убедила Милдред не убивать Ральфа, хотя той так хотелось это сделать!

— Что же еще, Элоиза? — почти спокойным тоном спросил Дрейк.

— Мы сожгли его кровать.

Боскасл изумленно заморгал.

— А он был в ней в этот момент?

— Разумеется, нет, — в ужасе отвергла она это предположение. — Я ведь только что сказала тебе, что он был в это время на мосту.

Дрейк долго смотрел на нее.

— Была ли какая-то причина, заставившая сжечь именно кровать?

Элоиза нахмурилась:

— Вообще-то Милдред хотела сжечь весь его коттедж, но я боялась, что нас арестуют и что огонь может распространиться на всю деревню. Вот мы и решили, что сожжем кровать, чтобы выразить этим наше отрицательное отношение к его обману. К тому же этим мы больше никому не причинили вреда.

— Но как случилось, что вы не знали о том, что Ральф помолвлен с вами обеими? — поинтересовался Дрейк.

— Милдред жила в соседней деревне, — ответила она. — Возможно, наши пути так никогда бы и не пересеклись, если бы однажды один из братьев Милдред не решил... Просто так... проследить за Ральфом. Едва узнав о том, что Ральф уже помолвлен, Милдред тут же приехала ко мне.

— Мне представлялось, что ты не такая уж безупречная, какой желаешь казаться, Элоиза, — промолвил Дрейк, — но я не думал, что ты способна на такую... Даже не знаю, как описать это.

— Теперь тебе все известно, Дрейк, — сказала Элоиза. — Что-то изменилось?

— Разумеется, изменилось. — Покачав головой, он крепко прижал Элоизу к себе. — Я буду тебе верным любовником, а то как бы чего не вышло.

Она вывернулась из его объятий. Элоиза не забыла, что Дрейк увивается за другой женщиной.

— Что возвращает нас к разговору о газете. — Она сунула газету ему в руки. — Кто такая Марибелла Сент-Айвз?

Боскасл равнодушно просмотрел заметку.

— Марибелла для меня ничего не значит, — ответил он. — И никогда не значила.

— Это правда? — Элоизе так хотелось поверить ему, да и говорил Дрейк убедительным тоном, вот только не действует ли на нее сила обаяния этого повесы? — Судя по этой статье, тебе пришлось солидно потратиться, чтобы произвести на нее впечатление.

— Это правда, — не стал возражать Дрейк. — И она стала бы моей любовницей, если бы не та ночь, когда я познакомился с тобой.

Несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга, наконец Дрейк печально улыбнулся:

— Ты помнишь ту ночь? Ты танцевала со мной, а потом я увлек тебя в сад.

Элоиза отвернулась, сердце у нее защемило.

— Конечно, я помню ту ночь, — прошептала она. — Но я не забыла и того, куда ты отправился после знакомства со мною.

— Но где я сейчас, Элоиза? — тихо спросил он.

Она со вздохом огляделась по сторонам.

— Не могу я соперничать с такой женщиной, как Марибелла Сент-Айвз. Я ведь всего лишь компаньонка, Дрейк, простая компаньонка, без всяких изысков.

— Возможно, это я слишком сложен, — низким голосом проговорил он.

Элоиза только рукой махнула. Вынужденная защищаться, она все же не была уверена в том, что позволит Дрейку с такой легкостью сорваться с крючка.

— В газете написано, что она очень красива.

— Так и есть, — пожал плечами Боскасл. — Только она не ты.

Элоиза подошла к окну и отодвинула штору, чтобы выглянуть на улицу.

— Это правда, что ты добивался ее несколько месяцев?

— Да.

Она опять вздохнула. По крайней мере он не лжет.

— Понятно...

Дрейк приблизился к ней сзади.

— Но я всю жизнь мечтал встретить такую, как ты, — промолвил он.

Элоиза медленно повернулась, чтобы посмотреть ему в глаза. Момент был необычайно трогательный, но тут вдруг кто-то так громко хлопнул передней дверью, что в окнах даже стекла задребезжали. Очарование волшебного мгновения вмиг исчезло. Элоиза снова посмотрела в окно, ее глаза округлились от изумления.

— Боже мой, только не это! Миссис Барнс уходит из дома с сумкой.

— Почему? — спросил Дрейк, которого явно ничуть не взволновали слова Элоизы.

— Возможно, потому, что мы оба велели ей не соваться не в свое дело, — огорченно промолвила Элоиза. — Но я же никогда не бывала резка с нею. Я должна остановить ее!

Дрейк взял ее за плечи.

— Да что с тобой? Почему бы тебе не отпустить ее, она ведь просто служанка?

— Кое-кто может то же самое сказать и обо мне, — возмутилась Элоиза.

И тут, в одно из тех редких мгновений, о которых потом сожалеют, когда человек говорит первое, что приходит ему в голову, Дрейк выпалил:

— Я не собираюсь бежать за экономкой, пусть даже моей собственной, по улице только лишь потому, что я посоветовал ей не соваться не в свое дело.

Спустя двадцать минут Дрейк Боскасл вернул миссис Барнс домой. Похоже, его извинения за нанесенную ей обиду произвели на нее меньшее впечатление, чем тот факт, что лорд Боскасл с триумфом привез ее домой в собственном элегантном экипаже. Это был пик ее карьеры экономки — знатный милорд догонял ее и извинился перед нею за собственную резкость.

— Довез меня прямо до дверей, — хвасталась она соседским слугам, которые собрались на улице, чтобы с любопытством поглазеть на ее возвращение. — Словно я герцогиня какая-нибудь, вот так-то. Лорд Дрейк — настоящий джентльмен.

Фредди вынул ее сумку из экипажа.

— Мне казалось, будто вы сказали, что никогда в жизни не простите ему приказания не соваться не в свои дела, — заметил он.

Миссис Барнс проплыла мимо него к передней двери.

— Да ладно тебе, Фредерик, лорд Дрейк должен был мне это сказать, — заявила она. — Экономка действительно не должна лезть со своими советами.

— Разве они не войдут в дом? — спросил Фредди, увидев, что карета, в которой сидели Элоиза и лорд Боскасл, медленно отъехала от дома.

Миссис Барнс повернулась, чтобы от души помахать кучеру Дрейка и двум его лакеям. Они важно и уважительно кивнули ей в ответ.

— Вот что я скажу тебе, мой мальчик: лорд Дрейк может приходить сюда сколько захочет и делать все, что захочет, — торжественно произнесла миссис Барнс. — И кажется, если Элоиза согласится поселиться в красивом доме, мы будем счастливы присоединиться к

ней, не правда ли?

— Это было так мило с твоей стороны, Дрейк, — заметила Элоиза, наблюдая в открытое окно кареты за тем, с какой горделивостью миссис Барнс шествует к двери. — Она же боготворить тебя будет за то, что ты дал ей возможность почувствовать себя такой важной особой.

— Да будет тебе, — с улыбкой промолвил Дрейк.

Стоит ли говорить, что он нуждался в восхищении не миссис Барнс, а совсем другой женщины. Но, признаться, ему было внове бежать по улице за экономкой и к тому же умолять ее на глазах у остолбеневших от изумления зевак простить его.

Что она и сделала, а это было весьма важно для осуществления его планов на будущее.

Карета свернула на улицу, запруженную транспортом. Элоиза успела заметить, как проходивший мимо точильщик ножей с удивлением проследил взглядом за экипажем Дрейка, узнав ее.

— Куда мы едем? — спросила она своего спутника.

— Ко мне домой, — ответил Дрейк. — Если мы собираемся продолжить беседу, то лучше сделать это в уединении дома, где никто не подслушивает под дверьми.

Элоиза повернулась к нему. Был ясный день, она только что стала любовницей Дрейка, и границы между ее прошлой жизни и новой реальностью постепенно начали меркнуть. Прошлой ночью Элоиза поняла, что пути назад для нее нет. Однако это не означало, что старые ценности перестали иметь для нее значение. Хотя, возможно, со временем это и произойдет. Хотя она не знала когда.

— Элоиза, — ласково обратился к ней Дрейк, словно прочитав ее мысли. — Для меня не важно, что думают другие. Ты достаточно отважна для того, чтобы появляться со мной на людях?

— Слово «отважна» не кажется мне уместным в данном случае, — тихо заметила она.

— Поедем ко мне, — упрашивал он с улыбкой. — Мы сможем поговорить спокойно, и никто нам не помешает.

— Только поговорить? — приподняв брови, спросила Элоиза.

Боскасл усмехнулся, но не стал отрицать того, что она заподозрила.

— Знаешь, кажется, сегодня произошла наша первая ссора, — сказал он. — Заниматься любовью после ссоры — замечательная вещь. Можно окончательно помириться, избавиться от всех претензий друг к другу.

Элоиза задумалась.

— А Марибелле Сент-Айвз известно, что я стала твоей любовницей? — наконец спросила она.

— Не знаю. — Он улыбнулся Элоизе такой манящей улыбкой, что у нее мурашки забегали по спине. — Но скоро она об это узнает, не так ли?

В данном случае, Бог свидетель, лучше бы это произошло позже, чем раньше. Дрейк написал Марибелле очень мягкое письмо, в котором тактично объяснил, что его планы меняются и он отказывается от отношений с нею. Он хотел лично поговорить с Марибеллой, но она снова отказалась его видеть. Возможно, она уже знала, что на его решение повлияла другая женщина. А если и не знала, то уж подозревала точно.

Карета остановилась у бокового входа в трехэтажный особняк лорда Боскасла,

выстроенный в григорианском стиле; железные ворота с лязгом отворились и захлопнулись за ними. Дрейк всегда старался проводить дома как можно меньше времени, поэтому его решение привезти сюда Элоизу значило даже больше, чем он мог себе представить. Девон даже подшучивал над Дрейком, говоря, что старший брат может пустить корни там, где задерживается слишком долго.

Ступив из кареты на землю, Элоиза на мгновение задумалась, прежде чем повернуться к Дрейку. Ей было нелегко в одночасье забыть о тех общественных устоях, которым она подчинялась большую часть своей жизни. Однако ее любопытство и желание узнать Дрейка Боскасла лучше оказались сильнее страха совершить проступок. О своих бывших нанимателях Элоиза обычно составляла мнение, осматривая их дома. Интересно, что она сейчас узнает о своем любовнике?

Единственным украшением вестибюля служили лишь потолок в стиле рококо да бронзовые канделябры в виде древних богов и богинь, которые внимательно следили за ней незрячими глазами, когда она проходила мимо них. Дрейк вел ее по первому этажу своего особняка, и, оглядываясь по сторонам, она понимала, что попала в истинно мужское жилище: здесь были и бильярдная, и библиотека с дубовыми панелями, из которой доносился приятный аромат сигар и дорогого бренди. Впрочем, были тут и предметы, по которым можно было составить мнение о характере самого Дрейка.

С непроницаемым лицом Дрейк повел ее наверх, в сторону того крыла, в котором располагались спальни. Элоиза замедлила шаг и тут же почувствовала, как его сильные пальцы крепко сжали ее руку. Это был дом одинокого человека, и ей захотелось наполнить его теплом. Да разве она хорошо знает Дрейка Боскасла?

— Все в порядке, — тихо проговорил Дрейк таким тоном, словно ее замешательство удивило его.

Элоизе казалось, что она слышит неуверенный стук собственного сердца. Любить такого человека, как Дрейк, больше того, стать его любовницей, очень нелегко, хотя на время она и ощутила себя защищенной. Опыта-то у нее нет никакого. Сможет ли она стать опытной любовницей с такой же легкостью, с какой освоила правила этикета?

Правильно ли она поступила, не взяв с него никаких обещаний до того, как они заключили свое соглашение? Соглашение... Какое пустое слово!

— О чем ты думаешь, Элоиза? — спросил Дрейк, прислонившись к двери.

— Обычно я... Видишь ли, Дрейк, обычно, договариваясь с нанимателем о службе, я заранее спрашивала его, чего именно он ждет от меня.

Боскасл улыбнулся.

— Что ж, вполне резонный вопрос, — заметил он. — И конечно, мой ответ... — распахнув дверь в спальню, он подтолкнул туда Элоизу, — всего. От тебя я жду всего.

Ее взор устремился к большой кровати из красного дерева, накрытой зеленым шелковым покрывалом.

— Всего? — переспросила она. — Ты не мог бы говорить точнее?

С непроницаемой улыбкой, от которой по телу Элоизы пробежала дрожь, Дрейк снял с нее накидку.

— Мне нужны от тебя верность, преданность, твоя близость, твое общество. И разумеется...

У Элоизы перехватило дыхание, когда его большие руки умело расстегнули ей платье и расшнуровали сзади корсет. Следом за ними на ковер упали ее сорочка с короткими

рукавами, кружевные панталоны и чулки. Благодарение небесам, окна были зашторены, а то ведь она осталась стоять обнаженной посреди комнаты, пока Дрейк неспешно продолжал свое дело, стягивая с себя сюртук, жилет и брюки.

— А чего я могу ждать от тебя? — спросила Элоиза, глядя на его широкую спину и упругие ягодицы. Казалось, его тело отлито из стали. — То есть я же имею право это знать, не так ли?

— Чего ты можешь ждать? — задумчиво переспросил Дрейк. — Я пообещал тебе защиту, безопасность и удовольствия. Если хочешь, мы можем заключить официальный контракт.

— На сколько времени? Ты ведь должен будешь когда-нибудь жениться, — тихо промолвила Элоиза. — Уверена, что женитьба стоит в твоих планах.

— Я никогда и ничего не планирую, — с ленивой улыбкой проговорил Боскасл. — Мне нравится неожиданность, спонтанность. А тебе?

— Это зависит от ситуации.

Медленно подойдя к кровати, Дрейк растянулся на ней перед Элоизой. Ее взгляд с невольным восхищением обвел его фигуру. Ну кто бы мог подумать, что тело мужчины может быть столь прекрасным? Красивый, подтянутый, сильный, мускулистый. Дрейк был в самом расцвете молодости, красоты и привлекательности, от него так и исходила сексуальная энергия, которая, как он ожидал, должна воспламенить и ее страсть.

— Покрутись передо мной, Элоиза.

Повернувшись, она увидела свое отражение в высоком зеркале, стоявшем в углу комнаты. Его насмешливые глаза следили за выражением ее лица в зеркальном отражении.

— А теперь подойди к окну, — велел он.

— Для какой-то определенной цели? — спросила она, всей кожей чувствуя, как ее прожигает его взгляд.

— Да. Налей мне вина из графина, который стоит на столе. И сама выпей, если хочешь. Тебе придется наклониться, чтобы открыть дверцу шкафчика. Давай же!

Элоиза позволила себе вздохнуть. Такую простую просьбу легко выполнить. Она проделывала это сотни раз, правда, тогда она была одета и не чувствовала пульсирующего жара между бедер. Но, как ни странно, заученные действия придали ей смелости и позволили преодолеть нервозность.

— Тут есть портвейн и херес. — Элоиза протянула руку к хрустальному графину. — Ты что предпочитаешь?

— Сейчас — ничего, — пробормотал Дрейк. — Просто мне хотелось посмотреть на тебя сзади, когда ты двигаешься.

Элоиза поставила на стол графин, едва сдерживая возмущение. Этот дьявол еще и посмеивается над нею.

— Ты всегда так неприлично себя ведешь? — спросила она.

— Извини за то, что поддразнил тебя, — промолвил Дрейк. — А теперь иди ко мне и позволь мне искупить свою вину.

Элоиза медленно приблизилась к кровати.

— Искупить? — удивилась она.

— Трудно в это поверить, да?

— Полагаю, это зависит оттого, какой смысл ты вкладываешь в слово «искупление».

— Так ты позволишь мне сделать это, Элоиза? — спросил он с улыбкой.

Остановившись у кровати, она бросила на него еще один взгляд. В своем нагом великолепии Дрейк чувствует себя комфортабельно, ощущение собственной сексуальности доставляет ему немало удовольствия. А вот она испытывает лишь неловкость. Впрочем, эта неловкость не мешает ей восхищаться его прекрасным телом.

Она заставила себя посмотреть Дрейку в лицо. Он снова засмеялся — низким, глубоким смехом.

— Ты можешь смотреть куда хочешь, — сказал он. — А я услаждаю свой взор наблюдением за тобой.

Дрейк действительно разглядывал ее с ленивой улыбкой. Его темный взор ласкал ее груди до тех пор, пока соски Элоизы не отвердели и не заняли от желания. Она тихо застонала, надеясь, что Дрейк не слышит этого звука. Но его глаза, пылая от желания, поднялись к ее лицу.

Боскасл закинул руки за голову, отчего мускулы его торса напряглись, выступая под кожей.

— Прошу тебя, Элоиза, подними одну ногу на кровать, — проговорил он хриплым голосом, от которого у Элоизы подкосились колени.

— Поднять...

Как ему не стыдно просить о таком! Она же откроет его взору... все! Но пылающая в его синих глазах страсть заставила Элоизу подчиниться.

Элоиза поставила ногу на кровать и отвернулась, чтобы не встречаться с Дрейком глазами. По ее телу расползлся жар, сладкие языки пламени страсти лизали ее живот. Бесстыдный эротизм Дрейка заставлял ее хотеть его все сильнее.

Дрейк приподнялся, издав при этом низкий рык, Элоиза невольно оглянулась на него. Мощная фигура Дрейка представляла из себя безупречную симфонию костей, мышц и физической силы. Спинка кровати из красного дерева у него за спиной и изумрудно-зеленое покрывало навевали воспоминания о лесной поляне, на которую должен вот-вот выбежать дикий зверь. Неожиданно Элоиза подумала о том, сколько других женщин побывало до нее в этой постели. И о том, что ей надо сделать для того, чтобы стать последней.

— О чем ты думаешь? — спросил он, недоуменно приподнимая брови.

— О том, что мне неприятна мысль о твоих других любовницах, — смело ответила Элоиза.

— Но кажется, ты не видишь других любовниц, прячущихся под покрывалом или под кроватью? — поддразнил он ее.

— Ты же прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

— Я всегда был верен всем своим любовницам.

Элоиза тихонько фыркнула.

Дрейк рывком пододвинулся к краю кровати, отчего мускулы его сильных ног напряглись, как канаты.

— Я щедрый человек, Элоиза, — промолвил он. — И ты не пожалеешь о своем решении выбрать меня своим покровителем.

— Жемчуга для меня ничего не значат, — проговорила она возмущенно. — Как и красивые платья.

— Но тебе же необходим новый гардероб, — голосом змея-искусителя промолвил Дрейк. — Тот ковер, в котором ты выступала на вчерашнем балу...

Элоиза опустила ногу на пол.

— Вчера ночью я переспала с тобой не за бальное платье!

— Господи, надеюсь, что так. — Дрейк явно едва сдерживал смех. — Иди ко мне, — ласково приказал он.

* * *

Это был не просто сексуальный акт. Нечто гораздо большее. Что? Ему ни к чему это знать, не так ли? Достаточно просто унять неистовое биение сердца да успокоить прерывистое дыхание. Элоиза в его объятиях, он доволен, как никогда, удовлетворен тем, что эта желанная женщина — его женщина — находится рядом. Дрейк с наслаждением втягивал ноздрями аромат ее тела, аромат любви. Ну почему близость с нею так отличается от тех соитий, что были у него прежде? Господи, именно это его дьявольски пугает!

Дрейк опустил взгляд. Элоиза лежала с закрытыми глазами, ее изящная ножка была прижата к постели его ногой, а копна ее тяжелых блестящих волос прикрывала одну налитую обнаженную грудь. Как же не похожа она на его прежних любовниц. Отличается она и от тех пустоголовых дебютанток, которых ему прочили в невесты. Может, она занимает место между теми и другими?

— Тебе не больно? — заботливо спросил он, нежно погладив ее бедро.

— М-м...

— Мне хотелось бы кое-что узнать, — проговорил Дрейк, передвигая руку на изгиб ее поясицы. — Что во мне могло привлечь такую женщину, как ты?

От его прикосновения по ее телу пробежала легкая дрожь.

— Какой ты глупый, — пробормотала Элоиза, потягиваясь. — Но с чего это ты вдруг спрашиваешь об этом?

— Нет уж, ты все-таки ответь мне, — настаивал Дрейк. — Что привлекательного во мне ты нашла?

Вздохнув, Элоиза обхватила рукой его плечо.

— Ты хочешь узнать что, не считая твоего богатства, титулов и дьявольской красоты?

Боскасл поцеловал ее в губы.

Дрейк с трудом сглотнул, когда Элоиза прикоснулась к его руке щекой. От ее кожи исходил легкий аромат мыла, а тело, покрасневшее во время любовного акта, постепенно розовело. Было в Элоизе нечто такое, что ее хотелось защищать от всего на свете, но не он ли сам причинит ей боль, когда их отношениям придет конец? Это если не считать того мерзавца из ее прошлого. Глаза Дрейка потемнели от удовольствия, когда он подумал о том, как они встретятся.

— Не знаю, — тихо проговорила Элоиза. — Когда мы познакомились, я приняла тебя за обычного повесу. Однако я очень быстро разглядела в тебе хорошие черты, которые ты намеренно скрываешь.

Дрейк покачал головой.

— Видимо, я обманул тебя, если ты считаешь меня хорошим, — заметил он.

— Нет, не таким уж хорошим, — рассмеялась она. — Потому что ты еще высокомерен и циничен, ты привык добиваться своего любыми средствами.

— А что, можно вести себя иначе? — с лукавой улыбкой спросил Дрейк, сжимая ее талию пальцами.

Ее ореховые глаза широко распахнулись.

— В тебе есть все, чего воспитанная девушка должна избегать, — сказала она.

— Ты считаешь, что я встретился тебе на беду?

— Я поняла, что ты за человек, в ночь нашего знакомства, но все же пошла танцевать с тобой, — сказала Элоиза.

— Это означает, что ты меня тогда не испугалась, — задумчиво промолвил он. — Хотя, возможно, ты была слишком занята мыслями о своей подопечной. Но теперь ты знаешь меня лучше. Ты нравишься себе такой, какой я тебя сделал? Ты хоть немного боишься меня?

Его расспросы можно было рассматривать как проверку на верность, которую он от нее потребовал, подумалось Элоизе. Дрейк хочет знать, примет ли она его таким, какой он есть. Но разве не понимает он, что она уже сделала это?

— Я боюсь лишь того, что тебе станет скучно со мной, — ответила она, с удовлетворением осознавая, что ее честность осталась при ней, несмотря на то что теперь она падшая женщина.

Элоиза надеялась, что он поймет: ей больше нечего скрывать. Сегодня днем она отдала ему всю себя. Но значит ли это что-нибудь для мужчины, который всегда с легкостью получал каждую желанную женщину?

— А вот чего, точнее, кого я боюсь больше всего, — с такой искренностью в голосе, что в ней невозможно было усомниться, заговорил Дрейк, — так это себя самого. Или того типа, каким я мог бы стать. Возможно, ты станешь моей спасительницей, хотя некоторые члены моей семьи уже считают меня пропащим человеком.

— По крайней мере у тебя есть семья, которая в той или иной степени заботится о тебе, — печально промолвила Элоиза.

— Что ж, возможно, когда-нибудь...

Дрейк осекся, не договорив фразы, потому что в голову ему внезапно пришла странная мысль. Возможно, когда-нибудь у него тоже будет своя семья? И ребенок? Его ребенок? Каким образом невероятное стало бы возможным? Он ведь не хотел, чтобы их отношения перерастали в постоянную связь, не так ли? Его философия состояла в том, чтобы никогда не заглядывать в будущее.

Схватив Элоизу, он бросил ее на подушки и склонился над нею, опираясь на локти.

— Ты хочешь есть? Хочешь, чтобы тебе в постель подали пирог и шампанское?

— Какой ты испорченный, — прошептала она. — Да я с ума сойду, раздумывая о том, что слуги обо мне подумают, так что никакого удовольствия от угощения не получу.

— Тебе придется к этому привыкнуть.

Улыбнувшись Элоизе, Дрейк ловко перевернул ее на живот. Она заворочалась, протестуя, но его рука уверенно и бесстыже проникла в ее лоно. Дрейк вновь возбудился, любуясь изящным изгибом ее поясницы. Как же, оказывается, просто представить, что она носит его ребенка. Элоиза такая теплая, умная, волевая. А ребенку, будь то мальчик или девочка, понадобится твердая рука.

— Не могу поверить, что мы занимаемся этим среди бела дня, — прошептала она, поднимая голову.

Дрейк замер. Они оба услышали, как внизу хлопнула дверь.

Элоиза инстинктивно приподнялась, прижимая к обнаженной груди простыню.

— Ты кого-нибудь ждешь? — шепотом спросила она.

— Нет. — Дрейк оглянулся через голое плечо на дверь.

Снизу был слышен женский голос — какая-то женщина кричала, причем она явно была в негодовании, в ярости. Ей спокойно отвечал мужской голос. Один из лакеев, подумал Дрейк, уже заспешивший к своей одежде. Элоиза в ужасе посмотрела на него.

— Кто это? — спросила она.

Одной рукой он бросил на кровать ее сорочку, корсет и платье, а другой натягивал на себя сюртук.

— Господи, да я понятия не имею кто, — ответил он. — Может, одна из моих сестриц? Эмма, например, хотя она никогда не приходит без приглашения или уведомления о своем приходе.

И еще она никогда не кричит, как скандальная торговка. Свои занудные нотации она всегда читает ему с достоинством, что, впрочем, не делает их менее обидными и болезненными.

Побледнев, Элоиза засунула корсет под подушку.

— Мне казалось, ты говорил, что к тебе редко приходят гости, — заметила она.

Она, конечно, имеет в виду женщин, подумал Дрейк, пробежав пятерней по своим взъерошенным и коротким темным волосам. Низким от волнения голосом он проговорил, помогая Элоизе надеть платье:

— Так и есть.

Голоса внизу становились все громче и выше. Женщина выкрикивала такие грязные ругательства, что и портовые рабочие, известные своим пристрастием к крепким выражениям, услышав их, покраснели бы от смущения.

— Я бы не сказала, — промолвила Элоиза, выворачиваясь из его рук, — что там скандалит одна из твоих сестер.

Дрейк бросил мрачный взгляд на дверь. Он уже узнал, кому принадлежит визгливый голос, и был готов сам себе отпустить подзатыльник за то, что не предположил подобной ситуации. Надо быть полным глупцом, чтобы понадеяться на то, что ему удастся откупиться от такой женщины, как Марибелла Сент-Айвз, щедрым подарком и письменным извинением за то, что они не смогут вступить в связь, о которой договорились. И еще рассчитывать при этом на ее понимание.

Нет, ураганные вопли снизу не походили на говор умиротворенной женщины. Эти выкрики скорее напоминали шумные угрозы какой-нибудь мстительной фурии, готовой уничтожить весь мир.

Дрейк с тревогой посмотрел на Элоизу. Марибелла, несомненно, разъярится еще больше, когда узнает, почему он отказался от связи с ней.

— Поверь мне, я не подумал, что такое может случиться, — сказал он.

Элоиза заколола на затылке взлохмаченные волосы.

— О чем ты не подумал? — спросила она таким грозным тоном, какого Дрейк от нее не ожидал услышать.

— О том, что она так скандально отреагирует на разрыв наших отношений, — ответил он.

— А ты говорил, что у вас так и не начались отношения.

— Это верно. — Боскасл расправил шейный платок. — Разве только на бумаге. Пожалуйста, оставайся здесь. Я обо всем позабочусь.

Элоиза прищурилась.

— Ты был бы удивлен, узнав, о каких женщинах и мужчинах мне приходилось

«заботиться» за время моей карьеры, — дерзко заявила она.

Дрейк вздохнул.

— Но все-таки давай я сначала займусь ею, ладно?

Элоиза помедлила, скрестив на груди руки.

— Ну хорошо, — наконец кивнула она.

— К тому же ты не из тех женщин, которым стоит разговаривать с куртизанками, — добавил Дрейк, подходя к двери.

— Я теперь и сама куртизанка, Дрейк, — сказала Элоиза — практичная, как всегда. — Возможно, она могла бы дать мне...

— Ты... ты не куртизанка, — перебил ее Дрейк, отворяя дверь. — Ты... моя.

Элоиза приоткрыла дверь, чтобы послушать, что творится внизу. С некоторым удивлением она подумала, что Дрейку не понадобилось много времени, чтобы успокоить Марибеллу. Интересно, что он ей сказал, чтобы она замолчала? Как она выглядит? Хорошо, пусть это будет обычным и древним как мир женским соперничеством, но она, Элоиза, должна увидеть Марибеллу, чтобы узнать, какие женщины привлекают внимание богатых и могущественных мужчин.

Так ли невероятно красива Марибелла Сент-Айвз, как о ней толкуют? Или ее привлекательность не во внешности, а в той показной сексуальности, которая заставляет сильных мужчин падать перед нею на колени, сгорая от страсти?

Элоиза изнывала от желания узнать это. Она имеет на это право. Да вообще... это ее обязанность, она ведь теперь любовница Дрейка.

Она должна бросить на Марибеллу всего лишь один взгляд. Посмотреть на нее сверху, с лестницы, и этого будет достаточно.

Дрейку удалось утихомирить Марибеллу — возможно, на время — обещанием преподнести ей крупную сумму денег в знак извинения за его поведение. Марибелла и слышать не хотела его обещаний. Она требовала показать ей соперницу, чтобы удовлетворить свой профессиональный интерес.

— Это будет только справедливо, — настаивала Марибелла.

Одетая в платье из шелка холодного голубого цвета, она походила на ледяное дыхание зимы. Мысли о холоде и вьюгах навевала и отделка платья из меха белого сибирского волка — мех обхватывал ее шею и хрупкие запястья.

Положив руки Марибелле на плечи, Дрейк осторожно повел ее подальше от лестницы к стоявшему в гостиной дивану. Как она узнала о том, что Элоиза находится у него в доме, да и вообще о ее существовании, оставалось для него загадкой. Впрочем, он с самого начала не пытался скрывать своего интереса к Элоизе, что тоже было очередной аномалией в истории его отношений с женщинами. Боскасл не стал делать тайны из того, что его вниманием завладела компаньонка знатной леди. И все же ему было интересно, откуда обо всем узнала Марибелла.

Ответ на свои вопросы Дрейк получил через несколько минут.

Приказав слуге закрыть переднюю дверь, Дрейк заметил высокую худощавую фигуру, ходившую взад-вперед перед его домом.

Один из телохранителей Марибеллы. Тот самый тип, которого Дрейк преследовал, заметив, что он следит за ним и Элоизой в саду дома Торнтон. Этот же телохранитель стоял в полумраке коридора в доме Одри Уотсон в тот вечер, когда Дрейк встретился с Марибеллой.

Итак, Марибелла велела своему телохранителю следить за ним. Дрейк посмеялся бы над этой выходкой куртизанки, если бы не Элоиза, находившаяся наверху. Если ему не удастся проявить такт и деликатность, ситуация может перерасти в крупномасштабный скандал.

Он должен сделать так, чтобы две женщины не встретились ни при каких обстоятельствах. Чего бы ему это ни стоило, он просто обязан воспрепятствовать тому, чтобы Марибелла вступила в конфликт с Элоизой. Каждая из этих двух женщин была прямой противоположностью другой, словно они были родом из разных концов земли.

Господи, да они же возненавидят друг друга с первого взгляда! Но как не дать им встретиться, если они находятся в одном доме? Прежде Дрейку никогда не приходилось оказываться в столь сложной ситуации. И ничего такого бы не произошло, если бы не его увлечение Элоизой. Боскасл так сильно хотел обладать ею, что ему было недосуг подумать о последствиях. Правда, откуда ему было знать, что Марибелла явится к нему в дом и поставит его в такое неловкое положение!

Хотя вообще-то он мог бы и предположить нечто подобное. Даже газеты писали о ее неуправляемом темпераменте, ее нетерпимости к обману. Марибелла настойчиво внушала всем, что любовники относятся к ней как к королеве. Предав Марибеллу, он разрушил ее мнимый королевский ореол, и теперь она жаждет, чтобы ей принесли на блюде его голову.

Правда, с этой темпераментной особой он бы точно справился. Беспокоила Дрейка Элоиза. Да, у нее богатый опыт общения с разными людьми, которые нанимали ее в компаньонки, но Боскасл сомневался, что Элоизе приходилось встречаться с людьми в такой ярости, на какую способна Марибелла Сент-Айвз.

— Как ты мог так поступить со мной? — закричала Марибелла.

Ее визгливый крик оторвал Дрейка от размышлений. Марибелла вскочила с дивана, грациозно изогнув свое изящное тело.

«Ну как от нее отделаться?» — раздумывал Дрейк.

— Марибелла, поверьте мне, я не хотел вас ранить или обидеть, — проговорил он.

— Ранить меня? — переспросила куртизанка, помахав у него перед носом кулаком. — Тоже мне! Да как ты мог ранить меня, ты, высокомерный идиот? Ты меня унизил, потому что еще не было случая, чтобы любовник от меня отказался!

— Но мы ведь так и не стали любовниками, — напомнил Дрейк, моля про себя Бога, чтобы крики Марибеллы не были слышны наверху.

Впрочем, Элоиза назерняка подслушивает, как это делала бы всякая нормальная женщина.

Безупречно белая кожа Марибеллы покраснела от гнева.

— И это еще хуже! Ты подумал о моей репутации?

— Твоей репутации? — тоже переходя на ты, переспросил Дрейк.

Дьявол побери, ведь эта женщина — куртизанка. Но каким образом его отказ вступить с ней в отношения может повредить ее имени?

Марибелла приблизилась к нему, ее глаза пылали гневом.

— На карту поставлено не мое сердце, — сказала она чуть спокойнее. Но тут же снова стала раздражаться. — Да неужто тебе в голову могло прийти, что я тобою увлеклась? Да...

— Что ж, тогда нам будет проще обо всем договориться, — вставил Дрейк словечко.

— ...дело в моей стоимости на рынке, — не моргнув глазом продолжала Марибелла. — Ты обесценил меня тем, что обратил внимание на другую женщину, на какую-то невзрачную особу, а меня тем временем продолжал держать на крючке.

Боскасл откашлялся.

— Должен сказать, мне это недешево стоило, — заметил он.

Марибелла обежала вокруг письменного стола, на ходу оглядывая лежащие там вещи. Дрейк заподозрил, что она ищет нож для разрезания конвертов, чтобы использовать его в качестве оружия.

— Так надо хотя бы быть порядочным человеком и показать мне ту, которая заняла мое место, — продолжала неистовствовать Марибелла. — Или она так меня боится? Да я ничуть

не сомневаюсь в том, что ты прячешь ее в своей спальне!

— Нет, я не боюсь встречи с вами, — раздался от дверей голос Элоизы. — Честно говоря, я не меньше вашего хотела увидеть вас и с вами познако... — Она осеклась, не договорив.

Дрейк выступил вперед, он был готов грудью защитить Элоизу от разгневанной Марибеллы, если понадобится. Но Элоиза вдруг отодвинула Дрейка в сторону и быстро бросилась в комнату.

— Это ты... — еле слышно проговорила она, глядя на Марибеллу так, словно увидела привидение. — Нет, это невозможно. Этого не может быть. Ты...

— Боже правый! — воскликнула Марибелла, бросая на стол нож, который она только что нашла среди бумаг. — Элли!

— Милдред! — Элоиза рассмеялась и недоверчиво помотала головой. — Скажи мне, что я ошибаюсь.

Дрейк изумленно заморгал. Милдред? Элли? Эти две женщины знакомы? И похоже, весьма неплохо, судя по тому, что они едва с ног его не сбили, кинувшись друг к другу в объятия. От удивления Дрейк оцепенел. Ситуация хуже не придумаешь — двух его женщин связывает общее прошлое, и не исключено, что в будущем они объединятся... Против него, возможно?

— Вот уж не думала, что еще когда-нибудь увижу тебя, — все еще не придя в себя от удивления, промолвила Элоиза. — Столько лет прошло?

Итак, Марибелла — это фантом. На самом деле она Милдред. Дрейк едва не выругался. Он был в глупейшем положении, он был обманут. Правда, обманула очень умная женщина. Да с ее талантом к перевоплощению ей бы в британской разведке работать. Там ейгодились бы и другие ее таланты — правда, так и не изведенные Дрейком. Он переводил взгляд с Элоизы на Милдред, совершенно забыв об их эмоциональном воссоединении, которое в данной ситуации можно было смело считать даром Божиим.

Но откуда они знают друг друга? До этого удивительного мгновения Дрейк полагал, что единственное, что связывает куртизанку и компаньонку, — это он сам. Что само по себе было ему неприятно. И вот теперь он стоит между ними, но его нельзя обвинить в двуличии.

Но потом Боскасл сложил два и два. Он припомнил, что Элоиза рассказывала ему с своим прошлом. Да, сейчас он именно тот мужчина, который свел их вместе. Но и прежде их связывал общий мужчина. Тот самый, возможно, который, по словам Элоизы, шантажировал ее. Тот самый, которого Дрейк мечтал как следует поколотить.

Прислонившись плечом к стене, Боскасл прислушался к разговору женщин. Ему, как мужчине, естественно, было интересно, как сложившаяся ситуация коснется его замечательных отношений с Элоизой.

— Что у тебя с волосами? — проговорила Элоиза, откидывая голову назад, чтобы получше разглядеть Милдред. — Они стали рыжими. Я едва тебя узнала, к тому же ты так сильно похудела.

— Я крашу волосы уже много лет, — сказала Марибелла. Или Милдред? — Вообще-то я начала делать это с тех самых пор. Хотелось оставить ту историю в прошлом.

— Да, — кивнула Элоиза, бросив настороженный взгляд на Дрейка. — Ту историю...

Милдред тоже покосилась на него, приподняв тщательно выщипанную бровь.

— Он знает? — шепотом спросила она.

Элоиза едва заметно кивнула:

— М-м... Да, я только что рассказала ему. Я не могла молчать.

— А ты тоже похудела, Элоиза, — промолвила Милдред. Ей явно хотелось сменить тему разговора. — Правда, немного. Но некоторые мужчины любят, чтобы у женщин было за что подержаться.

Наступило долгое и напряженное молчание. Дрейк делал вид, что рассматривает шахматы из слоновой кости, стоявшие на небольшом столике.

— Господи, Милдред, — наконец заговорила Элоиза, качая головой, — такты и есть та самая известная куртизанка, с которой у него были отношения?

Дрейк поднял голову, Милдред задумчиво сжала губы.

— Я бы не стала так примитивно описывать ситуацию, — проговорила она. — Отношения? Именно их-то между нами и не было, и теперь я понимаю почему. Но ты, Элли? Ты и есть та самая маленькая шлюшка, которая посягнула на мой бизнес.

— Ты назвала меня шлюшкой? — Элбиза бросила на Милдред возмущенный взгляд. — Ты именно так ко мне относишься?

— Нет! — хором ответили Дрейк и Милдред.

Марибелла-Милдред приблизилась к Дрейку и посмотрела ему в глаза. Несколько мгновений ему казалось, что она хочет ударить его. Ее маленькая ручка сложилась в немаленький кулак. Должно быть, в юности эта женщина, которую он хотел сделать своей любовницей, нередко и с успехом пускала кулаки в ход. И не она ли предала огню постель обманувшего ее любовника? Можно сказать, что с тех пор она в определенном смысле продолжает сжигать чужие постели.

В нежном голосе Милдред зазвенела угроза.

— Если по твоей вине хоть один волосок упадет с головы Элли, я лично превращу тебя в бифштекс а-ля Боскасл, — заявила она.

Дрейк наклонил к ней голову, приподняв свои темные брови.

— Нет, тебе этого делать не придется, — заверил он Милдред. — И я не причинил бы вреда Элоизе и без твоих нелепых угроз, Марибелла.

Куртизанка посмотрела на него с вызывающей улыбкой.

— Я намереваюсь сделать официальное заявление для прессы, в котором скажу, что это я отказалась от наших отношений, — сказала она.

— Как тебе будет угодно.

Его семья и близкие друзья давным-давно составили о нем мнение. А на то, что подумают о нем другие, кроме Элоизы, ему решительно наплевать.

— Означает ли это, что вы обе готовы меня простить? — спросил Дрейк.

Ни одна из женщин ему не ответила. Они увлеченно болтали о том, как долго надо красить волосы, чтобы они стали рыжими, и как хороша будет Элоиза, если она выкрасится в рыжий цвет. А Боскаслу хотелось заключить Элоизу в объятия и сказать ей, чтобы она не вздумала меняться, потому что для него она и без того до боли прекрасна. Дрейку очень не хотелось, чтобы кто-то изменил ее, даже он сам. И еще он жалел о том, что у нее было прошлое, с которого все и началось.

— Мне уйти? — громко спросил он.

Элоиза прервалась на мгновение, чтобы посмотреть на него. Дрейк понятия не имел о том, что у нее в голове, но был рад тому, что успел уложить ее в постель до того, как она узнала, что Марибелла — это на самом деле Милдред.

— Если ты не против, — вежливо сказала Элоиза.

Милдред тоже взглянула на Дрейка.

— Прикажи принести чаю, пока ты тут, Боскасл, — попросила она. — Мне хочется пить.

— Принести чаю, — пробормотал Дрейк, направляясь к шнуру для звонка.

Его выставили из собственной комнаты, как лакея. Одному Богу известно, что они скажут о нем и к какому придут выводу, пока он будет отсутствовать.

Однако он послушно позвонил, прибежала горничная, которую Дрейк награждал таким взглядом, что та бегом бросилась на кухню выполнять его распоряжение. Дело в том, что лорд Дрейк Боскасл приказал принести чай впервые в жизни. Водичка для женщин, вот что это такое, а не напиток. Покачав головой, Дрейк вышел из комнаты.

На ступенях возле парадной двери стоял молодой атлетичный телохранитель Милдред — тот самый, что подглядывал за Дрейком и Элоизой и за которым Дрейк бежал стремглав по лондонским улицам.

— Эй ты, — с отвращением обратился к нему Дрейк. — Мне бы следовало отдать приказ о твоём аресте.

Парень виновато опустил голову.

— Прошу прощения за то происшествие, милорд, — извинился он. — Кузина заставила меня следить за вами. И если вас это хоть немного утешит, я вынужден признаться, что вы меня едва не поймали. Ну и мастер вы бегать, а ведь я принимал участие в состязаниях.

— Никакое это не утешение, — мрачно проговорил Дрейк, садясь на ступеньку. — Но ты сказал — кузина? Она твоя кузина?

— Боюсь, что так, — кивнул парень.

— В таком случае твои извинения принимаются, — вымолвил Дрейк. — Мы не всегда можем выбирать себе родственников.

— Меня зовут Альберт, милорд. — Молодой человек с надеждой посмотрел на Боскасла. — Скажите, а вы уверены, что моя кузина в безопасности с той... женщиной, которую вы содержите? А то я слышал крики.

Дрейк фыркнул.

— Кричали на меня, — объяснил он. — Твоя кузина и Элоиза отлично поладили.

Альберт посмотрел на него с сочувствием:

— Так, выходит, теперь у вас неприятности?

От этого замечания настроение Дрейка не поднялось. Равно как и от того, что Дрейк увидел подъезжавший к его дому фаэтон Девона. Похоже, своего пика его неприятности достигнут тогда, с возмущением подумал Дрейк, когда Девон начнет судачить с родными и знакомыми о нем, Милдред и Элоизе. Вечно Девон сует свой нос не в свои дела!

— Ну вот, грядет еще одна радость дня, — Дрейк, подавляя тяжелый вздох.

Альберт, прищурившись, посмотрел на приближающийся фаэтон.

— Не хотите видеть этого человека? — спросил он.

Дрейк мрачно усмехнулся.

— Во всяком случае, сейчас, — ответил он.

— Хотите, я все улажу? — предложил Альберт, с готовностью закатав рукава и сжав руки в устрашающего размера кулаки. — А то ведь я перед вами в долгу.

Дрейк посмотрел ему в глаза.

— К сожалению, это мой брат, иначе соблазн принять твоё предложение был бы очень велик, — сказал он.

— Дьявол! — выругался Альберт, вскакивая на ноги. — Семья! Вечная головная боль. Хотите, чтобы я оставил вас наедине с ним?

— Да.

Спустя несколько мгновений Девон выпрыгнул из своего фаэтона на землю. Две девушки-цветочницы, торгующие лавандой, остановились на углу улицы, чтобы поглазеть на двух красивых господ, известных своим мужским обаянием и щедростью. Дрейк не обратил на них внимания. Девон наградил девушек широкой улыбкой, при виде которой обе захихикали и покраснели.

Но улыбка на лице Девона погасла, когда он повернулся к брату и встретил его неприветливый взгляд.

— Грейсон отправил меня к тебе, чтобы убедиться в том, что с тобой, все в порядке, — сказал он.

— Разумеется, в порядке, — с раздражением ответил Дрейк. Девону это, конечно же, известно. — почему должно быть иначе?

— Видишь ли, — начал Девон, — вот сейчас ты сидишь на ступеньках собственного особняка, но что-то я не припомню, чтобы ты раньше так сидел. Во всяком случае, когда ты трезв. В чем дело?

— А я разве говорил тебе, что что-то случилось? — огрызнулся Дрейк. — Все отлично. Девон присел рядом с ним на ступеньку.

— Пожалуй, перейду-ка я прямо к делу, — сказал он. — Мы с Хитом следили за тобой и твоей возлюбленной.

Дрейк недовольно скривил рот. Понятное дело, Девон не знает, что Хит уже приходил к нему.

— Прошу прощения, — заговорил Дрейк. — Кажется, у меня начались галлюцинации. Ты ведь не говорил, что следил за мной и Элоизой?

— Мы делали это только ради тебя? — Девон отодвинулся назад, заметив, как потемнело от гнева лицо Дрейка. — Просто Грейсон не хотел, чтобы тебя обманули.

— Дьявол и преисподняя! — взревел Дрейк, надеясь, что по его голосу брат поймет, насколько он шокирован. — Ты следил за мной?! Но я знал это!

Девон сполз на ступеньку ниже.

— Да ты меня благодарить должен, — заметил Девон. — Я довольно много узнал об Элоизе.

— Да что ты?

— Я думаю, тебе следует узнать, что я выяснил. Не стал бы я заниматься слежкой, если бы у меня не было веской причины.

Слежка? Во время войны Дрейк, как и Хит, служил в разведке. Но ни один из них не знал, чем именно был занят Девон, служивший в кавалерии. Возможно, чем-то подобным. Да и нелегко представить себе такого человека, как Девон, занимающегося слежкой.

— Так ты не хочешь узнать, что мне удалось выяснить? — спросил Девон, пожимая плечами.

Дрейк мрачно посмотрел на него:

— Если ты хочешь сказать, что Элоиза подумывала стать куртизанкой до того, как начала служить компаньонкой, я убью...

— Элоизу? — испугался Девон. — Ты готов убить женщину?

— Нет, — процедил сквозь зубы Дрейк. — Я убью тебя.

Девон прислонился к кованым железным перилам, вид у него был встревоженный.

— Но почему меня? — спросил он.

— Потому что ты ближайшее ко мне человеческое существо, которое можно убить.

Девон нахмурился.

— Господи, помоги мне! — взвыл Дрейк.

— Молись не молись — прошлого не изменить, — качая головой, изрек Девон. — Все, что ты можешь сделать, — это простить ее. К тому же мы с тобой, кажется, ничего не имеем против куртизанок.

Дрейк неприятно улыбнулся.

— А тебе известно, против кого я кое-что имею? — зловещим тоном спросил он.

Девон, дурачась, поднял вверх руки, показывая, что готов сдаться.

— Если ты меня побьешь, то я не смогу рассказать тебе, что мне удалось узнать. А ведь тебе это интересно, не так ли?

Дрейк вздохнул. Ему казалось, что он знает об Элоизе достаточно.

— Ну хорошо, Девон, расскажи мне, что тебе удалось узнать, — вздохнул Дрейк. — А уж потом я решу, убивать тебя или нет.

Теперь, когда первоначальный шок, вызванный неожиданной встречей с давней знакомой, был позади, Милдред с легким испугом посмотрела на Элоизу.

— Подумать только, гувернантка и компаньонка, — поежившись, промолвила она. — Какая ужасная судьба! А я-то думала, что ты вышла замуж за какого-нибудь деревенского богача и вы нарожали кучу прелестных ребятишек.

— Хм! Мне тоже в голову не приходило, что ты станешь тем, кем стала, Милдред, — отозвалась Элоиза. — И что нас опять сведет вместе мужчина.

Милдред наклонилась к Элоизе.

— Видишь ли, за пределами этой комнаты никакой Милдред Хаммерсмит не существует, — понизив голос, промолвила она. — Она исчезла с лица земли в тот самый день, когда мы с тобой расстались. Домой я не вернусь никогда, чем бы мне ни пришлось заниматься, и, честно говоря, моя жизнь не столь уж невыносима.

Элоиза понимающе кивнула.

— Я тоже теперь совсем не такая, какой была прежде, — заметила она.

Милдред усмехнулась.

— Но ты не переменилась так, как я, — сказала она. — Ты все еще немного... непорочная.

— Можешь мне поверить, — лукаво опуская глаза, пробормотала Элоиза, — что я уже далеко не такая непорочная, какой была когда-то. — Пожалуй, не стоит говорить о том, что непорочность она потеряла совсем недавно.

— Ах! — воскликнула Милдред, явно ничуть не осуждая приятельницу. — Итак, вы с Боскасом стали любовниками. Что ж, если кому-то и суждено стать моей соперницей, то хорошо, что это ты. Другую я бы убила.

Элоиза невольно вздохнула. Пожалуй, она действительно еще непорочна, если не может не краснея обсуждать собственную интимную жизнь. Да и как ей защитить себя, если единственная защита — это любовь? Довольно нелепо, пожалуй, что она полюбила мужчину, который пообещал ей всего лишь страсть и защиту. Такое поведение больше свойственно дамам вроде Марибеллы Сент-Айвз. Но, независимо от того, сколько лет Элоизе суждено прожить, она никогда не сможет отделить себя от своего сердца.

— Единственное, что Ральф сделал бы в своей убогой жизни хорошего — не для других, конечно, а для себя, — так это то, что он предложил бы тебе стать его женой, — задумчиво произнесла Милдред.

Элоиза покачала головой. У нее было достаточно времени для того, чтобы подумать о прошлом, — целых шесть лет.

— Вообще-то я считаю, что ты составила бы ему лучшую партию, — вымолвила она. — Ты бы смогла заставить его быть честным. Видишь ли, я не большая сторонница телесных наказаний, которые, похоже, ему необходимы.

— Наказаний? — удивилась Милдред. — Да я бы убила Ральфа через пару месяцев после свадьбы, и где бы я после этого оказалась?

— Он этого заслуживал, — сказала Элоиза, вспоминая, как она обнаружила Ральфа прячущимся за дверью гардероба и какой злобой горели тогда его глаза.

— Но мы же не можем вернуться в прошлое и убить его, — заговорщически понижая

голос, проговорила Милдред. — Или можем?

Наступило приятное мгновение — обе женщины живо представили себе, как вершат дело мести и избавляют женскую половину человечества от негодяя, наделавшего столько нехороших дел. Впрочем, ни одна из них в душе не была убийцей. Обе слишком много работали — каждая в своей области, — чтобы заработать на жизнь, и не могли рисковать свободой. Не стоило идти в тюрьму или быть повешенной из-за такого ничтожества, как Ральф Хокинс.

Милдред молча переглянулась с Элоизой — прошлое по-прежнему крепко соединяло этих двух женщин, так не похожих друг на друга. Объединившая их когда-то вспышка неконтролируемого гнева прочно связала их на годы. Они стали духовными сестрами и сумели выжить в обществе, которое вполне могло погубить их.

Внезапно Элоиза вздрогнула.

— Он был здесь, — сказала она.

— Кто? Ральф? — изумленно переспросила Милдред.

Весь ее показной апломб вмиг исчез.

— Да, — кивнула Элоиза. — Он в Лондоне. — Она помолчала — ей было неприятно вспоминать, как Ральф ее испугал. — Он пытался шантажировать меня. Не знаю, как он меня разыскал, но о тебе он спрашивал. Кажется, он никогда не простит нам того, что мы выставили его на посмешище. Кстати, он не знает, кто ты.

Милдред откинулась на спинку стула.

— Он погубит мою репутацию, если узнает, чем я занимаюсь.

— Ты же куртизанка, Милдред, — пожалала плечами Элоиза. — Что еще может погубить твою репутацию?

— Хочу сказать тебе, что мне пришлось немало потрудиться, чтобы заработать свою нынешнюю репутацию, — раздраженно произнесла Милдред.

Элоиза рассмеялась.

— Кстати, у него за городом есть семья, — сказала она.

— Тем лучше для него, — заметила Милдред. — Тебе повезло, что у тебя появился такой покровитель, как Боскасл. Ты рассказала ему о Ральфе?

— Да. Конечно. Но что, если Ральф вернется и узнает тебя?

Красные губки Милдред растянулись в угрожающей улыбке.

— В любом случае я собиралась уехать из Лондона, — сказала она. — Так что обо мне не тревожься. Я всегда могла позаботиться о себе.

— Я тоже.

Несколько мгновений Милдред молчала, а Элоиза с невольным восхищением думала о том, как та переменилась с тех пор, как они расстались. Милдред стала до того красивой, что дух захватывало, к тому же она была рассудительна, умна и держалась так уверенно, что даже странно, как это Дрейк не поддался ее шарму. Вместо этого он выбрал ее, Элоизу.

— Должно быть, он любит тебя, — промолвила Милдред, словно смогла прочесть мысли Элоизы. — Не упусти его, Элоиза. Знаешь, я тебе почти завидую.

— Почти? — улыбнулась Элоиза.

Милдред рассмеялась.

— Вот что, у меня на очереди — очередной граф. Да, я, конечно, избалована вниманием мужчин, но я привыкла жить как хочу и редко останавливаю выбор всего лишь на одном кавалере.

К тому времени, когда Девон закончил свой душещипательный рассказ о прошлом Элоизы, который, по сути, свелся к грубому изложению тех фактов, что уже были известны Дрейку, он решил, что настала пора вернуться в дом и показать дамам, кто там хозяин.

Девон направился в дом следом за Дрейком главным образом из-за того, что уж очень ему хотелось поближе взглянуть на Марибеллу Сент-Айвз. Дрейку же не терпелось узнать, что Элоиза и Милдред наговорили друг другу о нем. Если они назовут его защитником или даже собственником — это не так уж плохо, но Дрейк не хотел, чтобы Милдред делилась с Элоизой своим профессиональным опытом куртизанки. Это лишь добавит ему проблем.

Однако когда Дрейк вошел в дом, мимо него в сторону выхода метнулась Элоиза, одетая в накидку. Он успел схватить ее за руку и подтолкнул назад, в комнату. Дрейк безумно испугался, что она уходит от него.

— Что бы она обо мне ни сказала, это неправда, — проговорил он. — Прошу тебя, не уходи.

У Элоизы перехватило дыхание, когда Дрейк крепко обнял ее.

— Она не сказала мне ничего такого, но я должна немедленно уйти.

— Почему? — удивился Дрейк.

Он привык ни перед кем не отчитываться. Но другие должны были отвечать ему, в данном случае — Элоиза.

— Талия и слуги не знают, где я, — сказала она. — Они будут беспокоиться. — Рядом с Дрейком Элоиза сразу расслабилась.

Он с наслаждением втянул носом аромат ее кожи. Еще никогда Дрейку не доводилось ощущать столь приятный и сладкий запах, в котором аромат мыла был приправлен толикой секса.

— Тебе больше никогда в жизни не придется работать, — сказал Дрейк. — Ни дня!

Элоиза подняла к нему лицо для поцелуя, но тут же застыла от ужаса.

— Прямо у тебя за спиной стоит твой брат, — прошептала она.

Дрейк тихо выругался. Элоиза высвободилась из его объятий. Дрейк на мгновение закрыл глаза, стараясь остудить эмоции и взять себя в руки.

— Не уходи, — еле слышно прошептал он.

— Я обещала помочь в приготовлениях к свадьбе, — ответила Элоиза.

— К какой еще свадьбе? — не понял Дрейк. — Ах да, Талии и сэра Томаса! — Покачав головой, он покорно улыбнулся. — Я отвезу тебя домой.

— Нет! Нас не должны видеть вместе при свете дня, — возразила Элоиза, оглянувшись на Девона.

Тот так поспешно отвернулся, что Дрейк понял: брат слышал каждое слово из их разговора. К тому же в синих боскасловских глазах Девона плясали дьявольские искорки.

— Но что они узнают? — спросил Дрейк. — Только то, что ты моя новая компаньонка?

— Ни к чему так открыто это демонстрировать, — смущенно прошептала Элоиза.

Дрейк пожал плечами. Не пройдет и нескольких недель, как всем его знакомым станет известно, что он взял себе новую любовницу. И это произойдет вовсе не потому, что он такой уж общительный человек, который готов делиться с каждым встречным подробностями своей личной жизни. Однако скрывать Элоизу он не собирался.

— Я довезу тебя до двери, — твердо сказал он. — Ты остаешься, Девон?

Младший брат Дрейка откашлялся.

— Да, пожалуй, я задержусь тут на некоторое время, — пробормотал он. — Но лишь для

того, чтобы убедиться, что твоя вторая гостья не скучает.

— Хорошо, развлекай ее, только будь осторожен, — напутствовал Девона Дрейк. — Не хотелось бы мне, чтобы тебя подали ей на ужин.

— Ты не хочешь официально представить нас друг другу? — спросил Девон, не в силах сдержать улыбку.

Дрейк уже хотел было отказать ему, но его с улыбкой остановила Элоиза.

— Я не возражаю, — сказала она. — Но сначала надо бы попросить разрешения у мисс Сент-Айвз.

Войдя в гостиную, Дрейк увидел, что Марибелла — он все еще не мог привыкнуть к тому, что это Милдред, — стоит возле шкафа, рассматривая его шахматную доску и фигуры.

Дрейк откашлялся.

— Мой младший брат хотел бы познакомиться с тобой, — проговорил он. — Ты не возражаешь?

Милдред повернула к нему голову, на ее лице появилась улыбка — скорее удивленная, чем приветливая.

— Я не товар на базаре, выложенный на витрину для очередного Боскасла, — заявила она.

Дрейк покачал головой:

— Послушай, Марибелла, надеюсь, ты не держишь на меня зла за то, что случилось.

— Ты об Элоизе? — Милдред поставила на доску королеву из слоновой кости, которую до этого держала в руках.

Ее глаза потеплели.

— Честно говоря, я расцеловать тебя готова за то, что ты вернул ее в мою жизнь.

Дрейк задумался.

— Знаешь, не хочу тебя обидеть, но будет лучше, если вы с Элоизой не будете встречаться в обществе, — проговорил он.

— Боже правый! — усмехнулась Марибелла-Милдред. — Сам дьявол читает мне мораль. Не беспокойся! Я не собираюсь компрометировать ее. Более того, скоро я уезжаю из Лондона во Францию.

— Так ты прощаешь меня?

Элоиза смирila Дрейка холодным взглядом:

— Да, но лишь потому, что моей соперницей оказалась Элоиза.

Он покачал головой.

— Мне наплевать, что обо мне говорят сплетники, но поскольку о нашей готовящейся связи знали все без исключения, давай договоримся: любопытным мы будем отвечать, что у тебя появился новый любовник, — предложил он.

— К тому же это соответствует действительности, — заявила Марибелла-Милдред.

— Так скоро? — удивленно усмехнулся Дрейк. — Я даже подумать не мог, что кто-то в состоянии удовлетворить все твои требования в столь короткий срок.

— Так и есть, — кивнула она. — К тому же он граф, притом этот же дурачок вообразил, что любит меня.

Дрейк улыбнулся:

— Ты говоришь таким тоном, словно это тебя удивляет.

— Но вот ты же, к примеру, меня не полюбил. — По голосу чувствовалось, что она не винила в этом Дрейка; в ее тоне не было разочарования.

«Марибелла тоже очень практична», — подумалось Дрейку.

— Люди будут говорить, что я сошел с ума, отпустив тебя, — сказал он.

— Но, возможно, ты потерял сердце, — заметила она.

Дрейк не стал возражать на это замечание.

— Элоиза не похожа ни на одного из нас, — вымолвила Марибелла. — У нее есть принципы, которым она всегда будет верна.

— О некоторых из них она забыла из-за меня, — трезво заметил Дрейк. — Ты об этом хотела мне сказать?

Милдред встретила его испытующий взгляд. А у Дрейка появилось ощущение, что она приоткрыла ему ту сторону своей натуры, которую никому обычно не показывает, чтобы защитить себя. И она очень красива — как все о ней и думают. Однако такая женщина не для него. Возможно, все дело в том, что они слишком похожи — он, лорд Дрейк Боскасл, и Марибелла Сент-Айвз. Оба циничные, всегда начеку, всегда делают вид, что ничего не чувствуют, прикрываясь деланным безразличием.

Она покачала головой:

— Я просто хотела сказать, что наши с Элоизой дорожки могли никогда не пересечься. Возможно, она не станет хорошей любовницей. Потому что будет пекся о тебе и беспокоиться за тебя, как курица-наседка. И независимо от того, сколько бриллиантов и чудесных ночей любви ты ей подаришь, она будет испытывать тоску по тому, чего ей так недостает в жизни.

Дрейк промолчал. Слишком хорошо он знал женщин, чтобы притворяться сейчас, что не понимает, о чем толкует Марибелла-Милдред. Или чтобы сделать вид, что не согласен с нею.

— Я лишила ее шанса зажить нормальной жизнью, раскрыв обман Ральфа, — с грустью продолжила Милдред. — И если бы я не пришла к ней, не вовлекла бы ее в дело мести, жизнь ее не изменилась бы так круто. Она бы спокойно вышла замуж. Не за Ральфа, конечно.

Лицо Дрейка помрачнело.

— Да за то, что ты сделала, тебя надо рыцарским званием наградить, а не критиковать, — заметил он.

Милдред молча посмотрела на Дрейка, и вдруг на короткое мгновение он разглядел в этой решительной, бескомпромиссной женщине слабость, ранимость, о существовании которых и не догадывался. Он понял, что вся ее показная независимость — не более чем внешняя оболочка. Щит, которым она прикрывается в целях самозащиты.

— Элоиза заслуживает свадьбы, которую у нее украли, Дрейк, — сказала Марибелла. — Элоиза создана для того, чтобы выйти замуж и рожать детишек. — Она печально усмехнулась. — Ну вот, на этом моя проповедь заканчивается, как и наши с тобой отношения.

Дрейк улыбнулся. Обычно он прерывал отношения с женщинами, придя с ними к какому-то обоюдному согласию, однако с Марибеллой его отношения так и не начались.

— Будь приветлива с Девонем, хорошо? — попросил Дрейк.

— Я видела его в окно, и у меня сложилось впечатление, что этот человек в состоянии позаботиться о себе, — заметила Марибелла.

— Что ж, в таком случае оставляю тебя на его попечение. — Дрейк повернулся к двери.

Ему не терпелось вернуться к Элоизе, заняться поисками подходящего для нее дома.

— Кстати, я хочу, чтобы мои подарки ты оставила себе, — сказал он.

Марибелла рассмеялась:

— Я так и собиралась поступить.

Дрейк все спрашивал себя, сколько пройдет времени, прежде чем Элоиза поймет, что кучеру дано указание везти их к дому Торнтонов как можно дольше. Вероятно, прошло не так уж много, потому что, едва он успел сунуть палец ей в лиф, как Элоиза прервала их горячий поцелуй, прошептав:

— Как-то очень странно мы едем. — Она выглянула в окно кареты через плечо Дрейка. — Несколько минут назад мы уже проезжали мимо этого торговца пирожками.

— Удивительно, как быстро эти торговцы умудряются перемещаться от угла к углу, — пробормотал Дрейк, прижимая ее к подушкам.

— В таком случае дом, возле которого он стоит, тоже перемещается с места на место! — воскликнула Элоиза. — Видишь ли, мы уже в третий раз проезжаем мимо этого китайского магазинчика. Или ты хочешь сказать, что он тоже двигается вместе с нами?

Дрейк едва сдерживал усмешку.

— Может, тебе что-то не нравится?

— Ты что, попросил кучера ехать помедленнее? — возмутилась Элоиза.

Дрейк слегка передвинулся, чтобы загородить Элоизе вид на улицу.

— Возможно, кучер всего лишь старается выбрать дорогу посвободнее.

— Возможно, это ты всего лишь стараешься увести разговор в сторону, — передразнила его Элоиза. — И сколько же времени мы должны были вот так кататься?

Дрейк приподнялся на локте, его синие лукавые глаза были полны тепла и нежности.

— Сколько можно, — промолвил он. — Если хочешь знать правду, я вообще не хотел отпускать тебя.

Покачав головой, Элоиза принялась приводить в порядок платье. Дрейк едва удержался, чтобы не остановить ее. Она была столь желанной для него, что он испытывал соблазн забыть о своем обещании и отнести ее в свою постель.

— Ты даже не жалеешь о своем поступке, не так ли? — спросила Элоиза.

— Если я о чем и жалею, то лишь о том, что ты догадалась, что мы ездим кругами.

— Неужели ты действительно велел кучеру ездить вокруг одного и того же места?

— Да нет, я не был так многословен.

— Это еще хуже! — воскликнула Элоиза. — Ты так напрактиковался в нехороших поступках, что он понимает тебя с полуслова.

Дрейк помолчал, с удовольствием глядя на Элоизу.

— Означает ли это, что я должен сейчас отвезти тебя домой? — наконец спросил он.

— Да, означает!

— Ты уверена?

— Да...

— Мы могли бы купить на углу пирог и съесть его пополам. — Его голос зазвучал ниже, Дрейк погладил подбородок Элоизы с таким видом, словно хотел и ее заразить своим настроением.

— Ты, — возмущенно заговорила она, отводя, однако, глаза, чтобы скрыть улыбку, — очень порочный человек.

Убрав руку, Дрейк с сожалением вздохнул и слегка постучал в крышу кареты. Элоиза посмотрела ему в глаза.

— Это было совсем нетрудно, не так ли?

— Да, — недовольно проворчал Дрейк. — Было. И есть.

Карета остановилась. Только сейчас Элоиза поняла: они не только приехали в нужное место, но она перестала быть той Элоизой Гудвин, которая несколько часов назад уехала из дома лорда Торнтона. Сможет ли она хотя бы притвориться, что ничего не изменилось?

— Я провожу тебя в дом, Элоиза.

— Слуги поднимут шум...

— Придется им выучиться подчиняться мне, если я найму их, — заметил Дрейк.

Слуги, подумала Элоиза, и не смогут противиться ему дольше, чем она. Собственно, все они уже стали жертвой обаяния Боскаслов. Да они боготворить его будут за то, что он спас их от грозящей им нищеты. Впрочем, она тоже будет боготворить его, только по другой причине.

Поднявшись, Элоиза бросила прощальный взгляд на карету. Дом казался тихим и спокойным. А ведь Элоиза опасалась, что слуги встретят их у дверей с лавровыми венками, чтобы поприветствовать человека, который, как они надеялись, станет их новым хозяином.

— Странно, — проговорила она, словно только что осознала это, — кредиторы почему-то перестали к нам приходить. Но есть у меня ужасное предчувствие, что утром перед свадьбой Талии я проснусь, а в доме останутся одни полы.

Дрейк распахнул перед нею дверцу кареты.

— Этого не будет, — промолвил он с медленной улыбкой. — Еще три дня назад я обо все договорился с кредиторами.

— Ты?! Ты оплатил долги Торнтон? — Она изумленно посмотрела на Дрейка. — Но зачем?

От его дьявольской улыбки ее сердце забилося быстрее.

— Затем, чтобы моя дорогая компаньонка, преисполненная чувством долга, могла оставить свое место и уйти отсюда без оглядки. Честно говоря, мне не по нраву, что ты так трепетно относишься к своим обязательствам перед Торнтонами. Впрочем, я готов заплатить за твою полную независимость, Элоиза.

От старых привычек трудно избавиться. Элоиза так долго жила тихой жизнью, что невольно почувствовала себя неловко, когда Дрейк, крепко сжимая ее руку, повел ее к передней двери. Элоиза постучала. Через мгновение Фредди распахнул дверь. Поймав на себе изумленный взгляд молодого лакея, Элоиза на мгновение замешкалась и залилась краской смущения.

Впрочем, густо покраснеть ей пришлось еще раз, когда Дрейк на глазах у Фредди повернул ее к себе лицом и крепко поцеловал на прощание.

— Немедленно пришли за мной, если возникнут какие-то неприятности, — вполголоса сказал он. — И рассчитай время так, чтобы провести вечер со мной.

— Но я же целый день провела с тобой, — тихо проговорила Элоиза. — Что, если я буду нужна?

— А ты нужна, — улыбнулся Дрейк своей дьявольской улыбкой, провоцируя ее на спор. — Нужна мне, — пояснил он. — Прошу тебя не забывать об этом.

Все еще не оправившись от смущения, Элоиза отвернулась и сняла накидку, а затем прошла в холл, где слышались приглушенные голоса, раздававшиеся из гостиной. Элоиза с любопытством посмотрела на свое отражение в большом зеркале в стиле рококо, висевшем на стене. Интересно, изменилась ли она? Стало ли что-то...

Этого зеркала на стене не было еще утром, когда она уходила из дома. Она его вообще никогда не видела! Элоиза невольно попятилась назад и лишь в это мгновение осознала, что ее ноги утопают в незнакомом пушистом шерстяном ковре, накрывавшем пол во всем холле.

Ковра здесь тоже никогда не было! Как и высоких настенных часов, которые тикали, отмеряя минуты и часы, в самом углу холла. Неужели все это купил Боскасл? Неужели он приобрел новые вещи для того, чтобы поразить ее воображение своей щедростью? Милый жест, конечно, вот только к чему украшать дом роскошными вещами, если он совсем скоро опустеет? Ведь Талия с будущим мужем собирались поселиться вдалеке от Лондона в скромном загородном поместье сэра Томаса.

Нерешительно подойдя к гостиной, Элоиза замерла у открытых дверей. Фредди следовал за нею по пятам.

— Он взял с меня обещание ни слова не говорить вам, — сказал он ей почти на ухо.

Голос лакея звучал слегка встревоженно.

— Он хотел сделать сюрприз. Но от меня вы этого не слышали. А он, — Фредди показал глазами на хорошо одетого джентльмена, стоявшего у окна в гостиной, — вернулся домой.

Элоиза побледнела, словно увидела перед собой привидение.

— Лорд Торнтон... — Она устремила взгляд на Талию, сидевшую на диване. — Это вы?

Он повернулся. Хорас Торнтон собственной персоной, правда, совсем не похожий на того мошенника, каким его помнила Элоиза. Живое перевоплощение лорда Торнтона было облачено в дорогой красивый сюртук и тесные черные брюки. Короткие каштановые кудри Хораса оказались искусно уложены, а шейный платок был повязан идеально, без единой лишней складочки.

— Элоиза! — воскликнул он, протягивая к ней руки. — Дорогая мисс Гудвин!

Да как только он смеет называть ее «дорогой»?! Как посмел он вернуться сюда после того, как бросил родную сестру и зависящих от него людей, словно они были всего лишь

грязью под подошвами его сапог?! Этот безответственный мерзавец разряжался, как какой-нибудь принц, а они тем временем искали способы отвадить его кредиторов!

Разумеется, вслух она этого не произнесла. Элоиза была очень хорошо обучена и умела так скрывать свои истинные чувства, что даже никогда и ни на кого голос не повышала.

— Ну что, — равнодушным тоном промолвила она, — выходит, наш повеса наконец-то вернулся.

— Я заслуживаю вашего порицания, — проговорил лорд Торнтон, опуская голову. — Я вел себя как скотина.

Элоиза не собиралась спорить с ним.

— Если вы хотите извиниться, то лучше всего начать с сэра Гейбриела и вашей сестры, — сказала она.

Талия возмущенно фыркнула.

— Он уверяет, что переменялся, — вступила она в разговор. — Клянется в этом! Да я ни на секунду ему не поверила.

— Да, я действительно переменялся, — сказал Хорас, взглянув на сестру. — Утром я непременно принесу публичные извинения и сэру Гейбриелу, и членам моего клуба.

— Думаю, именно так и стоит поступить, — со вздохом произнесла Элоиза.

— И вам даже неинтересно, где я был? — спросил лорд Торнтон.

— Вообще-то мне это пришло в голову, — сказала Элоиза, покосившись на Талию.

«Что за шараду он нам задает?» — казалось, спрашивали друг друга молодые женщины.

За время его отсутствия они стали не только ближе друг к другу, но и сильнее.

— Я ездил за город, — вымолвил лорд Торнтон. — Мне было необходимо побыть в уединении, чтобы хорошенько обо всем подумать.

— Вы могли бы подумать о нас, например, — выпалила Элоиза.

— И о вас я тоже думал, — тихо проговорил Хорас. — Больше того, я не думал почти ни о ком, кроме вас.

Элоизе стало неприятно от этих слов Торнтон, ее обдало жаром. Она искренне понадеялась, что неправильно истолковала его слова.

— Мы боялись, что вы покончили жизнь самоубийством, — тихо сказала она.

— Думаю, я только начинаю свою жизнь, — отозвался Хорас.

У Элоизы подкосились колени, ей захотелось присесть. Хотя нет, ей захотелось подбежать к двери и броситься вслед за Дрейком. И почему только она настояла на том, чтобы он уехал?

— А как же ваши долги? — прямо спросила Элоиза.

— Я с ними расплатился.

Ее брови поползли вверх от удивления.

— Как же это?

— Помните, два года назад я сделал капиталовложение?

Элоиза нетерпеливо замотала головой. Вечно Хорас рассказывал им что-то о своих пари и капиталовложениях. При этом он никогда и ничего не зарабатывал. Так возможно ли, чтобы?..

— У меня к вам предложение, Элоиза, — заявил лорд Торнтон, сцепив за спиной руки. — Предложение личного характера, которое, кстати, позволит вам никогда больше не работать.

— Предложение? — переспросила она.

Вытаращив от удивления глаза, Талия выронила журнал, который до сих пор нервно листала. А потом она встала, большими шагами приблизилась к брату и влепила ему звонкую пощечину. Элоиза глазам своим не верила.

— Да как ты смеешь?! — закричала Талия.

— Ох! За что? — спросил Хорас, прижимая к покрасневшей щеке ладонь.

— За то, что ты сделал Элоизе неприличное предложение, — ответила Талия. — Уверена, что она сама не ударила тебя только потому, что была слишком оскорблена твоим предложением, так что, считай, я сделала это за нее. Давно пора было так поступить. Ты бросил нас, Хорас.

Торнтон недоуменно прищурился.

— Элоиза никогда не ударила бы меня, — вымолвил он.

— Это правда? — покачав головой, спросила Талия. — Знаешь, возможно, она изменилась с тех пор, как ты нас покинул. Возможно, ей даже пришлось принести в жертву свою добропорядочность, чтобы спасти нас.

Хорас взялся рукой за подбородок.

— Выходит, слухи о ее отношениях с Боскасом соответствуют действительности. — Он повернулся к Элоизе, которая замерла от ужаса, слушая перебранку брата с сестрой. — Это правда, Элоиза? — тихо спросил он. — Хотя нет, не отвечайте мне. Если вы действительно оказались в неприятной ситуации, о которой вам неловко говорить, то в этом виноват только я.

— Что сделано, то сделано, — произнесла Элоиза, избегая взгляда Хораса и надеясь, что на этом их разговор завершится.

Торнтон наклонил голову.

— Я заслуживаю вашего осуждения. Но вы сможете хотя бы выслушать, что я хочу вам сказать?

Отказывать Хорасу в этой просьбе смысла не было, даже если Элоиза и сомневалась в том, что его слова смогут хоть что-то изменить.

— Говорите, — со вздохом сказала она.

— Благодарю вас, — лорд Торнтон. — Мы можем вместе присесть на диван?

— Если вы настаиваете.

— Я хочу сделать вам предложение, Элоиза, — повторил Хорас.

Элоиза неуклюже опустилась на диван, Талия втиснулась между ними.

Элоизе пришлось сделать над собой усилие, чтобы вежливо выслушать Торнтона. Она даже представить себе не могла, что бы такое интересное для нее мог предложить ее наниматель. Место в доме его приятеля, чтобы он мог сохранить достоинство? Какие-нибудь жалкие гроши, чтобы откупиться от нее? Или, возможно, он посулит ей отличные рекомендации, чтобы она могла найти себе новое место. Впрочем, не даст же он ей рекомендации на место любовницы лорда Дрейка, которое она уже заняла.

Внезапно Хорас вскочил на ноги и принялся метаться по комнате взад-вперед. Элоиза невольно заметила про себя, что Торнтон не так уж непривлекателен, особенно сейчас, когда он трезв и серьезно думает о каких-то переменах. Возможно, если он найдет женщину, которая сможет полюбить его, то он даже...

— Я хочу, чтобы вы стали моей женой, — без предупреждения проговорил Хорас.

Даже если бы на голову Элоизе рухнул тяжеленный металлический подсвечник, она не была бы так поражена.

— Хотите, чтобы... что? — переспросила Элоиза.

— Ох, Элоиза! — восхищенно воскликнула Талия, бросаясь обниматься с компаньонкой. — Вот оно! Я вас не потеряю! Вы станете моей родственницей, как замечательно! Вы будете тетей моим детям и сможете заботиться о них, когда мы с Томасом будем путешествовать по миру. Хорас, ты вовсе не бесчувственная скотина, как все о тебе говорят. Ты самый лучший брат на свете!

— Что вы ответите мне, Элоиза? — спросил Торнтон, откашлявшись.

Он немного взбодрился — слова сестры явно польстили ему.

— У меня просто слов нет, — промолвила Элоиза. — И тем не менее я...

Торнтон многозначительно посмотрел на Талию:

— Ты не будешь возражать, если я попрошу тебя оставить нас наедине? Это разговор личного характера.

Вскочив с дивана, Талия радостно всплеснула руками:

— Да, конечно, разумеется! Ты хочешь поухаживать за Элоизой. Это замечательно. Жаль, что я сама об этом не подумала. Ох, Элоиза, теперь тебе не придется становиться куртизанкой. Ты сможешь вечно быть со мною рядом.

Талия, пританцовывая, выбежала из комнаты.

— Прошу прощения, милорд, — сказала Элоиза, тряхнув головой, словно пытаюсь вникнуть в смысл его слов, которых она не понимала. — Вы удивили меня.

— Я все понимаю насчет вас и Боскасла, — с глубоким вздохом промолвил Торнтон. — Вы не должны извиняться передо мной и объяснять, как это произошло. Это я во всем виноват.

Элоиза не знала, плакать ей или смеяться. Торнтон выглядел трагикомично.

— Подумайте над моим предложением несколько дней, — упрямо повторил Торнтон.

— Это ни к чему.

— Боскасл никогда на вас не женится.

Жестокая правда больно уколола ее. Но Элоиза постаралась успокоиться и не подавать вида, как задела ее слова Хораса.

— Это нелепо, милорд, — промолвила она. — Мы же с вами не любим друг друга.

— Может, мы могли бы постараться, — проговорил Торнтон.

В его голосе зазвучало такое отчаяние, что Элоиза невольно попятилась назад.

— Неужели вы не понимаете, Элоиза? В глазах общества мы с вами конченные люди. У нас обоих один путь — уехать из Лондона и жить в уединении в провинции.

— Знаете, милорд, я, конечно, польщена вашим предложением, но принять его не могу.

— Но вы нужны мне, Элоиза. — От волнения его щеки покраснели. — Мне вообще нужна жена, — с несчастным видом признался он. — Мой дядя дал мне денег на уплату долгов при условии, что я в течение месяца женюсь на порядочной женщине.

Элоизе захотелось придушить Торнтона.

— А тут как раз я оказалась кстати, да? — возмутилась она. — Готовая вас простить, пожалеть, нахал вы этакий! К тому же с прошлой ночи я уже не порядочная женщина, так что вам придется найти кого-то другого.

Рухнув на диван, Хорас схватился за голову.

— Да ни одна порядочная женщина никогда не захочет иметь дело с обманщиком, Элоиза. Вы должны помочь мне, я потерял надежду, я в чудовищном положении.

Еще несколько недель назад при виде такого отчаяния Элоиза бы смягчилась, но сейчас

ей было просто жаль этого глупца. Но не настолько, чтобы выйти за него замуж.

— Возьмите себя в руки, милорд, — грубым тоном сказала она, направляясь к двери. — Нам надо заняться приготовлениями к свадьбе.

— Нашей? — с надеждой спросил Торнтон, поднимая голову.

Элоиза бросила на него раздраженный взгляд.

— Свадьба будет у вашей сестры, а не у вас, — сказала она. — Больше того, мне кажется, что вам нужна не столько жена, сколько мать.

— Вы мне поможете? — спросил Хорас, вставая с дивана.

— Найти мать?

— Нет. — Он нахмурился. — Жену.

— И как, по-вашему, я могу это сделать?

— Никто больше не хочет иметь со мной дела, — капризным тоном промолвил он. — Даже вы, Элоиза! Вы, которую я считал своей опорой, своим якорем.

— Только ваша скала оказалась на подвижной платформе, — отрезала Элоиза.

— Тогда прошу вас хотя бы не говорить ни слова о моем предложении вашему покровителю, — со страхом вымолвил он. — Не хотел бы я, чтобы он обернул против меня свой гнев.

Элоиза нажала на дверную ручку.

— Я не скажу ему ни единого слова при условии, что вы будете вести себя достойным образом до тех пор, пока Талия не выйдет замуж.

Этим же вечером, только чуть позднее, Фредди стоял в кабинете лорда Дрейка и, перемежая свою речь солеными словечками, обычными для обитателей лондонского Ист-Энда, рассказывал ему о том, что произошло между лордом Торнтоном и Элоизой.

Дрейк откинул голову на спинку своего плетеного кресла, его худощавое лицо превратилось в жестокую маску, освещаемую неровным светом свечей. Фредди даже пришлось в голову, что от мелькавших на лице Дрейка теней он стал похож на демона, которому не захочет перейти дорогу ни один здравомыслящий человек. Но Фредди же не слабоумный, не идиот, несмотря на то что именно так называл его отец в тот самый день, когда он ушел из родного дома.

Фредди с самого начала сделал ставку на Дрейка. Дело в том, что Фредди уже давнѐ представлял себя старшим лакеем в доме вроде этого. Пусть отец попробует назвать его идиотом, когда он будет расхаживать по особняку в ливрее с серебряными галунами. Возможно, ему даже дадут напудренный парик, и он нахлобучит его на рыжую копну своих волос.

Дрейк постучал по столу карандашом. Он в ярости, заключил про себя Фредди, хоть и пытается сдерживать свой гнев.

— Опиши-ка мне еще раз, как мисс Гудвин отреагировала на предложение Торнтонна, — попросил он деланно спокойным тоном.

Фредди фыркнул.

— Сохрани ее Господь, милорд, но она поистине была на высоте, — заявил он. — Едва не выкинула его в окно, как старое дерьмо из ночного горшка, вот как!

Уголки крепко сжатых губ Дрейка чуть приподнялись вверх.

— Старое дерьмо из ночного горшка... — задумчиво повторил он. — Боже мой, Фредди, кому только в голову могло прийти, что ты поэт?

На довольной физиономии Фредди расплзлась широкая улыбка.

— И еще она ударила его — аккурат по челюсти, — добавил он.

Дрейк выронил карандаш.

— Ты видел это через дверь?

— Дьявол, нет, конечно, но я слышал звук удара. Можно было подумать, что она ему челюсть сломала. Но она ни разу ни на кого руку не поднимала, так что я решил, что она берегла силы для случая вроде этого.

— Сегодня ты тоже не видел, — заметил Дрейк.

— Послушайте, милорд, эта женщина вмазала ему, видел я это или нет, — заверил Дрейка Фредди. — Она же прямо ему сказала, что он нуждается в матери, а не в жене.

Дрейк мрачно усмехнулся. Он словно воочию видел, как Элоиза расправляется с Торнтоном, и считал, что тот заслуживает самого плохого обращения. Этот человек — трус и бездельник, но что заставило его так неожиданно сделать Элоизе предложение? Как посмел он вернуться в дом, который бросил на произвол судьбы, да еще и предлагать ей выйти за него замуж? Ведь прежде он не проявлял к ней знаков внимания. Или, может, Торнтон испытывал к Элоизе тайную страсть все то время, что она на него работала?

— А что сейчас? — поинтересовался Дрейк. — Она одна с ним в доме?

— Мисс Гудвин помогает мисс Торнтон готовиться к вечеру, — ответил Фредди.

— Какому еще вечеру? — спросил Дрейк, протягивая руку к звонку.

— У лорда Митфорда, кажется.

Дрейк медленно улыбнулся. Леди Митфорд — близкая подруга Эммы, которая вечно заманивала его с Девонем на свои нудные вечера в надежде, что ей удастся выдать за них замуж хотя бы двух из своих бесчисленных скучных племянниц. Девон часто принимал ее приглашения — беспечный и веселый, он обладал талантом расшевелить даже самых безнадежных дебютанток. Дрейк, правда, тоже один раз решился съездить к леди Митфорд и чуть не умер от скуки.

— Вы тоже поедете туда? — с надеждой спросил Фредди.

Дрейк рассмеялся:

— Да. Возможно, я даже приглашу туда своего кузена Гейбриела, чтобы добавить немного перчика в тамошнюю скуку. У сэра Гейбриела есть законные претензии к лорду Торнтону. Он поймал его за руку, когда тот пытался жульничать при игре в карты, и вызвал на дуэль.

— Неудивительно, что вас кличут дьяволом, милорд, — с искренним восхищением проговорил Фредди. — Вы позволите им перерезать друг другу глотки, а сами тем временем займетесь личными делами.

Дрейк не стал опровергать слова лакея. Этим вечером он намеревался вовлечь Элоизу в игру, а потом, возможно, ему удастся уговорить ее провести с ним ночь. К тому же, как ни раздражала его мысль об этом, рано или поздно он будет вынужден представить Элоизу родным. Начать он предполагал с Хита — этот брат реже других ставил его в неловкое положение. К несчастью, с официальными церемониями придется подождать. К счастью, перемена планов Дрейка ничуть не расстроила. Он не был бы Боскаслем, если бы упустил возможность затеять соперничество. В общем, Дрейк предвкушал приятный вечер.

Элоиза была немало удивлена тем, что лорд Торнтон решился появиться на публике после своего падения в глазах общества. Впрочем, тут же напомнила она себе, не ей судить кого-то. На небольшой вечеринке, устроенной лордом и леди Митфорд, она в последний раз появляется в роли незаметной компаньонки. Даже на свадьбе Талии ей придется держаться в тени.

По обыкновению, едва они приехали в городской дом лорда Митфорда, Элоиза покинула Талию и сэра Томаса и присоединилась к остальным дамам, оставшимся без кавалеров. Это по большей части были компаньонки, старые девы и неудачливые дебютантки, которые предпочитали мириться со своим положением. Элоиза лениво подумала о том, сколько времени пройдет до того, как надменное общество обнаружит, что она стала любовницей известного повесы.

К сожалению, ей не пришлось ждать слишком долго. Едва она села рядом с семьей дамами, которых по той или иной причине отвергли кавалеры, как они уставились на нее, словно горгона Медуза. От таких взглядов можно было окаменеть.

— Добрый вечер, леди, — поздоровалась Элоиза, обращая свой взор на танцующих.

Счастливая Талия плясала со своим нареченным. Лорд Торнтон, похоже, отправился на поиски невесты, которая помогла бы решить его проблемы.

— Как провели время в Суссексе, миссис Бартон? — вежливо спросила она у старшей из дам.

Женщина с бледным лицом удостоила ее кислой улыбкой.

— Там далеко не так весело, как в Лондоне в последнее время, — процедила она сквозь

зубы. — Во всяком случае, насколько мы слышали.

Остальные женщины, кроме одной, принялись быстро говорить что-то, словно самцы-воробьи, приметившие хорошенькую самочку. Решив не обращать внимания на грубый намек, Элоиза продолжила светскую беседу.

— Вероятно, не стоит верить всему, что говорят, — заметила она.

Еще одна женщина, тоже служившая компаньонкой, которая была на несколько лет моложе Элоизы, тихо проговорила:

— Да если бы мы поверили хотя бы половине того, что о вас говорят, скандал разразился бы нешуточный.

Элоиза сжала губы. Светский тон, напомнила она себе. Да, она стала падшей женщиной, но это не означает, что ей стоит валяться в грязи вместе с теми, кто ее критикует.

— Удивительно, какая нынче теплая погода, — продолжила она спокойно. — В это время обычно бывает гораздо холоднее.

Леди Бартон захихикала.

— Я бы сказала, что для некоторых в определенных частях города и вовсе было очень жарко, — прошипела она.

Элоиза заставила себя улыбнуться.

— Возможно, вам стоит вернуться на север — там климат попрохладнее, моя дорогая, — произнесла она в ответ.

Остальные дамы переглянулись. Да, возможно, они и не входят в высшее общество, возможно, они не замужем за выдающимися джентльменами, но правила, принятые в их социальной группе, они соблюдают. Элоиза стала содержанкой, любовницей одного из самых завидных лондонских женихов, на которого с тайным вожделением поглядывали все женщины. К тому же он богат, привык жить в роскоши. И так же заживет теперь Элоиза? Этого благовоспитанные дамы снести не могли.

Приятельница Элоизы, некая Мэри Уэстон, тоже служившая компаньонкой, прикоснулась к ее руке.

— Они просто завидуют, Элоиза, — тихо проговорила она. — Никогда не обращай внимания на то, что говорят другие.

Миссис Бартон едва не подскочила.

— Завидуют?! — вскричала она. — Да нам всем противно, мы возмущены! Что она будет делать после того, как покровитель ее оттолкнет? Ни одна порядочная семья ее на порог не пустит! Не говоря уже об академии.

Элоиза едва сдерживалась. Да как смеет эта старая мегера упоминать академию?! Это несправедливо!

— Я уже отказалась от этого места, миссис Бартон, — промолвила она.

Пожилая женщина злоеюще улыбнулась.

— Так знайте же, что я воспользовалась вашим утерянным шансом, — торжествующе заявила она. — Я подала бумаги в академию, и леди Лайонс уже беседовала со мной. Она была очень мила.

Вероятно, Элоиза сделала бы в это мгновение что-то ужасное, если бы в толпе танцующих перед ними внезапно не материализовался Дрейк Боскасл. Сердце подскочило в груди Элоизы, во всем ее теле вспыхнул огонь, когда его темная стройная фигура загородила перед ними свет.

Она слышала, как окружавшие ее женщины возмущенно охнули, увидев его. Или это был вздох восхищения, который они не смогли сдержать? Была ли Элоиза единственной из тех, кто за его мрачным обликом сумел разглядеть чудесный источник света? Хотя даже сама Элоиза не была уверена в том, что не обманывает себя. Этот воображаемый свет может завести ее, подобно несчастным сказочным героиням, в лесную глушь, где она пропадет и сгинет навеки.

Впрочем, она уже пропала.

Дрейк проник в группу ошеломленных женщин с ленивой грацией волка, выслеживающего добычу в стаде оленей.

И протянул Элоизе руку.

— Потанцуйте со мной, мисс Гудвин, — попросил он.

Это было не столько просьбой, сколько игривым приказанием, многозначительным напоминанием о вечере их знакомства. Элоиза встала. Как ни странно, она не чувствовала себя смущенной; напротив, у нее было приподнятое настроение. Чувственные губы Дрейка растянулись в довольную улыбку.

Кончики ее пальцев дрогнули, когда их руки соприкоснулись. Элоиза видела только его. Ей было наплевать, что о ней говорят. Один взгляд на его суровое страстное лицо — и она с радостью сдастся ему. Элоизу поразило, что Дрейк и не подумал скрывать чувство, горевшее в его взоре. Он выбрал ее.

— Как я рад снова видеть вас, — низким теплым голосом промолвил он. Словно всего несколько часов назад не лежали они обнаженными в объятиях друг друга, сгорая от страсти. — Понятия не имел, что вы будете на этом вечере.

— Какой приятный сюрприз, милорд! Как я рада вас видеть! — отозвалась она. — Я и сама не знала, что буду здесь.

Боскасл вновь обжег ее страстным взглядом. Теперь их никто не мог слышать, поэтому не было нужды продолжать представление. Его рука властно сжала ее руку.

— Я слышал о том, что Торнтон сделал тебе сегодня предложение, — сказал он, едва сдерживая гнев, отчего его квадратный подбородок судорожно напрягся. — И ты думаешь, после этого я мог не прийти сюда?

Только сейчас Элоиза поняла, что Дрейк вел ее прочь из бального зала, ничуть не смущаясь этого. Все, что она могла сделать, — это идти рядом с ним рука об руку, делая вид, что в этом нет ничего необычного.

— А я-то думала, что мы будем танцевать, — сказала она. — Но откуда ты узнал о Торнтоне?

Дрейк не ответил. Вместо этого он подтолкнул Элоизу к двери, ведущей в темный коридор.

— Пожалуй, это Фредди все разболтал, не так ли? — прищурившись, спросила Элоиза. — Надеюсь, он сказал тебе, что я...

Не прошло и нескольких секунд, как она оказалась в кабинете, обитом дубовыми панелями, и в объятиях Дрейка. Захлопнув дверь, Дрейк запер ее на замок и стал целовать, крепко прижимая к себе.

— Кстати, ты не знаешь, случайно, куда подевался этот идиот Торнтон? У меня такое чувство, будто он меня избегает.

Взяв Элоизу за руку, Дрейк повел ее в глубь комнаты. Воздух здесь был насыщен ароматом сигар, бренди, книг и их горячего желания.

Содрогнувшись, Элоиза только сейчас поняла, что он хочет овладеть ею в чужом кабинете, и она не собиралась препятствовать ему. Правда, в ожидании этого она все больше слабела.

— Понятия не имею, где Торнтон, — с усилием прошептала она. — Но, насколько мне известно, он тоже ищет женщину. Тебе не кажется, что вы оба ищете одного и того же человека?

Его синие глаза потемнели от гнева и теперь напоминали сверкающий черный обсидиан.

— Если это и так, он ее не получит, хотя, насколько мне известно, ему этого хотелось, — проговорил он. — Кстати, ты не знаешь, она приняла его предложение?

Она задрожала под его испытующим взглядом. Колени Элоизы подгибались от жара его пылающей страсти.

— Но если бы она приняла это предложение, разве стояла бы она здесь сейчас рядом с тобой?

— Если бы ты это сделала, то Торнтон бы уже не было в живых, — грубым тоном заметил он, подталкивая ее животом в сторону дивана.

— Неужели ты действительно приехал лишь для того, чтобы увидеть меня? — трепеща, спросила Элоиза, которая едва не споткнулась, задев табурет.

— Ты же знаешь, что только для этого, — проговорил Дрейк быстро. — Это же настоящая пытка.

— Пытка? — удивилась Элоиза. — Да мы не виделись всего несколько часов.

Дрейк усмехнулся.

— Я хотел сказать, что находиться на подобном вечере — это пытка, — сказал он. — знаешь, сколько пожилых дам пригласили меня на танец? Почему-то меня буквально обступила группа агрессивно настроенных вдов.

— Но, надеюсь, ты вежливо спровадил их куда подальше? — рассмеялась Элоиза.

— Вот этого я как раз не сделал, — заверил он ее. — Но мне едва удалось ускользнуть от них.

— Я очень рада.

— Это мне и надо было, — хрипло прошептал Дрейк. — Я должен был еще раз прикоснуться к тебе сегодня... Целый день я представлял себе, как снова окажусь в твоём лоне. А ты? Ты тоже думала обо мне?

— Ты же знаешь, что думала. — Забыв о чувстве стыда, Элоиза отдавалась его ласкам.

Ее сердце трепетало, ее груди под платьем ныли от сладкой истомы. Даже теплое дыхание Дрейка, обжигавшее ее кожу, казалось ей нежной лаской. Его страсть была столь открытой, а ласки — такими умелыми, что Элоиза ни в чем не могла ему отказать. Она почти испытала облегчение, когда Дрейк увлек ее на диван и уложил на подушки.

— Нас будут искать, — прошептала она, не замечая того, что ее руки невольно обхватили его за талию.

Элоиза чувствовала, как его отвердевшая плоть прижимается к ее телу. Ей захотелось расстегнуть его рубашку, прикоснуться к его груди и привлечь Дрейка ближе к себе.

— Я могу остановиться, если хочешь, — пробормотал Дрейк.

Элоиза протестующе застонала.

— Нет-нет, не делай этого, — вымолвила она, собравшись с силами. — Начатое надо доводить до конца.

Дрейк поднял голову, чтобы улыбнуться Элоизе. Не успела она понять, что происходит, как он задрал вверх ее юбку и развел в стороны ее ноги. Ее глаза закрылись, когда он поцеловал ее в живот. Элоиза потянулась к нему всем телом, забыв о стыде.

— Ты хочешь чего-нибудь? — лукаво поинтересовался Дрейк.

Она открыла глаза, в которых можно было прочесть мольбу.

— Да, — беспомощно всхлипнув, прошептала Элоиза. — Я хочу... Тебя...

— Ты уже готова?

— А ты как считаешь? — смело спросила она.

— Есть только один способ выяснить это.

С этими словами Дрейк запустил пальцы в ее лоно и ласкал Элоизу до тех пор, пока не довел до вершины наслаждения. Потом настала его очередь. Отвердевшее естество Боскасла с легкостью проникло в глубину ее тела. Несколько мгновений волшебной пляски — и он содрогнулся в экстазе.

— Я хочу все время быть с тобой, — прошептал Дрейк, переведя дыхание.

Элоиза в ответ лишь крепче прижалась к нему. Тут в коридоре раздались голоса, чьи-то шаги. При других обстоятельствах Боскасл понежился бы с Элоизой еще некоторое время. Но сейчас тянуть было нельзя. Его сердце еще билось в неистовом ритме любви, а он уже поднял Элоизу с дивана. Дрейку не пришлось объяснять причину такой, торопливости. Дрейк не успел застегнуть пуговицы на панталонах и пригладить свои темные волосы, а Элоиза уже привела себя в порядок.

У дверей он быстро привлек ее к себе. Только сейчас Дрейку пришло в голову, что он не подумал о предохранении от зачатия ребенка. В прошлом он всегда был осторожен с такими вещами, но что сейчас с ним произошло? Почему ему стала казаться привлекательной мысль о беременной любовнице? Неужто ему хочется пойти по следам Грейсона?

Прежде, когда Дрейк представлял себе свое будущее, ему казалось, что он смотрит на темную пелену. И вдруг впервые за тьмой он увидел проблески света. Может, источник этого света он сейчас держит в своих объятиях?

— Мне показалось, я слышала чьи-то голоса, — прошептала Элоиза, отталкивая его. — Не можем же мы оставаться здесь всю ночь.

Ее слова были не лишены смысла, Элоиза вернула его с небес на землю. Или, может, в ад? Вдохнув ее аромат, Дрейк с неохотой выпустил Элоизу.

— Ты иди первая, — сказал он. — Я дам тебе время вернуться к твоим подружкам — группе старых дев с каменными физиономиями. — Он отпер дверь и выглянул в коридор, чтобы убедиться, что путь свободен. — Ступай!

Элоиза повиновалась. Дрейку пришло в голову, что любой человек, взглянув на нее сейчас, догадается, что она только что занималась любовью.

— Ты же не хочешь обидеть пожилых дам? — спросила она, оглянувшись на Боскасла через плечо. — Потанцуешь с вдовушками?

— Нет, я собираюсь избавить Торнтон от... — Дрейк осекся, поймав на себе осуждающий взгляд Элоизы, — от дурных привычек, — договорил он. — Да, я разыщу Хораса, и мы с ним серьезно потолкуем с глазу на глаз.

Элоиза попятилась назад.

— Хорошо, но только прошу тебя, не доводи до того, чтобы ваш разговор закончился в пруду для рыбок, — попросила она.

— Не волнуйся за Хораса, милая, — проговорил Дрейк, прислоняясь к дверному косяку.

Он едва сдерживал желание догнать Элоизу. — Обещаю быть образцовым джентльменом.

Глядя на темную худощавую фигуру, приближавшуюся к нему с ленивой грацией хищника, Хорас подумал о том, что минуты его сочтены.

— Боскасл... — пробормотал он, с трудом проглатывая комок, застрявший в горле. — Бог мой, как я рад снова вас видеть! Полагаю, вы думали, что я никогда не вернусь. Как раз сегодня вечером я намеревался заехать к вам, но, раз уж вы здесь...

На мгновение Торнтон обманула простецкая улыбка лорда Боскасла. Возможно ли это? Неужели ему удастся обмануть Дрейка и он сумеет избежать наказания?

— Вот о чем я подумал, — почти дружелюбным тоном проговорил Дрейк, одной рукой подталкивая Хораса к темному алькову. — Это хорошо, что у тебя хватило ума оставаться в укрытии. И... — тут Дрейк намотал шейный платок Хораса себе на руку, — еще о том, что ты был настолько глуп, чтобы вернуться. А раз так, то тебе придется узнать, что с некоторыми людьми тебе было бы лучше вообще никогда в жизни не встречаться. Дорогу им не переходить, ты меня понимаешь?

— Не п-переходить? — заикаясь, переспросил Хорас. — Да мне и в голову никогда не приходило...

Дрейк сильнее потянул платок.

— Ты не только пытался обмануть моего кузена, но и вынудил меня отправиться вместо тебя на дуэль.

— Я, кстати, очень хотел вас за это поблагодарить... — лепетал Торнтон.

— Больше того, ты оставил всех своих домочадцев на растерзание кредиторам. Ты оставил двух незащищенных женщин без средств, в одиночестве!

— Ну, знаете, теперь я едва ли могу назвать Элоизу... — Хорас не договорил: язык отказался ему повиноваться, когда он посмотрел в лицо Дрейка, полное холодной ярости. — Боже мой, вы правы! Я полный хам. Убейте меня! Немедленно! Но, прошу вас, сделайте это безболезненно и быстро.

Дрейк покачал головой.

— Вообще-то мне стоило бы это сделать, — вымолвил он с отвращением.

Хорасу казалось, что он вот-вот упадет в обморок. Честно говоря, он никак не мог понять, почему это Дрейк поддерживает с ним отношения. Вероятно, из-за его умершего брата. Насчет себя Торнтон не обольщался и понимал: мало того что он занимает нижнюю ступеньку на социальной лестнице, он еще полный идиот.

Хорас судорожно сглотнул.

— Вы были добры ко мне, Боскасл, — проговорил он. — Были мне другом, когда я не заслуживал вашей дружбы. Но я хочу, чтобы вы знали: я изменился, я теперь другой, я переродился...

Глаза Дрейка опасно сверкнули, его рука зажала платок Торнтон еще сильнее.

— Да плевать мне на то, что с тобой произошло, — тихо произнес он. — Но ты еще и к Элоизе пристаешь, недоумок!

Хорас дрожал. Позднее он признался себе, что в то мгновение почувствовал в воздухе запах серы.

— Вы подумали, что я... могу ее обесчестить? — запинаясь, спросил Торнтон.

— Ты уже обесчестил себя, — заметил Боскасл, сделав ударение на последнем слове.

— Я... я не понял, — поспешно произнес Торнтон. — Мне и в голову не пришло, что человек с вашим положением может обратить внимание на компаньонку моей сестры. Я не знал этого, Боскасл! Клянусь! Никогда в жизни я больше не заговорю с ней! Я готов лизать подошвы ваших ботинок, только не убивайте меня! Я не знал, что она вас до такой степени интересует. Она милая женщина, правда, временами бывает грубовата, но отныне я близко к ней не подойду. Правда... Я не понимал, что она вас интересует...

Дрейк наконец отпустил платок, его лицо обрело равнодушное выражение. Над облегчением, испытанным Хорасом, можно было бы посмеяться, но Дрейку было не до смеха: ему до сих пор и в голову не приходило, что Элоиза так сильно волнует его. Да он даже предположить не мог, что вообще способен испытывать такие чувства к женщине. Ощущение было такое, будто темный зверь наконец-то решил отдохнуть на его плечах. И там остаться.

* * *

Элоиза только что заснула с блаженной улыбкой на устах. Последним, что она вспомнила перед сном, была фигура Дрейка, выводящего круги вальса с седовласой дамой, которая, судя по всему, дожидалась того, чтобы он выполнил свое обещание. Какой же он замечательный человек, подумала Элоиза перед тем, как заснуть. Но вот к чему она не была готова, так это к тому, чтобы ощутить...

...холод двух ступней, пытавшихся зарыться между ее ногами. Элоиза немедленно проснулась, она не осмеливалась ни пошевелиться, ни открыть глаза. Можно, конечно, было убедить себя в том, что неожиданный ночной гость — это ее неугомонный покровитель, визит которого в очередной раз подтверждал, что он и в самом деле ненасытный любовник, как твердили бульварные газетенки.

Но не мог же Дрейк отрастить на ногах такие длинные и острые ногти всего за несколько часов! Не мог он также пробраться в ее комнату для того, чтобы жалобно рыдать в подушку, как это делал незванный сосед по постели.

Элоиза резко поднялась.

— Мисс Торнтон, что такое? — раздраженно проговорила она. — Что означает этот неожиданный визит?

— Ох, Эло-и-и-за-а... — провыла Талия, обхватывая шею компаньонки руками, отчего та упала назад и ударилась головой о спинку кровати. — Мне приснился ужасный сон. Обнимите меня, пока я не успокоюсь.

Элоиза сняла с шеи хрупкие руки девушки.

— Ничего такого я делать не буду, — отрезала она. — Ты уже не ребенок, и я бы сама хотела иметь возможность увидеть сны. Уже очень поздно, а нам надо вставать спозаранку, чтобы примерить твоё свадебное платье.

— Свадебное платье! — эхом прорыдала Талия, прижимаясь к груди Элоизы, как ребенок. — Вот о чем был мой страшный сон. Что же мне делать?

Элоиза почувствовала, что кожа у нее покрывается мурашками. У нее появилось желание дать Талии звонкую пощечину.

— Только не вздумай сказать мне, — прошипела она тихо, но отчетливо, — что у тебя появились какие-то задние мысли о замужестве. Теперь, когда с сэром Томасом все

оговорено, когда я пережила из-за тебя столько неприятностей!

Талия потеряла нос.

— Иногда он кажется мне таким старым, Элоиза.

Лишь потому, что сама Талия временами кажется сущим младенцем, мрачно подумала Элоиза.

— Да, он человек среднего возраста, — сказала она. — Но не древний же старик. Думаю, все дело в обычной нервозности, которую девушки испытывают перед свадьбой.

Талия надулась.

— А вы-то откуда знаете? — вызывающе спросила она. — Вы же никогда не были невестой. И не будете, если не примете предложения моего брата выйти за него замуж. Кстати, Боскасл угрожал ему сегодня на вечере. Кажется, у вашего любовника неуправляемый темперамент.

Элоиза вздохнула.

— Ты должна забыть свои сомнения и сосредоточиться на мыслях о подготовке к свадьбе, — твердо промолвила она. — У нас осталось так мало времени, а ведь надо еще обдумать, как пройдет церемония венчания и прием.

— Не больше недели, — пробормотала Талия, кусая ноготь.

— Что? — переспросила Элоиза, решив, что не поняла Талию.

Ее подопечная широко зевнула.

— Разве я не говорила вам? Томас получил специальную лицензию, чтобы мы могли пожениться в доме его матери. Экстравагантный поступок, но, кажется, он просто боится, что я...

Элоиза соскользнула с кровати.

— Это невозможно! — проговорила она. — У нас еще столько дел!

— У вас все получится, Элоиза. У вас всегда все получается. Именно поэтому я и решила, что вы будете хорошей женой для Хораса.

Талия свернулась комочком под одеялом.

— Не огорчайтесь, дорогая Элоиза! — промурлыкала она. — Если я откажусь выйти замуж за Томаса, то могу пойти по вашим стопам. Зато когда я буду старенькой, вы сможете опять быть моей компаньонкой. Да, кстати, я не против, чтобы он меня целовал. Так что, возможно, замужество не так уж страшно, как я опасаясь.

Элоиза бросила на нее яростный взгляд.

— Если ты откажешься выходить замуж, то поймешь, что еще не знаешь, что такое «страшно», можешь мне поверить, — промолвила она угрожающим тоном.

Талия натянула одеяло до подбородка.

— Можно я сегодня посплю с вами?

— Только если ты пообещаешь мне больше не менять своего решения.

— Я так люблю вас, Элоиза! И мне бы очень хотелось, чтобы мой брат заслуживал вас.

Сев на кровать, Элоиза упала головой на подушку.

— Тогда засыпай, а завтра с утра у нас с тобой полно дел, — сказала она.

После вечера Дрейк сразу отправился домой. Впервые за год или около того он не поддавался искушению досидеть в гостях до рассвета, чтобы разогнать тоску. Впрочем, если бы все шло так, как хотелось ему, они бы сейчас сидели с Элоизой в постели нагие и попивали бы шампанское, любуясь, как над ее любимым городом встает солнце.

Он своего добьется, причем очень скоро. Дрейк уже навел кое-какие справки о

подходящем для Элоизы доме. Некоторые из его друзей арендовали жилье для своих любовниц на Халф-Мун-стрит. Недалеко от этой тихой и спокойной улицы был парк и магазины, где женщина могла развлечь себя покупками. Однако главный ее недостаток для Дрейка состоял в том, что она пролежала вдалеке от того места, где живет он. К тому же все чаще ему претила мысль поселить Элоизу в таком месте, где она всего лишь исполняла бы роль сексуального объекта.

Это неправильно. Видит Бог, неправильно! Так неужели обвинения Марибеллы Милдред в аморальности верны? Хотя едва ли кто-нибудь решился бы упрекнуть его в моральном пуританстве, если бы знал, что они делали сегодня с Элоизой за закрытыми дверями в чужом доме. Но и этого Боскаслу было мало. Он хотел бы остаться с нею после этого, хотел бы по утрам, просыпаясь, видеть ее подле себя. Ему хотелось говорить с Элоизой обо всем, да и просто быть рядом с нею.

У дверей своего кабинета Дрейк остановился, увидев там двух мужчин, беседующих о чем-то при свете свечей. Сидящий небрежно на диване оказался его братом Девон. Второй, стоявший у камина, был Эваном Уолтоном, сыщиком с Боу-стрит. Дрейк попросил его разыскать человека, угрожавшего Элоизе.

— Добрый вечер, — сказал он, бросая на стул пальто и перчатки. — Полагаю, вы хотите что-то сообщить мне.

Сыщик перешел прямо к делу. Он оценил щедрую оплату услуг, которую предложил ему лорд Боскасл, — деньги оказались неплохим подспорьем к его скромному жалованью. К тому же Уолтон питал глубокое уважение к семейству Боскаслов.

— Мы разыскали его, милорд, — начал сыщик. — Он остановился в неплохом отеле на Дувр-стрит, во всяком случае, лучшего отеля он позволить себе не может. Если бы не тот факт, что он отказался выплачивать ренту, что привело в ярость его домохозяйку, мы, возможно, никогда не узнали бы, где он живет.

Дрейк почувствовал, что его охватывает гнев.

— Так он сейчас где? На почтовой станции? — спросил Дрейк.

— К сожалению, нет, милорд. Он уехал из Лондона в Бат. Мне казалось, что вы были бы рады попрощаться с ним, — сказал Уолтон.

— Понятно, — кивнул Дрейк.

Конечно, сыщика винить не в чем — тот добросовестно выполнил свою работу, однако Дрейк чувствовал бы себя спокойнее, если бы ему удалось по-свойски потолковать с Ральфом Хокинсом с глазу на глаз.

— Если только он вернется, мы глаз с него не спустим, — пообещал Уолтон. — Прошу прощения за то, что побеспокоил вас поздним вечером, но мне казалось, что вы захотите узнать, что нам удалось выяснить.

— Совершенно верно, Уолтон, — пробормотал Дрейк. — Вы хорошо поработали. Благодарю вас.

Наступило молчание. Когда сыщик ушел, Дрейк посмотрел на своего брата. Девон читал газету, его шейный платок был небрежно развязан, а на лице застыло циничное выражение.

— Новости из Вены? — спросил Дрейк, наклоняясь к брату через стол.

— Нет. — Девон рассеянно посмотрел на Дрейка. — Хотя тут есть несколько слов о тебе. Тебе было известно, что Марибелла Сент-Айвз ведет переговоры с графом Чезли?

— Девон, — возмутился Дрейк, — не затем же ты пришел ко мне домой ночью, чтобы почитать мне перед сном новости из бульварной газетенки! Что ты делаешь на моем диване

в столь поздний час?

— Да ничего особенного, — попытался оправдаться Девон. — Просто я в клубе играл в карты с Гейбриелом. И если ты не возражаешь, я хотел бы остаться у тебя на ночь.

— Но почему ты не поехал к себе домой? Только, ради Бога, не говори мне, что ты прячешься от мужа какой-нибудь красотки, которому ты наставил рога!

Отбросив газету, Девон встал и потянулся.

— Ну что ж, если тебе так уж хочется узнать правду, то я скажу, что все дело в Эмме, — проговорил он. — Уж и не знаю, сколько еще времени я смогу выдерживать общество этой женщины и ее академии. Мой дом полон молоденьких девушек, жаждущих начать учебу. Эмма докатилась до того, что устроила им пародию на домашний вечер, чтобы они усвоили светские манеры.

— Так твой дом полон молодых девушек? — Дрейк насмешливо улыбнулся брату. — Но чем это тебе мешает?

— Видишь ли, это создает для меня настоящую проблему, потому что мне запрещено смотреть на них, прикасаться к ним и их поддразнивать, — тоскливым тоном проговорил Девон, снова падая на диван. — Признаться честно, это сущая пытка. Во мне просыпаются самые дурные инстинкты!

Дрейк пожал плечами, оттолкнувшись от стола.

— Что ж, в таком случае оставайся здесь. А я иду спать.

Дрейк направился было к дверям, но на полпути его остановил голос Девона.

— Кстати, о тебе ходит еще одна сплетня, — более серьезным тоном произнес он.

Дрейк остановился.

— Да? — спросил он, приподнимая брови.

— Ее я слышал от членов клуба, — вымолвил Девон, явно почувствовавший себя не в своей тарелке. — Видишь ли, некоторые из них держат пари на тему о том, сколько времени ты проживешь со своей новой любовницей.

— В этом для меня нет ничего нового, — отрезал Дрейк.

— Да, но есть и такие, в чье число я, кстати, не вхожу, кто бьется об заклад, утверждая, что эта женщина приведет тебя к алтарю, — добавил Девон.

— Ну что ж, пусть спорят, — сказал Дрейк, выходя в коридор.

На его лице появилось удивленное выражение.

А вот Девон, смотревший вслед брату, похоже, был шокирован. Не такой реакции ожидал он от Дрейка. Больше того, у него холодок по спине пробежал. Да если бы всего несколько месяцев назад он сказал Дрейку нечто подобное, тот высмеял бы его. И вот теперь... Девон опять содрогнулся. Одному Господу известно, что происходит с его братьями, да только все они женятся один за другим, да еще и счастливы в браке. Оставалось надеяться лишь на то, что поразивший их недуг незаразен и что у самого Девона не проявятся симптомы этой чудовищной болезни.

* * *

Следующие несколько дней Элоиза провела в сплошной суете. Но торопилась она не случайно, ведь сэр Томас, опасавшийся того, что Талия передумает выходить за него замуж, настоял на том, чтобы приблизить дату венчания. Времени на то, чтобы разослать

приличествующие случаю приглашения или устроить прием, почти не оставалось. Разумеется, о том, чтобы устроить венчание где-нибудь, кроме церкви Святого Георгия, что на Ганновер-стрит, и речи не возникало.

От лорда Торнтона не было решительно никакой помощи. Он шарахался от Элоизы как от прокаженной, опасаясь того, что если вдруг нечаянно натолкнется на нее, то рядом тут же окажется Боскасл, который сдержит свои угрозы. Несколько раз за эту неделю Элоизе все же удавалось выкроить немного времени, чтобы встретиться с Дрейком, и всякий раз он придиричиво расспрашивал ее о Хорасе.

— А издали он к тебе обращался? — поинтересовался Дрейк, когда они заглянули в книжный магазин на Бонд-стрит.

— После вечера он со мной и парой слов не перемолвился, — ответила Элоиза. — Вероятно, то, что ты ему сказал, напугало Хораса до полусмерти.

— Он не прикасался к тебе? — не унимался Боскасл.

— Да нет, конечно, — рассмеялась Элоиза, наклонившись, чтобы пройти под лестницей.

— А хотел?

Элоиза задумалась.

— Ну откуда мне знать? — пожала она плечами. — Как только я вхожу в комнату, он умолкает.

Внезапно Дрейк оглянулся и заметил, что на них глазают несколько его друзей, которые наблюдают за ним и Элоизой. Пять открытых книг одновременно поднялись вверх, чтобы скрыть их любопытные взгляды. Элоиза выглядела изумленной, а Дрейк по очереди целился холодными стрелами своих глаз в присмиривших приятелей.

Взяв Элоизу под руку, Дрейк вывел ее из магазина.

— Люди всегда так на тебя глазают? — полуболебно спросила Элоиза, оглядываясь назад, чтобы увидеть, вышел ли кто-нибудь из книжной лавки следом за ними.

— Они смотрят вовсе не на меня, — сердито ответил Дрейк. — Просто всем им хочется получше разглядеть женщину, которая обыграла Марибеллу Сент-Айвз.

— Женщину, которая...

— Да на тебя! — нахмурившись, объяснил Дрейк. — Тебя описали уже во всех газетах.

— Да ты что? — воскликнула Элоиза.

Судя по ее тону, она была вовсе не так огорчена этим, как следовало бы.

— И что обо мне пишут?

Дрейк повел ее к карете.

— Тебя называли таинственной молодой богиней, которая бросила вызов самой Гере [\[4\]](#) и выиграла.

Элоиза довольно засмеялась:

— Правда?

Глаза Дрейка наполнились теплом.

— Правда, — кивнул он.

В день свадьбы Талии Элоиза проснулась до рассвета. Быстро приведя себя в порядок, она поспешила в комнату своей подопечной, чтобы убедиться, что невеста никуда не исчезла ночью. Последние несколько дней Талия казалась такой довольной, что Элоиза опасалась доверять ей. К счастью, Талия оказалась там, где и должна была быть, — она спокойно спала, посапывая, в собственной кровати, когда Элоиза заглянула к ней в комнату. Никаких дорожных сумок и саквояжей, лишь скромный ридикюль возле трюмо.

Итак, Талия выходит замуж, с удовлетворением подумала Элоиза. Пожалуй, она не испытала бы такого облегчения, даже если бы сама готовилась произнести брачные клятвы.

Скромная свадебная церемония должна была состояться в резиденции леди Хитон на Корк-стрит. Ничего особенного, никакой показной роскоши. Да Элоиза была бы рада, даже если бы Талия с баронетом обвенчались посреди дороги и все веселье длилось бы не дольше самой церемонии.

Завтракать Талия отказалась. Расплакавшись над чашкой чая, она вслух сокрушалась о том, что ее мать не дожила до этого дня.

— Что ж, дорогая, — попыталась утешить ее Элоиза, — по крайней мере твой брат будет рядом, так что ты выйдешь замуж в присутствии родного человека. Он сам поведет тебя к жениху.

Талия, все еще одетая в халат, встала из-за стола.

— Я бы скорее предпочла моему брату лакея. Фредди, например, — заявила она. — Он мне ближе, чем Хорас.

Элоиза быстро встала, чтобы подавить этот мятеж в зародыше.

— Так говорить не следует, — сказала она. — К тому же и Фредди, и другие слуги больше не служат у лорда Торнтона.

— Стало быть, теперь они работают на лорда Боскасла? — прищурившись, спросила Талия.

— Думаю, это возможно, — после непродолжительного молчания кивнула Элоиза.

— Но вы хотя бы придете на свадьбу?

— Вообще-то мне бы не следовало, но если ты настаиваешь, то приду, — ответила Элоиза.

Да если понадобится, она встанет возле алтаря и сама проведет церемонию!

— А теперь давай поспешим. Через два часа приедут кареты, чтобы забрать нас. Твой брат уже уехал, чтобы ты могла спокойно одеться и привести себя в порядок.

* * *

Налив себе крепкого горячего кофе из серебряного кофейника, Девон с любопытством посмотрел через стол па Дрейка.

— Насколько я понял, ты на свадьбу не идешь?

Дрейк широко улыбнулся.

— Нет, — промолвил он. — Думаю, никто не оценит, если я поколочу брата невесты.

— Мне и в голову не пришло, что ты можешь туда пойти, — продолжал Девон. — Ты же

ненавидишь свадьбы так же, как и я.

Дрейк, разбиравший письма и приглашения, горой лежавшие на столе, едва заметно кивнул.

— Разве это не ты говорил, что на свадьбах ты начинаешь помышлять о самоубийстве? — спросил Девон.

Закинув руки за голову, Дрейк вперил взор в потолок.

— Я такое говорил? — удивился он.

— На свадьбах женщины всегда плачут. А я всегда спрашивал себя: почему? Это жених должен обливаться слезами. Да при одной мысли о женитьбе мне хочется плакать! — продолжал разглагольствовать Девон.

Он с любопытством посмотрел на брата, словно ожидая от того подтверждения своим словам. Дрейк вопросительно посмотрел на младшего брата:

— Что?

Девон помедлил.

— Послушай, — заговорил он через несколько мгновений, — ты слышал хоть одно слово из того, что я только что говорил?

— Да. — Дрейк бросил письмо на стол. — Свадьбы выжимают из тебя слезу.

Девон мрачно улыбнулся.

— Совершенно верно, — кивнул он. — Именно с этим моим утверждением ты горячо согласился и объявил о своем желании остаться холостяком до конца своих дней.

— Кстати, который час? — спросил Дрейк, ощутив внезапное беспокойство.

Ему безумно захотелось увидеть Элоизу, но он знал, что она будет выполнять свои обязательства почти до конца этого дня. Он ничуть не удивится, если эта девочка, Талия, настоит на том, чтобы Элоиза составила компанию ей и ее мужу во время медового месяца.

Нет, он должен вмешаться в это дело. Признаться, он еще ни разу в жизни не был столь терпелив с женщинами, никогда не понимал их так хорошо. Не может это быть добрым знаком.

— Между прочим, — заговорил Девон, махнув перед лицом Дрейка ложкой, — вчера вечером я видел Марибеллу Сент-Айвзу у Одри. Она была там со своим графом.

— Да?

Девон усмехнулся.

— Она передавала тебе наилучшие пожелания и упомянула о том, что, возможно, на следующей неделе уедет из Англии, — сказал он.

— Что ж, все хорошо, что хорошо кончается, — промолвил Дрейк.

Он все еще не мог воспринимать рыжеволосую куртизанку как Милдред Хаммерсмит. Не укладывалось у него в голове и то, что они с Элоизой были когда-то соперницами, а потом их свело общее дело. Ей хочется быть Марибеллой Сент-Айвз — и хорошо! Именно под этим именем он ее и запомнит.

Девон постучал ложкой по столу.

— Еще она попросила меня напомнить тебе о необходимости защищать Элоизу.

Дрейк ничего не сказал в ответ. Девон со стуком уронил свою ложку.

— Грейсон и Джейн приглашают сегодня всех родных на обед, — продолжал он. — Хочешь пойти к ним со мной и улизнуть оттуда, прежде чем начнется лекция на тему морали?

— Боюсь, я вовсе не смогу прийти к Грейсону. — Дрейк пошарил у себя за спиной в

поисках сюртука. — Я должен кое-что сделать.

Девон отодвинул свой стул назад, на его лице появилось слегка озабоченное выражение.

— Я мог бы пойти с тобой, — сказал он. — На день у меня нет никаких планов.

— Нет. — Дрейк уже был у дверей. — Я должен сделать это сам.

— Что должен сделать сам? — недоуменно переспросил Девон. Впрочем, ответа он уже не получил — Дрейка и след простыл.

* * *

— Господи Боже мой! — воскликнула Элоиза, пятясь от окна в гостиную. — Экипаж для тебя уже прибыл, но сейчас, кажется, начнется ливень. Поторопись! Не можешь же ты опоздать на собственную свадьбу.

Резко повернувшись, Элоиза обнаружила, что говорит сама с собой. А ведь всего несколько мгновений назад Талия стояла у нее за спиной.

— Ну где же ты? — нетерпеливо крикнула она, выглядывая в коридор.

— Да здесь я, — нервно прошептала Талия, пристраивавшая на голове кружевную вуаль. — Но где лакеи Томаса, которые должны за мной приехать? Не могу же я в день свадьбы идти к экипажу без сопровождения!

— Понятия не имею, — пробормотала Элоиза, перекинув через руку накидку на шелковой подкладке. — И прошу тебя, перестань хныкать. Сможешь делать это в доме леди Хитон.

Она открыла дверь. Мрачные дождевые тучи и серое низкое небо как-то не сочетались с праздничным свадебным настроением. По улице ледяной ветер гнал смятую газету. Мимо них торопливо прошел торговец пирогами, звоня в свой колокольчик. Талия сделала несколько шагов вперед и, скривив недовольную гримасу, остановилась при виде прочной, но неуклюжей кареты, которая ждала ее на улице. Сидевший на козлах кучер ссутулился и смотрел прямо перед собой.

— Неужели Томас не мог прислать за мной экипажа получше? Этот почти не отличается от таких, в которых развозят пиво, — возмутилась Талия.

Элоиза вздохнула.

— Сможешь потолковать с ним об этом после свадьбы, — сказала она. — Если только ты на нее успеешь. Возможно, карету поизящнее сэр Томас приберег для поездки за город.

Талия принялась постукивать мыском своей белой шелковой туфельки по мостовой.

— Но почему мой брат уехал так рано? Почему? Да он прошлой ночью вообще домой-то пришел?

Элоиза отвернулась в сторону.

— Я не знаю, в котором часу он вернулся, — промолвила она. — Так мы садимся в карету или нет?

Талия продолжала капризничать.

— А что, если Хорас вновь стал играть?

— Послушай, что я тебе скажу, — заговорила Элоиза вполголоса. — Это не важно. Ты начнешь новую жизнь, ты станешь женой и добропорядочной провинциалкой. А лорд Торнтон либо справится со своими грехами, либо погибнет.

— Но кто подведет меня к жениху, если он так и не появится? — спросила Талия.

— Там будет дядя баронета, — ответила Элоиза. — Думаю, леди Хитон понимает, что ты не виновата в поведении своего брата. — Она подтолкнула Талию к двери. — Давай же, быстрее! Смотри-ка, из дома вышел майор Дагдейл, он спешит сюда, а в руках у него газета. Быстрее, Талия! Старый сплетник вот-вот будет здесь.

В этот момент Талия приложила руку к своей голой шее и испуганно охнула:

— Боже мой, мамин медальон! Я хотела надеть его в память о маме.

— Мы заедем за ним после церемонии, — сказала Элоиза. — Уверена, что сэр Томас не будет возражать и с удовольствием остановится у дома.

— Нет! — заупрямилась Талия, на глазах которой выступили слезы. — Он нужен мне немедленно. Я хочу знать, что мама рядом со мною в такой день.

Элоиза посмотрела на майора Дагдейла, а потом, схватив Талию за руку, буквально затащила ее назад в дом. Майор забарабанил в дверь. Талия стала подниматься наверх. Элоиза принялась мерить шагами холл.

— Да пошевеливайся же ты, — пробормотала она. — Я же вижу, что вот-вот хлынет ливень, а нам туда еще целую вечность добираться. Прошу тебя, быстрее! Нашла медальон?

Талия ничего не ответила. Кажется, майор Дагдейл оставил попытки достучаться и ушел. Элоиза слышала, как Талия, разговаривая сама с собой, выдвигает ящики комода. Затем хлопнула дверь возле комнаты лорда Торнтона. Наступила тишина.

— Талия! — крикнула Элоиза, медленно направляясь к лестнице. — Утром я видела медальон на твоем туалетном столике. И посмотри на полу.

Опять ни слова в ответ. А потом... Что это еще за звук? Крик? Спаси Господи! Да что случилось?

Элоиза бросилась наверх, к комнате Талии. Дверь оказалась заперта, но она слышала, как Талия двигается по комнате. Элоиза стучала до тех пор, пока дверь медленно не приоткрылась.

— Да что тут такое?..

Еще не договорив предложения, Элоиза поняла, что случилось что-то нехорошее. В комнате царил беспорядок, но не такой, как обычно, когда Талия разбрасывала повсюду свои веера и всевозможные женские штучки. Талия стояла возле кровати, на ее лице застыло выражение ужаса. Кружевная фата валялась на полу, а по побледневшим щекам текли слезы.

Элоиза направилась было к своей подопечной, но тут она заметила движение в зеркале, стоявшем в углу комнаты. Зеркало отражало фигуру мужчины, стоявшего за дверью. На его лице расплзлась злобная ухмылка, когда их глаза встретились. А в его руке блеснул нож.

Элоиза постаралась взглядом успокоить Талию, хотя ее собственное сердце неистово заколотилось от страха. Они вдвоем против сильного мужчины, подумалось ей. Необходимо сохранять спокойствие. Она не позволит Ральфу Хокинсу причинить девушке вред.

— Если только хоть одна из вас посмеет пикнуть, — заговорил Ральф, делая шаг в сторону, чтобы захлопнуть дверь, — вы обе об этом горько пожалеете. Ты поняла меня, Элли?

Талия дрожала в своем тоненьком белом муслиновом платье. Она подняла на Элоизу полные ужаса глаза.

— Так ты знаешь его?

— Знает ли она меня? — с неприкрытой злобой взглянув на Элоизу, переспросил Ральф. — Знаетли она меня... Когда-то мы с Элли должны были пожениться. Мы были сказочной парой. Она обещала стать моей невестой, не так ли, детка?

— Элоиза! — голоском позвала Талия. — Это правда?

— Но ты так и не вышла за меня, не правда ли, Элли? — продолжал Ральф, не удостоив Талию даже взглядом.

Не успела Элоиза и слова молвить в ответ, как он подтолкнул ее к стене. Голос Ральфа стал выше. Краем глаза Элоиза заметила, что Талия зажала уши руками, чтобы не слышать его крик.

— Ты погубила мою жизнь, — скривив губы, проговорил Ральф. — Ты надсмеелась над моим мужским достоинством.

Тяжелые капли дождя забарабанили по подоконнику. Кажется, на улице тут же похолодало на несколько градусов.

— Если твоя жизнь погублена, то в этом ты должен винить лишь себя одного, — силясь сдержать дрожь в голосе, спокойно заговорила Элоиза. — И уж никакого отношения твои проблемы не имеют к молодой женщине, которую ты видишь впервые в жизни.

— Дома в мою сторону никто больше и не плюнет, — не слушая ее, продолжал Ральф. — И в этом твоя вина.

Прижав Элоизу к стене, Ральф схватил ее за плечи.

— Ты не должен был доводить до того, чтобы кто-то губил твою жизнь, — прошептала она, чувствуя, что его пальцы начинают сжимать ей горло.

Жилка на ее шее бешено запульсировала. Элоизе было известно, что за тип перед нею.

— Люди смеялись надо мной, — продолжал Хокинс, лицо которого покраснело при воспоминании о давних днях. — Долгое время после той истории я не мог работать. Мне пришлось свернуть свое дело. Кто наймет мужчину, которого выставили на посмешище две женщины? Даже служанки в пивных потешались надо мной, когда я заходил туда выпить кружечку пива. «Где табличка с твоей шеи, Ральф? — спрашивали они, хихикая. — А сегодня в твоей постельке есть горячие угольки?»

Дождь лил все сильнее. Элоиза спросила себя, сколько времени кучер будет дожидаться их. Заподозрит ли он что-нибудь, постучит ли в дверь? Не станет же он равнодушно сидеть под дождем, ничего не предпринимая. И почему она так спешила убежать от майора Дагдейла? Без сомнения, сэр Томас начнет волноваться, если они с Талией вовремя не приедут в дом его матери. Но из-за дождя они могут задержаться — во всяком случае, все так подумают, ведь весь транспорт на улице может встать. И тогда сэр Томас решит, что надо просто подождать. Он будет терпелив и согласится ждать хоть несколько часов.

Голос Ральфа вернул ее к действительности. Его мозолистые пальцы вонзились глубоко в ее нежную кожу, он яростно встряхнул Элоизу.

— Много лет я представлял себе это мгновение, представлял, как ты молишь меня о прощении за то, что сделала со мною! Тебе нравится выносить чужие ночные горшки? Эта жизнь лучше той, которую я мог тебе обеспечить?

Встретив в зеркальном отражении глаза Талии, Элоиза попыталась приободрить ее взглядом.

— Я не выношу чужие ночные горшки, — промолвила она.

Медленно подняв руки, Элоиза что было сил ребрами ладоней ударила Ральфа по запястьям и тут же толкнула его в грудь.

— Беги, Талия! — закричала она. — Убегай из дома!

Своим ударом она лишила Ральфа равновесия, но, к несчастью, он удержался на ногах. Помедлив, Талия бросилась к двери. Но Ральфу удалось остановить ее, схватив за платье

одной рукой, и толкнуть на кровать. Другую руку он поднес к горлу Элоизы. Она инстинктивно сглотнула. Почему именно сегодня? Этот день должен был стать для Талии днем начала новой жизни. Элоиза отвела взор от девушки, тихо плачущей на кровати.

— Да как ты посмел?! — заговорила Элоиза возмущенным тоном. Как ни странно, ее голос звучал гораздо сильнее, чем она думала. — У нее сегодня свадьба. В это самое мгновение она должна венчаться.

Вздернув вверх подбородок, Хокинс ухмыльнулся:

— Это мы с тобой должны были обвенчаться, Элли. Что-то непохоже, чтобы ты переживала из-за того, что не попала на наше венчание.

— Мы дадим вам денег, — прошептала Талия, приподнимаясь на локте. — Мой брат даст вам все, чего вы захотите.

— Я хочу вернуть свою честь. — Он провел рукой от плеча Элоизы вниз до локтя.

Элоиза закрыла глаза. В комнате нет никакого оружия. Пистолет, который она брала у лорда Торнтон, лежит на месте. Хорас, должно быть, уже дома у леди Хитон. А Дрейку она сказала, что сможет увидеться с ним только после свадебного завтрака. Она пообещала ему, что, как только они с Талией попрощаются, она оставит прошлую жизнь и обратит на него то внимание, которого он от нее требует.

Но должен же кто-то прийти!

Да, но это произойдет слишком поздно.

Пуговицы с ее платья разлетелись по полу.

— Распусти волосы, Элли, — велел Ральф, упираясь кончиком лезвия ей в грудь.

Ощувив прикосновение холодного металла на своей коже, Элоиза содрогнулась.

Она неохотно открыла глаза. Ее взор устремился к кровати. Талия закрыла лицо руками. Девушка явно была слишком напугана, чтобы убежать. Ральф поторопил Элоизу, нажав на нож. Он велел ей распустить волосы. Она подняла руки, двигая ими напряженно и неестественно, как марионетка. Волосы Элоиза заколола старомодными шпильками двоюродной бабушки Талии, которые кололи кожу, но плохо держали прическу.

Элоиза медленно вынула шпильки из волос — одну за другой. Их кончики покалывали ей ладони, но в качестве оружия их не применить. Ее волосы рассыпались по плечам.

— А теперь платье, — тяжело дыша, приказал Ральф.

— Платье... — эхом отозвалась Элоиза.

Ей казалось, что все это сон. Нет, не сон. Кошмар. Сейчас она должна быть на свадебной церемонии, а затем — на торжественном завтраке. Креветки, шампанское, тонкие, как бумага, ломтики ветчины, при одном виде которых слюнки так и текут, смех, поздравления... Утром они с Талией не съели ни кусочка, так нервничали и торопились. В животе у Элоизы заныло, но не от голода. Она прикоснулась рукой к сверкающей броши в виде бабочки, которую двоюродная бабушка Талии подарила ей перед смертью. Застежка броши растянулась.

«Помоги мне, Юделла! — взмолилась Элоиза про себя. — Наверняка ты оставила мне брошь не случайно. Скажи мне, что я должна сейчас сделать».

Остановившись в дверях своего дома, Дрейк выглянул на улицу. Шел дождь, мостовая была залита водой, дул пронизывающий ветер. Интересно, подумал он, чем может сейчас быть занята Элоиза? Глаз не сводит с Талии, чтобы та в целости и сохранности добралась до своего жениха? Или скрывается от Хораса Торнтон? Все, что нужно Торнтону, — это несколько добрых порций выпивки и сентиментальная обстановка, в которой его опять развезет. Возможно, Дрейку стоит устроить сюрприз и появиться без предупреждения.

Более отвратительного дня для свадьбы не придумать; впрочем, при такой погоде и в парк не поедешь. А вот для того, чтобы заниматься любовью в удобной постели с желанной женщиной, погода вполне подходит.

Господи, он постоянно о ней думает, не может не думать! Элоиза понятия не имеет о том, сколько раз он возмущался про себя из-за ее последней просьбы. Она ему нужна, и будь прокляты все ее обязательства, вместе взятые.

И почему только она упрямится? Преданная и зависимая! Хотя Дрейк уже понял, что именно эта черта в характере Элоизы и заставила его полюбить ее. Или стала одной из причин того, что он в нее влюбился. Только сейчас Дрейк осознал: Боскаслы выбирают себе пару, следуя полученной от предков интуиции, которая никогда не подводила их в подобных случаях.

Он полюбил. Чем еще, прости Господи, можно объяснить, что он стоит тут, как идиот, глядя на дождь, и ему решительно наплевать на то, что о нем думают прохожие, спешащие скрыться от непогоды?

Дождь заливал его, тяжелые капли били Дрейка по лицу и голове, мочили его плечи.

«Интересно, может ли дождь смыть грехи?» — спросил себя Дрейк.

На его лице расплылась демоническая усмешка. И о чем это он думал всего несколько минут назад?

Отвратительная погода для свадьбы!

Дрейк резко повернулся и едва не сбил с ног Фредди, который маячил у него за спиной, держа наготове его пальто.

— А почему ты не на свадьбе мисс Торнтон, Фредди? — спросил Дрейк, просовывая руки в рукава пальто.

— Мы с остальными слугами решили, что уж лучше нам остаться в вашем доме, мы здесь нужнее, милорд. К тому же ожидать вечно суесящихся леди не так приятно, как прислуживать вам. Так мы куда-то едем? Может, в один дом на Брутон-стрит?

Дрейк позволил себе улыбнуться.

— Боюсь разочаровать тебя, если ты надеялся познакомиться с темной стороной моей натуры, — сказал он. — Времена, когда я бывал в том заведении, позади.

— Ведите меня куда хотите, милорд. Хоть к свету, хоть во тьму, — дипломатично заметил Фредди. — Я повсюду буду исправно служить вам.

— Ну хорошо, — кивнул Боскасл. — Для начала сбегай за моим экипажем. И еще попроси Квинси приготовить официальный костюм к моему возвращению.

Глаза Фредди округлились от любопытства.

— Милорд отправляется вечером на какое-то важное дело? — спросил он.

Дрейк усмехнулся:

— Да. На свадьбу.

Фредди явно был разочарован его ответом.

— Вы имеете в виду свадьбу мисс Торнтон, насколько я понимаю, — пробормотал он.

— Нет, хитрец, на мою собственную свадьбу, — огорошил его Дрейк. — А теперь поторопись, пока мы тут оба с тобой не промокли, как крысы. Дождь льет как из ведра, если ты заметил.

В разгар непогоды Девон вернулся в дом Дрейка.

До этого он неплохо проводил время с одной красивой молодой парижанкой. Больше того, Девон с этой мадемуазель, которая была готова буквально на все, катались в карете под дождем, но тут все удовольствие им испортил Уид, старший лакей его старшего брата Грейсона, маркиза Седжкрофта.

— Да подожди ты, Уид, — возмутился Девон, бросая на лакея, заглянувшего в окно экипажа, многозначительный взгляд — молоденькая французская обольстительница как раз прильнула к его груди, чтобы согреться.

Ее маленькие, крепкие, как яблоко, грудки расплющились о его руку.

— Ты прервал нас в самом интересном месте разговора.

Тощая высокая фигура Уида, закутанного в плащ, не шелохнулась. Лакей протянул Девону сложенную записку от Грейсона. Уид отвернулся, а Девон развернул записку и стал читать.

«Старшие встретились и пришли к выводу, что за Дрейком, который ведет себя в последнее время весьма странно, надо следить более пристально. Поскольку ты чаще других видишься с ним, то эта обязанность возлагается на тебя».

— «Ведет себя весьма странно»! — возмущенно проговорил Девон.

Записку ему доставили в срочном порядке, а это означало, что о развлечении с красоткой под дождем придется забыть. Спорить он не мог, но что, интересно, по мнению Грейсона и двух его родственников — Хита и Эммы (старших), — Дрейк может натворить? Может, они опасались, что он вышибет себе мозги, как это всего месяц назад сделал бедняга Берти Поттер? При мысли об этом желание Девона развлекаться с француженкой тут же пропало.

Всего спустя четверть часа Девон, спасаясь от дождя, бежал по улице к дому Дрейка с такой скоростью, что едва не сшиб стоявшего у дверей человека. Как оказалось, это был Эван Уолтон, сыщик с Боу-стрит и близкий друг семьи Боскаслов. Взглянув на мрачное, встревоженное лицо Уолтона, Девон приготовился к самому худшему.

— Они вас тоже сюда направили, да? — спросил он, с трудом глотая образовавшийся в горле комок.

Ох, не надо было ему несколько часов назад отпускать Дрейка! Ему ведь так и казалось, что брат что-то задумал.

— Думаете, мы опоздали?

— Опоздали — чего? — недоуменно поинтересовался Уолтон.

Впрочем, его недоумение можно было понять: судя по всему, сыщик довольно долго ждал перед запертой дверью дома Дрейка, ожидая, пока кто-нибудь откликнется на его стук. Вероятно, он промок насквозь, вплоть до жилета.

Девон не стал соблюдать приличия. Не ожидая, пока кто-нибудь откроет дверь, он сам отворил ее и буквально втолкнул сыщика в дом. В безуспешных поисках Дрейка он распахнул дверь в верхнюю гостиную и обнаружил, что вся домашняя прислуга собралась в

спальне Дрейка.

— Боже правый! — пробормотал Девон, обессиленно прислоняясь к косяку двери. — Кажется, я, приехал слишком поздно. Они сгрудились вокруг кровати Дрейка, чтобы отдать ему последнюю дань уважения.

Только почему-то у всех слуг, что собрались в большой комнате, был далеко не траурный вид, а личный лакей Дрейка, Квинси, насвистывая какую-то легкомысленную мелодию, раскладывал на аккуратно застланной кровати официальный костюм хозяина. Одна служанка суетливо бегала по спальне с тряпкой и куском пчелиного воска. Другая ставила тепличные цветы в старинную вазу с таким трепетным видом, словно была художницей, жизнь которой зависела от того, как она это сделает.

— Да что тут такое происходит? — спросил Девон.

— Ох, лорд Девон! — поздоровалась, выглядывая из-за огромного букета, узнавшая его пышногрудая служанка. — Ну разве это не потрясающая новость!

Девон уставился на кровать, на которой — он видел это совершенно точно — не было тела его брата Дрейка. К тому же никто в спальне и не думал горевать, напротив, все явно были веселы и счастливы.

Неестественное веселье слуг должно было насторожить его. Вместо этого оно вбило гвоздь страха в его беспечное сердце.

— Какая новость? — едва слышно спросил Девон у улыбающейся горничной.

Служанка с испугом посмотрела на лакея.

— Это ведь не секрет, не так ли? — спросила она.

Уголки рта Квинси чуть дрогнули.

— Разумеется, нет, потому что новость мне передал слуга, а не сам хозяин, — уверенно произнес он.

— Да что за новость? — никак не мог понять, в чем дело, Девон.

Он прислонился к спинке кровати. Он умеет держать себя в руках, он не дрогнул даже тогда, когда во время войны ему пришлось держать друга, которому ампутировали палец на ноге. Но если то, что он заподозрил, — это правда, то он, пожалуй, может и в обморок грохнуться, как девица.

— Лорд Дрейк женится! — торжественно произнесла горничная, спешно переставляя столик поближе к кровати.

— Женится? — бесцветным голосом переспросил Девон. — На ком?

— Ну как же, конечно, на своей любовнице, — ответила она. — Это так замечательно! А вы придете на свадьбу? — Она болтала так быстро, что Квинси бросил на нее предостерегающий взгляд.

Девон попятился из комнаты с таким видом, словно там лежал больной чумой. Хотя в некотором роде так оно и было. Его братья и сестры несли свои грешные души на алтарь брака с такими же упорством и настойчивостью, с какими пчелы стремятся к распустившемуся цветку. У Девона было такое чувство, будто одной рукой он подносит к носу ароматизированный шарик против заразы, а другой прижимает к груди Библию.

Уолтон мерил шагами холл.

— Ну что там с лордом Дрейком, милорд? — недовольно спросил сыщик. — Он в порядке?

— Для кого как, — неопределенно ответил Девон.

Уолтон нахмурился.

— В таком случае я считаю необходимым передать мою информацию вам, — сказал он после минутного раздумья. — Надеюсь, вы немедленно расскажете вашему брату то, что я намерен вам сообщить.

Услышав отдаленные раскаты грома, Девон подумал о том, что погода вполне соответствует печальной новости о свадьбе Дрейка. В воздухе должны летать летучие мыши, а на всех кладбищах Лондона мертвецам следует восстать из гробов. Потому что его брат и лучший друг, возможно, навсегда для него потерян.

— Что еще за информация, Уолтон? — спросил Девон.

— Похоже, Ральф Хокинс вообще не уезжал из Лондона, — сказал Уолтон. — На его место в почтовой карете сел другой человек. Мы не знаем как, но Хокинс раздобыл где-то немного наличных и расплатился со своей квартирной хозяйкой. Я решил, что лорду Дрейку следует знать об этом.

— Да, — кивнул Девон. — Я передам ему ваши слова. — «Но для этого я должен разыскать его».

На свадьбу Дрейка Девон идти не собирается. Да если он пойдет, то, пожалуй, сам разрыдается, как невеста, при виде того, как его любимый партнер по греху надевает на себя брачное ярмо.

Незнакомое дотоле ощущение тяжелых пальцев Ральфа на своей груди вывело перепуганную Элоизу из состояния шока. Она трижды полоснула его по запястью и пропорола кожу на его шее согнутой углом застёжкой броши. Элоиза добралась и до его уха, но тут Ральф вышел из оцепенения и набросился на нее, ударив ее кулаком по лицу.

Элоиза нагнулась и прикрыла голову руками, спасаясь от его ударов.

— Беги, Талия, беги немедленно! — закричала она. — Господи, да убегай ты отсюда! Быстрее!

Элоиза могла бы подумать, что девушка в шоке и не обратит внимания на ее призыв. Но Талия наконец-то взяла себя в руки и встала с кровати. Однако, встав, она не убежала, а обеими руками подняла тяжелый керамический ночной горшок и, зажмурив глаза, обрушила его на голову Ральфа.

— Элоиза никогда не выносила ночных горшков! — выкрикнула Талия.

Ральф пошатнулся, и в то же мгновение Элоиза изо всех сил толкнула его в грудь. Ральф повалился на пол.

— Даже не вздумай, — процедила сквозь зубы Талия — сушая валькирия в свадебном платье, — прикасаться своими грязными лапами к мисс Гудвин.

С искаженным от ненависти лицом Ральф стал медленно подниматься с пола. С уха его капала кровь.

— Сейчас я покажу тебе, маленькая сучонка, что я вздумаю, а что нет. Я вам обоим покажу...

Дверь... Кто-то стоял за дверью. Элоиза боялась даже оглянуться, моля Господа о том, чтобы послышавшийся ей стук не был шумом дождя и даже не стуком кучера, который, устав ждать, решился наконец войти в дом, прося Всевышнего о том, чтобы недолгая тишина, наступившая после стука, не означала, что стучавший человек ушел.

Сначала Дрейк не догадался, что в доме что-то происходит. Вымокший до нитки кучер пожаловался ему на погоду, женщин и на все свадьбы вообще. Сам Дрейк не знал, на какое время назначена церемония. Он не слушал ее, когда Элоиза что-то говорила об этом. Его интересовало лишь то, что после свадьбы она окажется в его полном распоряжении. К тому же его нисколько не удивляло, что церемония не начнется вовремя.

Талия будет не первой невестой, опаздывающей на собственную свадьбу. Да в обычной ситуации на такой пустяк, как опоздание, Дрейк и вовсе не обратил бы внимания. Но впереди в этот же день была еще и его собственная свадьба. Он получил для нее специальное разрешение, которое бережно положил себе в карман.

Передняя дверь в доме Торнтона оказалась не заперта; никто не ответил на его вопросительный оклик. Выглянув на улицу, Дрейк окликнул Фредди и попросил того подождать в карете. Если Элоиза по-прежнему рвется сопровождать Талию, то, пожалуй, он сам ее отвезет. Присутствие на свадьбе Талии позволит ему похитить Элоизу, как только брачные клятвы будут произнесены.

— Элоиза! — еще раз крикнул Дрейк.

По-прежнему ни звука.

Ненастье успокаивалось, хотя дождь все еще тихо барабанил по крыше, нарушая встретившую Дрейка тишину. Боскасл направился в гостиную.

— Да где же все? — пробормотал он.

И тут сверху раздался грохот, будто что-то разбилось. Дрейк замер. Возможно, это Талия уронила что-то, торопясь на свадьбу.

Он побежал вверх. Из-за двери спальни, расположенной в конце коридора, послышались голоса. Дрейк так спешил добежать до нее, что не обратил внимания на голос, окликнувший его снизу, на звук чьих-то шагов в холле.

— Элоиза! — закричал Дрейк. — Талия! Ответьте мне! Где вы? — Ему показалось, что он слышит тихий плач.

В панике Дрейк подергал ручку двери. Дверь оказалась заперта изнутри. Он ударил ее плечом — петли заскрипели, но дверь не поддалась, зато тут же раздался женский крик о помощи. Тут еще одно плечо пришло к нему на помощь — повернув голову, Дрейк увидел озабоченное лицо младшего брата!

— Раз, два, три...

Петли наконец поддались напору, дверь отворилась.

Он обвел комнату взором. Возле кровати — Элоиза рядом с Талией. Обе живы, но сильно напуганы. Бедно одетый мужчина пятится в сторону окна. Глаза его полны страха. Ральф Хокинс.

Краем глаза Дрейк увидел, как Элоиза пристегивает на платье брошь. Ее лицо бледно как полотно, волосы растрепаны, на щеке ярко-красная отметина. Мерзавец бил ее.

Дрейк рассвирепел. Он сбросил Ральфа на пол прежде, чем Девон успел вывести женщин из комнаты, и в ярости стал бить его головой об пол.

Откуда-то издалека доносился голос Элоизы, но он не мог отпустить Ральфа Хокинса... И без сомнения, он бы отправил Ральфа в преисподнюю, если бы не чья-то тяжелая рука, опустившаяся ему на плечо и остановившая его.

— Лорд Дрейк, — тихо проговорил сыщик Эван Уолтон.

Кровь Дрейка кипела. Он не хотел слышать призывов к разуму. Он сможет утихомирить свой гнев, лишь довершив дело мести. Он хочет...

— Лорд Дрейк, — повторил Уолтон, до боли резко сжимая плечо Боскаслу. — Я сам обо всем позабочусь. Вам же надо спешить на свадьбу, не так ли?

Выходя в холл, Дрейк ожидал увидеть Элоизу и Талию в истерике, что было бы вполне понятно. Но Девону, благослови его Господь, удалось успокоить обеих женщин. Дрейк вопросительно посмотрел в глаза Элоизе, опасаясь спросить вслух, не пришел ли он слишком поздно и не зашел ли Ральф в деле своей мести слишком далеко. Элоиза тем временем уложила растрепавшиеся кудри Талии в прическу и стала аккуратно прикалывать к ее волосам кружевную фату.

Подойдя к Элоизе, Дрейк немедленно заключил ее в объятия. Судя по тому, что Элоиза сильно дрожала, она еще не успела успокоиться, а лишь держала себя в руках, скрывая свои чувства. Прижав ее к себе, Дрейк закрыл глаза и с наслаждением втянул носом запах ее волос. Он никак не мог прийти в себя. Как хорошо, что он вовремя оказался в доме Торнтона! Слава Богу, что она была не одна, а с Талией!

— Ты уверена, что он не причинил тебе вреда? — спросил Дрейк.

Элоиза кивнула. Дрейк понял, что Элоиза не владеет своим голосом, и чувствовал, что деланное спокойствие дается ей с большим трудом; в таком состоянии Элоизу он еще ни разу не видел. Ему стоило немалых усилий сдерживать свой гнев, прожигавший его до костей.

— Он просто напугал нас, вот и все, — прошептала Элоиза. — Но мы опаздываем на...

Дрейк слегка откинулся назад, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Знаю, — перебил он Элоизу. — Мы опаздываем на свадьбу.

Она удивленно на него посмотрела. Дрейк озабоченно осмотрел ее лицо. Маленький синяк на ее щеке из красного превращался в фиолетово-синий, так резко контрастирующий со сливочным цветом ее нежной кожи. Боскаслу не хотелось выпускать ее из своих объятий.

— Ты решил пойти на свадьбу? — осторожно поинтересовалась Элоиза.

— Да, — кивнул Дрейк. — На нашу с тобой.

Произнеся эти слова, он понял, что принял лучшее в жизни решение, о котором никогда не пожалеет.

— На нашу? — переспросила Элоиза, взглянув на Дрейка с таким изумлением, будто увидела перед собой сумасшедшего.

Впрочем, возможно, так оно и было. Но это было легкое, приятное сумасшествие по сравнению с его обычным настроением.

Талия с Девонем тоже оторопело уставились на него. Дрейк усмехнулся, чувствуя себя полным глупцом. Чтобы скрыть некоторое смущение, он провел рукой по спутавшимся волосам. Он никак не мог привыкнуть к незнакомому ему доселе чувству, поселившемуся в нем с тех пор, как он принял решение о женитьбе.

— У меня, наверное, ужасно нелепый вид? — спросил он. — Я чувствую, что это так.

Элоиза прикусила верхнюю губу, ее глаза наполнились слезами.

— Ты божественно красив, — проговорила она дрогнувшим голосом.

Дрейк с радостью осушил бы поцелуями ее слезы, если бы не присутствие изумленных происходящим Талии и Девона.

Девон кашлянул в кулак.

— Честно говоря, Дрейк, я бы сказал то же самое, — промолвил он. — Я никогда прежде не видел такого просветленного выражения на твоём лице.

Дрейк смущенно засмеялся. Ему никогда не выразить словами, как он ценит поддержку младшего брата. Однако, похоже, мошенник и без слов это понимает.

— Кстати, что ты тут делаешь? — Дрейк. — Вечно ты оказываешься там, куда тебя не приглашали.

— Старшие послали меня следить за тобой, — неохотно ответил Девон. — Ты даже не представляешь, как я спешил.

— Старшие опять подослали тебя ко мне? — Выпустив Элоизу из объятий, Дрейк взглядом проследил за ней, когда она повела Талию вниз. — И что, по их мнению, ты должен был обнаружить? — вполголоса спросил Дрейк.

Он был не столько рассержен, сколько заинтригован.

— Они опасались, что ты сотворишь что-то страшное, — задумчиво ответил Девон.

— Мы с Элоизой собираемся пожениться, — сказал Дрейк.

Девон в притворном ужасе попятился к стене:

— Боже мой, они были правы!

— И ты даже не обнимешь меня по-братски, не поздравишь? — сухо поинтересовался старший из братьев.

Девон перекрестился, словно пытаясь отогнать от себя нечистую силу.

— Держись от меня подальше! Меня ты с пути не собьешь.

Удивленно покачав головой, Дрейк направился к лестнице.

— Идиот, ты что, не понимаешь, что очередь за тобой и что ты будешь следующим? — усмехнулся он. — Если это случилось со мной, то может случиться и с тобой.

Девон подошел к перилам.

— На это даже не рассчитывай, — уверенно произнес он. — Я женюсь лишь под угрозой неминуемой смерти.

— То же самое совсем недавно говорил я.

Наклонившись вперед, Девон уперся локтями в перила.

— Еще не поздно, — сказал он. — Мы еще можем сбежать на побережье.

— Я все слышу, — раздался снизу голос Элоизы.

— Боже правый! — воскликнул Девон. — Ты можешь только себе представить ее и Эмму в одном доме? Жизнь там станет абсолютно невыносимой.

Спустившись вниз, Дрейк на мгновение остановился.

— Вот что, братец, сделай мне одолжение, — попросил он. — Не рассказывай пока об этом старшим.

— Почему бы и нет? Не сможешь же ты скрывать, что женился.

— Я бы хотел скрыть это всего на несколько часов, учитывая, что дольше ты молчать не сможешь, — сказал Дрейк, глядя на то, как Элоиза ведет Талию к двери.

— А как насчет шафера? — задумчиво спросил Девон.

Дрейк знаком попросил Элоизу подождать его. Бедняга Девон был так огорчен, что ему стало жаль брата. Разумеется, к вечеру Девон забудет о своих переживаниях. Жизнь же продолжается.

— Можешь передать свои полномочия Фредди, лакею.

— Дьявол побери, Дрейк! Да родные меня убьют, если я ничего им не скажу. Ты своей просьбой поставил меня в идиотское положение.

К удивлению Элоизы и взволнованного, но терпеливого жениха Талии, свадебная церемония прошла спокойно, хоть и с большим опозданием. Никто из немногочисленных гостей не стал спрашивать, почему фата невесты сбилась набок и почему она ворвалась в дом во время грозы, опоздав на церемонию почти на два часа.

Но никто из них и не догадывался о том, что сияющая юная невеста, произносившая перед женихом и гостями брачные клятвы, совсем недавно обрушила на голову одного нехорошего человека тяжелый глиняный горшок, чтобы спасти свою любимую компаньонку.

Само собой, компаньонка об этом никому не расскажет. Сэр Томас вновь и вновь повторял, что Талия выглядит великолепно. То же самое говорил и брат невесты, лорд Торнтон, который и сам опоздал на церемонию и прибыл в дом жениха спустя несколько минут после Талии. Он приехал в сопровождении красивой, хотя и не совсем молодой дамы, которую представил как свою невесту. Элоизе Хорас признался, что познакомился с нею минувшим вечером и почти сразу же сделал ей предложение.

У Элоизы едва хватило времени, чтобы быстренько поздравить их с неожиданной помолвкой и выпить пару бокалов шампанского, прежде чем Дрейк увез ее. Выходя из дома, Элоиза бросила прощальный взгляд на Талию, стоявшую рядом со своим мужем. Талия поймала ее взгляд и улыбнулась ей. Элоиза тоже улыбнулась.

— Я свои обязательства выполнила, — прошептала Элоиза. — Благослови их Господь!

Дождь перестал. Скупые солнечные лучи осветили мощенную булыжником мокрую улицу. Элоиза прикоснулась к своим глазам, и Дрейк озабоченно взглянул на нее. Синяк на ее щеке стал еще темнее.

— Он больше никогда не приблизится к тебе, Элоиза, — сказал Дрейк. — Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Элоиза тихонько усмехнулась.

— Дело не в этом, — промолвила она. — Хотя... как сказать... Я очень счастлива за Талию. Сэр Томас любит ее и простит ей все ошибки. Я верю, что они будут жить в мире и согласии.

— А мы? Ты думаешь, наша семейная жизнь будет такой же?

Элоиза внимательно посмотрела на суровое и мужественное лицо Дрейка. Видела ли она хоть раз столь же искреннее выражение в его глазах, как сейчас? По-настоящему она поняла, какие чувства испытывает к нему, лишь после того, как Дрейк сказал, что хочет на ней жениться.

— Я не была уверена, что ты говоришь серьезно, — сказала Элоиза. — Мне приходило в голову, что, спасая нас от Ральфа, ты так разволновался, что сгоряча сделал мне предложение.

— Я бы никогда не сделал предложение сгоряча, — проникновенным тоном проговорил Боскасл, посмотрев на дорогу. — Я увлекся тобой, когда увидел тебя впервые. И мое предложение не имело никакого отношения к тому, что ты была в опасности, когда я пришел в дом Торнтонов. Дело в том, что я шел туда как раз для того, чтобы предложить тебе руку и сердце.

— Кстати, насколько я помню, ты ведь так и не сделал мне предложение, — усмехнулась Элоиза. — Ты, кажется, сказал, что мы с тобой поженимся, вот и все.

Дрейк вышел на улицу. Элоиза никак не могла понять, толи он испытывал неловкость, говоря о своих чувствах, то ли что-то отвлекало его. Ясно было одно: он не слишком внимательно слушал ее. Из-за чего же переменилось его настроение всего за несколько

минут разговора?

— А где мой экипаж? — спросил он.

Элоиза оглянулась назад.

— Да вон какой-то экипаж выезжает из-за угла, смотри.

— Это не мой, — сказал Дрейк, подтолкнув Элоизу на тротуар.

Элегантная карета с гербом на дверце, запряженная шестеркой белых лошадей, приближалась к ним, привлекая к себе внимание всей улицы.

— Это какой-то цирк на колесах.

— Что? — Голоса Элоизы было почти не слышно из-за громкого цокота копыт.

Карета, живописный кучер в парике и надменный ливрейный лакей явно произвели на нее большое впечатление, несмотря на неодобрительную оценку Дрейка. Элоиза восхищалась теми, кто гордился своим высоким положением, и втайне любила великолепие аристократии.

— Это кто-то из твоих знакомых?

Дрейк безразлично пожал плечами и пошел назад, к дому леди Хитон.

— Послушай-ка, пожалуй, нам надо съесть хотя бы по кусочку свадебного пирога, — сказал он. — А то мы с тобой убежали, как пара попрошайек.

Элоиза с любопытством смотрела на карету.

— О чем ты говоришь? Ты же едва дождался, пока священник завершит церемонию, — заметила она.

— Ну да, — кивнул Дрейк, похлопав себя по плоскому животу. — А вот теперь мне что-то захотелось есть.

— Свадебного пирога? — скептическим тоном спросила она.

— Я ужасно голоден, — проговорил Дрейк, хватая ее за руку.

В это мгновение лакей спрыгнул с запяток роскошной кареты на землю и с торжественным видом направился к ним, ловко обходя лужи. Не дай Бог, подумала Элоиза, чтобы хоть капля грязной воды попала на его шикарное одеяние.

Элоиза выжидающе посмотрела на лакея. Не то чтобы она испугалась этого напыщенного человека в ливрее с золотыми галунами. Уж с людьми этой социальной среды она поработала вместе немало, так что никакой лакей, пусть и разодетый в пух и прах, напугать ее не может. Другое дело Дрейк. Вот он, кажется, действительно слегка смутился, увидев лакея, который так заинтриговал Элоизу. Кто же этот человек? Чего он хочет? Целая толпа пешеходов собралась на улице поглазеть на него.

Лакей с каменным лицом поклонился ей и щелкнул пальцами над своим плечом. Другой лакей ловко распахнул дверцу кареты и заученным движением опустил вниз лесенку.

— Карета его светлости в распоряжении леди, — на всю улицу громовым голосом объявил тот лакей, что постарше.

Элоиза довольно улыбнулась. Она любила приятные сюрпризы. Но почему Дрейк так смущен?

— Как предусмотрительно со стороны его светлости, — заметила Элоиза с довольной улыбкой.

На лице Дрейка тоже появилась улыбка, только весьма кислая.

— Дрейк, тебе не следует быть таким мрачным, — шепотом промолвила она.

Он посмотрел на лакея.

— А разве я мрачный?

— Тогда... — Элоиза не договорила: лакей практически поднял ее и поставил в спасительное и просторное укрытие кареты.

Кожаные шторы уже были задвинуты, гарантируя им уединение. Дрейк, заметила Элоиза, поднялся в карету вслед за ней, крепко сжав губы.

Но это же не бегство, подумала Элоиза. Скорее, это больше похоже на пленение, пусть и прикрытое вежливым обхождением.

— Меня похищают? — спросила она через плечо у Дрейка.

— Нас обоих похищают, — проговорил он, усаживаясь напротив нее.

И, судя по выражению его лица, это было ему не по нраву, что означало только одно — неожиданное появление кареты было таким же сюрпризом для него, как и для нее.

Карета медленно тронулась с места. Элоиза приподняла шторку. Пешеходы и экипажи поменьше прижимались к сторонам улицы, уступая им дорогу. Попрошайки с надеждой смотрели на них, ожидая брошенной в окошко монетки.

— Насколько я поняла, это карета маркиза, — вполголоса произнесла Элоиза.

Дрейк кивнул, на его лице оставалось недовольное выражение.

— Да. Маркиз Высокомерие потребовал привезти нас к себе.

Элоиза посмотрела на него.

— Что означают твои слова?

— Они означают, что Девон не смог сохранить тайну и что я его задую.

Элоиза потуже натянула перчатки.

— Требование Боскаслов... — Ну и денек у нее выдался! — Надеюсь, причина семейного разлада не во мне?

Дрейк пересел на сиденье рядом с нею, на его лице заиграла ласковая улыбка, хоть и немного печальная.

— Видишь ли, сколько я себя помню, мы с моими братьями и сестрами вечно из-за чего-то ссорились. Грейсон в душе актер. Он ничего не делает наполовину.

— Но мне неприятна даже мысль о том, что я могу встать между тобой и твоей семьей, — огорченно проговорила Элоиза.

— Позволь мне самому уладить все с Боскаслами. — Дрейк, нахмурившись, осторожно погладил синяк на щеке костяшками пальцев. — Тебе больно?

— Немного.

— Я не хочу, чтобы в день нашей свадьбы ты чувствовала что-то, кроме удовольствия.

— Но мы еще не...

Он заставил ее замолчать, зажав ей губы крепким и нежным поцелуем. Элоизе следовало бы остановить Дрейка, но как же приятно было прижаться к его мощной груди и забыть обо всех неприятностях, которые ей пришлось пережить в этот день. Но, конечно, она не могла забыть полностью. Особенно в карете маркиза с этим лакеем, который не откажет себе в удовольствии передать маркизу все, что он видел.

Судорожно вздохнув, Элоиза откинула голову назад.

— Ты правда серьезно говорил о том, что хочешь на мне жениться?

— Да.

Она вздрогнула, когда костяшки его пальцев пробежали по ее шее и спустились вниз, к ее груди. Да, Дрейк предлагает ей защиту и весьма грешные развлечения.

— Тебе не кажется, что нам сначала надо, как полагается, объявить о помолвке? — тихо спросила она.

Его жадный взор пробежал по ее телу.

— Зачем?

— У тебя было бы время подумать, — проговорила Элоиза, посмотрев Дрейку в глаза. — Я же была твоей любовницей всего неделю.

Его рука медленно сползла от ее груди к животу.

— Этого довольно для того, чтобы ты могла забеременеть.

Еще одна волна приятной дрожи пробежала по телу Элоизы. Дрейк сказал правду. Они не были готовы к вспышке страсти, которая заставила их слиться в экстазе.

— Ты — сын маркиза, Дрейк, — промолвила Элоиза. — А я — дочь деревенского судьи, впавшая к тому же в немилость.

Дрейк пожал своими широкими плечами.

— А разве не говорил я тебе, что испытываю настоящую страсть к юстиции? — с улыбкой спросил он. — Особенно в той части, которая касается впавших в немилость женщин.

— Но ты же знаешь, что подумают люди. Одно дело — сделать такую женщину своей любовницей, и совсем другое — жениться на ней. Женитьба может во многом осложнить тебе жизнь.

— Возможно. Но мужчины во все времена женились на своих любовницах, — возразил Боскасл. — Герцоги и сейчас женятся на актрисах, к тому же и мне известно, что такое впасть в немилость, считаться изгоем. И вообще, мне уже довольно много лет, чтобы я мог сам принимать такие решения.

Элоизе хотелось верить каждому его слову. Хотя если сам Дрейк верит в то, что говорит, то и она, вероятно, может поверить ему.

— А что скажут твои друзья?

— При встрече со мной они будут спрашивать, нет ли у тебя сестер, — промолвил Дрейк в ответ. — А разговаривая с тобой, они будут сгорать от зависти. Так что придется мне отколотить их всех дубинкой, позаимствованной у констебля.

Элоизе пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться.

— Не думаю, что это может произойти... Меня нигде не будут принимать, — проговорила она.

— В таком случае мы с тобой попросту не будем выходить из дома.

Элоиза закрыла глаза. Обняв ее за талию, Дрейк прошептал ей на ухо, отчего мурашки побежали по ее спине:

— Но все равно я не сдамся. Я буду днями и ночами стоять под твоим окном и умолять тебя выйти за меня замуж.

— Если ты это сделаешь, друзья силой уведут тебя оттуда, — сказала Элоиза, чувствуя, что слабеет.

— Неужто ты будешь так жестока, что заставишь меня сидеть взаперти из-за моей любви к тебе?

— Нет, — после продолжительной паузы ответила Элоиза.

— В таком случае твой ответ «да»?

Как будто этот мошенник сомневался в ее ответе, подумала Элоиза.

— Да, — кивнула она. — А что скажет твоя семья, когда ты представишь меня родным в качестве своей невесты?

Дрейк нахмурился, отчего его брови сошлись на переносице.

— Честно говоря, я хотел бы избежать этой части нашей помолвки, — признался он.

Сердце Элоизы упало. Она ощутила, что ее лицо заливается краской недовольствия. Разумеется, семья не одобрит его выбора. Лорд Дрейк Боскасл решил жениться на женщине, занимающей более низкую ступеньку на социальной лестнице, и ничто не в состоянии этого изменить. Даже братья и сестры Дрейка с либеральными взглядами осудят его выбор.

— Так ты предпочитаешь, чтобы они вообще со мной не познакомились? — спросила она. — Ты хочешь сделать меня тайной женой?

Дрейк взял ее за подбородок.

— Кажется, ты неправильно поняла меня, Элоиза. Я боюсь не того, что Боскаслы тебя не одобряют. Нет, я опасаясь, что они изменят твое мнение обо мне.

Она улыбнулась, приподняв брови:

— Очень сомневаюсь в этом, да и как они это сделают? Что они могут сказать?

Дрейк откашлялся. Семейство сможет рассказать о нем немало неприглядных историй.

— Я очень прошу тебя не слушать того, что родные могут рассказать о моих грешных годах, — проговорил он.

— О твоих грешных годах? — переспросила шокированная его словами Элоиза. — А как в таком случае называется твой нынешний год?

— Год удовлетворения и довольства.

Дрейк смотрел на Элоизу, обдумывая, как бы объяснить ей, что он имеет в виду, до тех пор, пока не осознал, что она поняла его. То, что произошло между ними, покорило и полностью изменило его. Элоиза смогла разбудить в его душе способность любить, о существовании которой он никогда не подозревал.

— Этот свой год я смогу назвать годом удовлетворения и довольства благодаря тебе, Элоиза, — промолвил Дрейк дрогнувшим голосом.

Она подняла к нему лицо.

— И я тоже, — прошептала она.

Дрейк не знал, что он должен сказать Элоизе, чтобы подготовить ее к встрече с его родными. Вероятно, римские гладиаторы испытывали примерно такое же замешательство, когда их бросали к львам. Но ведь спасал же их инстинкт самосохранения. Разумеется, он будет рядом с Элоизой и защитит ее. Пусть для начала Боскаслы изорвут в клочья его самого. Хватит с нее переживаний за один день. Каждый раз, глядя на ее синяк, Дрейк чувствовал, как его кровь закипает от ярости, и ему хотелось вновь прийти ей на помощь. Правда, им предстоит принять участие в битве другого рода, к тому же они будут вместе.

Наконец карета остановилась перед элегантным особняком на Парк-лейн.

Когда-то его владелец Грейсон Боскасл, distinguished пятый маркиз Седжкрофт, был тем еще повесой, не помышлявшим о правилах хорошего тона, который весь Лондон будоражил своими бесчисленными неблагоприятными поступками. С ним можно было похулиганить, но он поддерживал дружеские отношения со всеми своими братьями и сестрами. Зато сейчас маркиз стал верным мужем и чрезмерно заботливым отцом, который очень серьезно относился к своей роли семейного патриарха.

Дрейк бросил на Элоизу извиняющийся взгляд, когда они вошли в просторный вестибюль с колоннами. Каблуки Уида застучали по мраморному полу. Ну в самом деле, как подготовить ее к неизбежной встрече с его ничего не прощающими родственниками?

— Прощу тебя помнить, что я не отвечаю за родных, — промолвил Дрейк тихо. — И не верь ничему, что они скажут обо мне.

Однако Элоиза была так восхищена итальянской живописью на одной из стен, что, заподозрил Дрейк, не слышала ни единого слова.

— Но ведь я уже познакомилась с одним твоим братом, с леди Стратфилд и с леди Лайонс, — пробормотала она. — К тому же мне кажется, что ты немного преувеличиваешь.

— Преувеличиваю... — эхом отозвался Дрейк.

Он тяжело вздохнул, когда двустворчатая дверь в конце длинного коридора распахнулась.

— Немного...

Они услышали голос дворецкого:

— Лорд Седжкрофт примет вас немедленно.

Дрейк украдкой подтолкнул Элоизу назад.

— Это наш последний шанс, — тихо проговорил он. — Мы еще сможем убежать отсюда.

Элоиза спокойно посмотрела на него:

— Неужели он может напугать? Дрейк засмеялся:

— Я бы не сказал, что он может напугать, во всяком случае меня, но он... в общем, мой брат — это нечто. К тому же тебе все равно рано или поздно придется столкнуться с «могущественными» Боскаслами.

— Что ж, пусть это произойдет прямо сейчас.

«Мой брат — это нечто».

Именно это выражение пришло в голову Элоизе, когда ее представили Грейсону Боскаслу, distinguished пятому маркизу Седжкрофту. Пожалуй, определенно это было так.

Элоиза немедленно заметила сходство маркиза с Дрейком — те же синие глаза, та же мужественная живость, то же захватывающее обаяние. Но на этом сходство заканчивалось. Ее Дрейк темен, неистов, его привлекательность полускрыта. А маркиз — этаким властный бог, излучающий тепло.

— Итак, ты будешь моей невесткой, — промолвил маркиз с такой торжествующей улыбкой на губах, что у любой другой женщины сердце подскочило бы от волнения.

— Мне это очень приятно, лорд Седжкрофт, — сдержанным тоном произнесла Элоиза, встречая любопытный взгляд Грейсона.

В нем бездна обаяния, пришло ей в голову. Особенно если учесть причину их знакомства.

К собственному удивлению, Элоиза совсем не волновалась. Вероятно, решила она, спокойствием она обязана именно обаянию маркиза. Впрочем, ее многочисленные встречи с людьми, дотоле незнакомыми, научили ее держаться спокойно под их испытующими взглядами.

Маркиз выпрямился. Повернув голову, Элоиза заметила фигуры сидящих и стоящих людей, заполнявших элегантную гостиную. Разумеется, она узнала леди Лайонс, Хлою Боскасл и ее мужа, виконта Стратфилда.

Все они, подумалось ей, — убийственно красивое семейство. Через несколько минут в комнату проскользнул Девон и тут же пристроил свое длинное тело на диван в простенке между окнами.

— Не ругай меня за это, Дрейк, — взмолился он. — Мне угрожали тисками для пальцев и прочими инструментами из пыточного арсенала Боскаслов. Я был вынужден все рассказать им.

Дрейк плеснул себе в бокал хереса из графина, стоявшего в буфете.

— Уж конечно, — бросил он. — Трус!

— Мы не могли допустить, чтобы ты сбежал, — сказал Грейсон, улыбаясь чарующей улыбкой человека, привыкшего манипулировать людьми.

В комнату вошла еще одна женщина, тихо представившаяся Элоизе как Джейн, жена Грейсона. Милая маркиза сразу понравилась Элоизе. Простая, очень приятная в общении, уверенная в себе, она привлекала к себе и была прямой противоположностью своему властному мужу. Джейн тепло обняла Элоизу.

— Вы отважная женщина, если решились выйти замуж за Дрейка, — сказала она с улыбкой. — Добро пожаловать в семью.

Прекрасная Хлоя с волосами цвета воронова крыла печально усмехнулась.

— Если только моя семья до начала церемонии не убедит вас в том, что вы совершаете чудовищную ошибку, — промолвила она. — Уединение и свобода, которыми вы могли наслаждаться прежде, позади.

Дрейк поставил бокал с вином на стол.

— Церемонии? — переспросил он с улыбкой. — Ты что-то сказала о церемонии, Хлоя? Наступило молчание. Грейсон встретил взгляд Дрейка.

— Ну ты же не откажешься обвенчаться в семейной часовне, Дрейк, — промолвил он. — Мы ждем только Хита и Джулию. Священник уже на месте. Надеюсь, ты не станешь возмущаться тем, что я вместо тебя позаботился об этих мелочах.

Элоиза затаила дыхание — в комнате повисла напряженная тишина. Неужели она стала ее причиной? Ни за что на свете она не хотела бы вставать между Дрейком и его семьей. Это

же понятно, что маркиз захочет задать кое-какие вопросы, касающиеся их брака.

Губы Дрейка скривились в сардоническую усмешку. Он приподнял свой бокал, но глотка не сделал.

— Стало быть, фамильная часовня?

В мгновение ока весь апломб Грейсона как ветром сдуло. Он бросил на свою жену Джейн почти беспомощный взгляд.

— Ну разумеется, фамильная часовня, — убедительным тоном произнесла она. — Не потащишь же ты Элоизу туда, где полно народу. Если ты пойдешь в другое место, на вас наверняка налетят репортеры, которые будут вас преследовать до самого дома.

Дрейк посмотрел на свой херес.

— Я получил специальное разрешение, — осторожно промолвил он. — Я хотел, чтобы это была закрытая тихая церемония.

Эти слова можно было истолковать по-разному. Элоиза едва дышала от волнения. Меньше всего ей хотелось, чтобы ее свадьба начиналась со ссоры с родными Дрейка. Ее свадьба... Она почти боялась даже про себя произносить эти слова, поверить в то, что это возможно. Она станет его женой, будет членом этой семьи, внушающей благоговение.

— Я прекрасно понимаю ваше стремление к уединению, — проговорил Грейсон, сдерживая эмоции. — Именно поэтому я и счел, что пригласить стоит только родных. Для меня будет большой честью, если ты согласишься со мной. — Произнося эти слова, он протягивал брату оливковую ветвь мира.

Сделать этот примирительный жест, подумала Элоиза, маркизу было весьма не просто. Только поймет ли это Дрейк?

Вновь наступила томительная тишина. Дрейк взглянул на херес в бокале, затем рассмеялся. Он был готов сдаться.

— Ну как могу я отказаться, Элоиза?

Элоиза тяжело вздохнула.

— Никак, — улыбнулась она.

Джейн с одобрением посмотрела на мужа, а Хлоя восторженно захлопала в ладоши.

Эмма, до сих пор сохранявшая молчание, встала со своего стула. Можно было не сомневаться: ее волновали соображения этикета.

— Ну что ж, теперь, когда с местом свадьбы мы определились, нам надо подумать о подходящем платье для невесты. — Она вопросительно посмотрела на Дрейка: — Полагаю, эта немаловажная деталь была упущена?

— Ну-у... — начал Дрейк, качая головой, — я...

— Так я и думала, — скептически произнесла Эмма.

— Типичный Боскасл скорее подумает о том, как раздеть женщину, чем о том, что она наденет на свадьбу, — раздался с дивана голос Девона.

— Буду тебе очень признательна, если в данном случае ты обойдешься без своих пошловатых реплик, — сдвинув брови, произнесла Эмма.

Джейн побежала к двери.

— Уверена, что я найду что-нибудь подходящее среди своих туалетов, — бросила она на ходу.

— Дорогая, — пробормотал ее муж Грейсон, — если судить по твоим счетам, ты могла бы снабдить свадебными платьями половину Лондона.

Привыкшая находиться среди прислуги, Элоиза испытала особое чувство от того, что на

сей раз она сама оказалась предметом заботы слуг. Маркиза представила ей на выбор все платья своего огромного гардероба. Ее горничные сновали взад-вперед с платьями в руках, которые Джейн еще ни разу не надевала.

В дом маркиза пригласили швею с двумя помощницами и взяли с них слово сохранить в тайне увиденное и услышанное. Кто-то принес бутылку бренди, и Хлоя дала Элоизе бокал горячительного, чтобы успокоить нервы.

Эмма целый час ездила по городу в поисках белых лайковых перчаток до локтя и парчовых туфелек, которые подходили бы к кремовому шелковому платью с нижней юбкой из золотой парчи, которую в конце концов выбрали для Элоизы. Маркиза могла похвастаться хорошей, гибкой фигурой, которая с рождением ребенка стала еще более женственной. И, к немалому удивлению Элоизы, платье Джейн отлично подошло ей.

— Мне это платье сшили в первые месяцы беременности, — поведала Джейн Элоизе. — Я его ни разу не надела, а вот на тебе оно сидит великолепно.

Элоиза посмотрела на свое отражение в трюмо в золоченой раме. Переливающаяся легкая ткань платья облегла все ее соблазнительные округлости и спадала вниз живописными складками. Длинные рукава с кружевами напоминали Элоизе о нарядах принцесс времен Ренессанса.

— У вас есть фата? — поинтересовалась приглашенная портниха, устало, но удовлетворенно оглядывая невесту.

Все бросились на поиски фаты, в комнате остались лишь Элоиза и Эмма. Их глаза встретились в зеркале. Эмма почти все время хранила молчание, однако это не означало, что она так никогда и не скажет, что думает о происходящем.

— Леди Лайонс, я даже не знаю, что сказать, — промолвила Элоиза, решив проявить инициативу. — Я знаю, что вы разочаровались во мне.

К ее удивлению, Эмма рассмеялась.

— Если я в чем и разочаровалась, так это в том, что академия не будет иметь чести принять тебя в число своих работников, — заявила она.

— Я хотела бы извиниться за инцидент у пруда, — проговорила Элоиза. — Мне очень жаль, что так произошло.

— Ничуть не сомневаюсь в том, что Перси заслужил хорошую взбучку. — Подойдя к Элоизе, Эмма осторожно убрала ей за ухо выбившуюся из прически кудряшку. — Но я слишком поторопилась осудить тебя. Ты защищала свою подопечную ценой собственной репутации. Такая преданность ценится дороже золота. Во всяком случае, ты заслуживаешь поощрения за это.

Элоиза вздохнула. Как же долго она ждала того, чтобы ее похвалил кто-то, кто действительно понимает, каково это — быть компаньонкой!

— Вы мне льстите и...

— Тем более, — не обращая внимания на ее замечание, продолжила Эмма, — что я и родители девушек, которых я пытаюсь приобщить к светской жизни, должны испытывать огромное облегчение от того, что количество повес вроде моего брата уменьшилось хотя бы на одного.

Элоиза засмеялась:

— Не знаю даже, как воспринимать ваше замечание.

— Да я и сама толком не знаю, как его следует воспринимать. — Эмма отошла в сторонку — маленькая хрупкая женщина, в которой таилась мощная внутренняя сила. — Но

если кто-то хочет выйти замуж за хулигана, то пусть это будет женщина с таким характером, как у тебя. Я очень рада этому.

Элоиза немного успокоилась.

— О! Благодарю вас.

Эмма улыбнулась:

— Мы все рады тебе, так что добро пожаловать в семью. Насколько я понимаю, всего несколько часов назад тебе пришлось пережить что-то чудовищное, но ты держишь себя в руках и выглядишь совершенно спокойной. Это заслуживает похвалы, моя дорогая.

— Мне же нужно было спешить на свадьбу, — вымолвила Элоиза.

— Свадьбе может предшествовать все, что угодно, — грабежи, разрушения, мятежи, даже, возможно, война. Все, кроме рождения ребенка, — взволнованно, что было для нее вовсе не характерно, проговорила Эмма. — Свадьба служит магическим сигналом о начале новой жизни. Надеюсь, ты забудешь о том, что произошло сегодня с утра.

Элоиза смогла лишь кивнуть — заговорить она не решилась, так как чувствовала, что голос откажется повиноваться ей.

— И еще я верю, — добавила Эмма, — что вы с Дрейком будете очень счастливы друг с другом.

Для Элоизы это была вторая свадьба за день. На первой, которую она как компаньонка с таким нетерпением ожидала, она оказалась по необходимости, исполняя свои обязанности. Зато вторая казалась ей сном, жестом благоволения богов. Грешный и прекрасный молодой человек, который ждал ее у алтаря, явно был призрачным героем сновидения. Равно как лакей в парике и ливрее, который охранял двери в фамильную часовню на Парк-лейн. И Фредди. Ее добрый, вечно взлохмаченный приятель с таким благоговением посматривал на окружающих его людей, что Элоиза не смогла сдержать улыбку.

К алтарю Элоизу повел Грейсон. Опираясь на его сильную руку, она чувствовала себя увереннее. На мгновение она с болью вспомнила о собственном отце, который так безжалостно изгнал ее из своей жизни. Возможно, когда-нибудь они помирятся.

«Ты всегда была упрямой девчонкой, которая непременно нарвется на большую беду, если не изменит своего характера». Это были последние слова, которые отец сказал ей.

Что ж, он был прав.

Там, впереди, у алтаря, стояла найденная ею «беда». Единственный человек на свете, которому она не может противиться. Как же хорошо, что она не изменила характер! Как хорошо, что в глубине своего практичного сердца она всегда верила в волшебные сказки!

И вот теперь ее сердце, трепещущее под лифом кремового платья из шелка, было готово выскочить из груди, потому что она подходила все ближе к своему обожаемому хулигану. Его мощная фигура возвышалась над ней. На Дрейке была та же одежда, в какой он был, когда пришел ей на помощь. Глаза их встретились, и они тут же забыли обо всем на свете.

Не улыбнувшись, Дрейк бережно взял ее руку. Этот жест согрел не только Элоизу, но всех немногочисленных гостей, присутствующих на церемонии. Дрейк никогда не любил открыто демонстрировать свои чувства. Лишь те, кто его любил, понимали, какое значение имеет для него женитьба, как она важна для него. Он всегда выбирал трудную, плохо различимую дорогу, но отныне он пойдет по ней не один. До сих пор он выживал, семья очень тревожилась за него. Но теперь он на правильном пути.

Внезапно где-то в уголке часовни раздалось счастливое агуканье его маленького племянника. Это был Роуэн. Как член семейства, он тоже был на церемонии. Еще один

Боскасл, который продолжает их грешный род. Дрейк улыбнулся. Возможно, он и сам подарит своему роду несколько чудесных сорванцов. В конце концов, у Элоизы есть воспитательный опыт. Из нее наверняка получится хорошая мать.

Элоиза была так хороша, что у Дрейка перехватывало дыхание. Ее лицо сияло от счастья, но синяк на ее щеке напомнил Дрейку о том, как она была близка к гибели. Он мог потерять ее. Дрейк с трудом сглотнул, вспомнив, как вбежал в спальню Талии, где он нашел двух перепуганных женщин. Даже сейчас он содрогнулся при воспоминании об ужасной картине, которая открылась его взору, когда он проломил дверь в комнату.

Он пообещал защищать ее. Свои брачные клятвы он даст от чистого сердца. Возможно ли, что совсем недавно ему было все равно, погибнет он или выживет?

— Дорогие влюбленные... — начал священник.

Краем глаза Дрейк увидел, как в часовню проскользнул его кузен Гейбриел в сопровождении еще одной кузины Боскаслов, светловолосой Шарлотты, одной из учениц академии Эммы. Дрейк заставил себя сосредоточиться на церемонии.

Кто их пригласил? Он не знал. Семья есть семья. Кстати, не Фредди ли это в ливрее маячит у входа? На церемонии не хватает лишь Марибеллы Сент-Айвз — тогда это было бы традиционное венчание в стиле Боскаслов.

Сердце Дрейка дрогнуло, когда он услышал, как свои клятвы произносит Элоиза. Сам Дрейк говорил уверенно, но его голос от волнения стал ниже. Потом, наклоняясь к жене, чтобы поцеловать ее, Дрейк заметил Девона, проскользнувшего по проходу на скамью. Девон прикрыл глаза рукой, словно не хотел верить в происходящее, а оказавшийся слева от него Гейбриел посмотрел на него со снисходительной улыбкой.

В другое время Дрейк не упустил бы возможности подойти к ним и стукнуть их головами друг о друга. К счастью, у него были другие планы.

— Элоиза, — сказал он, погладив губами ее губы, — давай убежим отсюда, пока они не загнали нас в угол.

— Боюсь, это маловероятно, — прошептала она.

* * *

В Лондоне наступил вечер — тихий туманный вечер в городе бесчисленных возможностей. С блаженным вздохом Элоиза вытянулась на кровати и допила бокал шампанского, который подал ей муж.

Дрейк наблюдал за тем, как его жена избавляется от своей одежды. Какое зрелище! И вот наконец Элоиза предстала его взору обнаженной. Мягкий свет свечей освещал ее роскошное тело — груди с розовыми бутонами сосков, изящный изгиб бедер, слегка раздвинутые ноги. Дрейк оглядел ее фигуру с удовлетворением победителя. Его жена вполне могла бы быть богиней, как ее называли бульварные газеты, но она была всего лишь женщиной — земной, доступной, принадлежащей только ему.

— Думаю, нам пора отпраздновать важное событие, — промолвил Дрейк, сбрасывая с себя одежду.

Элоиза грациозно поднялась, чтобы помочь ему раздеться.

— Я здесь, — шептала она.

— Навсегда? — спросил он, обняв ее за талию, прежде чем впиться в ее губы страстным

поцелуем.

— Даже дольше, — касаясь губами его губ, ответила Элоиза. — Люби меня, Боскасл. Вечность начинается в это мгновение.

Дрейк был готов с радостью выполнить просьбу своей жены. Разве не говорил ему кто-то из братьев, что практичные женщины — самые страстные? Взяв Элоизу на руки, Дрейк снова уложил ее на кровать, на шелковое зеленое покрывало. Засмеявшись, она приняла грациозную позу; ее порозовевшее тело так и манило к себе. Дрейк не сводил с нее глаз, у него перехватило дыхание.

Его жена.

При виде ее манящей улыбки он почувствовал, что слабеет.

Неужели ей удалось изгнать тьму, которая в последнее время все чаще охватывала его душу? Возможно, нет. Но рядом с Элоизой ему будет легче одолеть ее. Она станет тем светом, который озарит его путь и будет поддерживать его на трудной жизненной дороге до тех пор, пока он не сделает свой последний шаг.

Дрейк никогда не думал, что сможет полюбить; не знал он и о том, что способен на столь сильную любовь. А ведь он просто так, по прихоти пригласил ее на танец. Ему захотелось всего лишь скоротать несколько мгновений в обществе хорошенькой женщины, которая показалась ему немного огорченной. Волшебная сказка продолжилась, хотя такой человек, как он, должен был все равно бросить ее на полпути. Однако произошло неожиданное чудо.

«Любовь ужасна. Не дай себе полюбить!»

Но это случилось. Дрейк не смог бы остановить любовь, даже если бы попытался сделать это. Паника, охватившая Грейсона в детской, написанная на его лице любовь к сыну, с одной стороны, напугали Дрейка, а с другой — заставили его взглянуть правде в глаза. Хотя Боскасл в любви — чудовищное существо, хищный зверь, который до последнего противится происходящим в нем изменениям.

«Любовь прекрасна!»

Ужасна. Прекрасна. Но какой бы она ни была, любовь — это часть жизни. Именно поэтому Дрейк и захотел жить.

Дрейк сбросил с себя панталоны. Рука Элоизы скользнула под его рубашку, ее глаза молили его о любви. Как настоящий джентльмен, он обязан выполнить ее просьбу.

— Мое сердце, — прошептал Дрейк, погладив лицо жены. — Я люблю тебя больше всего на свете.

— И я люблю тебя, — отозвалась Элоиза, взяв его лицо в ладони.

Дрейк накрыл ее губы своими губами.

— Я даже не знал, что могу быть так счастлив, — прошептал он, привлекая ее к себе.

— Твои родные, — с довольным вздохом прошептала она, — самые лучшие люди на свете. Я так и знала, что ты преувеличивал, когда ругал их.

Комната наполнилась его смехом.

— Выходит, всем нам удалось обвести тебя вокруг пальца, — сказал Дрейк. — Сегодня все вели себя отлично, но дождись-ка Рождества, когда все Боскаслы опять соберутся вместе под одной крышей. — Его рука нежно прикоснулась к ее мягкому животу. — К концу года у нас, возможно, появится свой маленький Боскасл. Ты не против?

— Ничто не сделает меня более счастливой.

— Только не говори, что я не предупреждал тебя, когда наш малыш превратится в

маленького дьяволенка. Быть Боскасом — это пожизненный приговор.

— Но в самом деле ты ведь не был хуже всех, не так ли?

— Кто знает? — Его рука дотронулась до ее бедра. Элоиза нежная, горячая, она его любовь и свет. — Если это и так, то кто-то другой займет мое место. Бьюсь об заклад, этот кто-то уже сейчас скребется у двери, ведущей к неприятностям.

— А ты? — спросила она, прикасаясь к его губам.

Дрейк вздрогнул от удовольствия, чувствуя, как тепло ее прикосновения изгоняет черную тень из его души.

— А мне хорошо там, где я есть.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

---

notes

Примечания

Мера веса, равная 6,34 кг.

Игра слов: по-английски замок — castle, это составная часть фамилии героя Боскасл — Boscastle.

Опять игра слов: слово «повеса» — rake рифмуется с именем героя Дрейк — Drake.

В греческой мифологии сестра и супруга Зевса, верховная олимпийская богиня.